

Вячеслав Ядаганов

Осколки 4

Мир. Труд. Май

Повесть

Новосибирск

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Я32

Ядаганов В.
Я32 Осколки-4. Мир. Труд, Май. Повесть / В. Ядаганов. – Новоси-
бирск: Новосибирский издательский дом, 2024. – 190 с., ил.

ISBN 978-5-6051080-8-5

Печатается в авторской редакции.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

© В. Ядаганов, текст и фото, 2024

От автора

Дорогие мои читатели, здравствуйте!

По сложившейся традиции в каждой новой своей книге обращаюсь к вам, рассказываю о своих новостях в текущем году, в творческом плане.

Как обычно, я беру часть отпуска в марте месяце. Так было и в этом, 2023 году. Взяв отпуск, погрузив в машину свои книги, которые к каждой поездке приходится переиздавать небольшими тиражами, я поехал по районам. В нескольких библиотеках были согласованы и запланированы встречи.

Первая встреча прошла в Усть-Канской библиотеке, работники библиотеки очень хорошо подготовились, оповестили своих читателей, даже пригласили школьников. В районной газете был напечатан мой рассказ «Чапай», анонсирована эта встреча. Получилось очень теплое мероприятие, среди собравшихся был мой соклассник, Виктор Келюев, подарил фотографии. После встречи я побывал в его рабочем кабинете, он фотограф и издатель.

Потом я поехал в Онгудайский район, переночевал у соклассников, Петра Табаева и Екатерины Газетовой в Бичикту Боме. Попарился у них в бане. Проговорили полночи, я оставил им свои книги.

На следующий день я был уже в Акташе, встретился с некоторыми знакомыми, ночевал у Василия Емельяновича Андриенко, разговаривали, угощаясь яствами от Любо-ви Георгиевны, хозяйки дома.

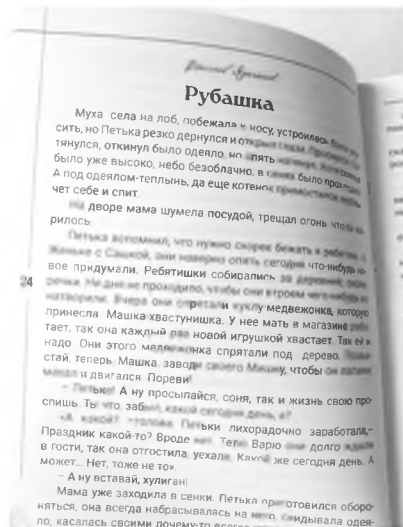
Назавтра меня ждала встреча в Улагане, в библиотеке. Тоже собрались те, кого я знал, с кем работал, когда жил в районе. Встреча тоже была анонсирована в районной газете, с моим рассказом «Журавли и ректоры». Вспоминали прошедшие годы, как работали, я читал свои рассказы, стихи. После встречи продолжили разговор во время чаепития.

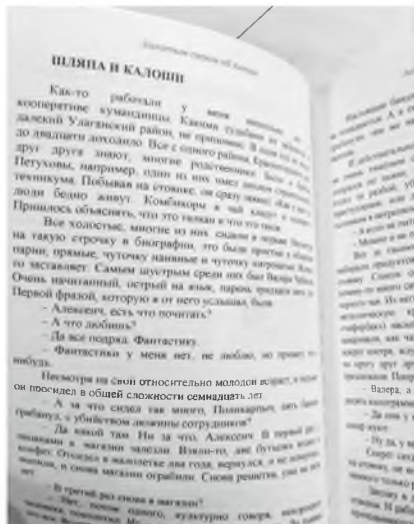
По дороге обратно заехал в Шебалино, к родственнице, Лидии Романовне Чекурашевой и моей землячке Раисе Кирилловне Казакпаевой. Хорошо пообщались.

Последняя встреча проходила в Горно-Алтайске, в республиканской библиотеке, народу было тоже много, после встречи с одноклассниками поехали к Любви Саватовой, тоже проговорили допоздна, вспоминали школьные годы.

Кроме этого, всё встречи, встречи, встречи...

Что они дают? Мне – многое. Ведь в основном герои твоих книжек это твои знакомые, друзья, земляки... И по возможности всегда стараюсь встречаться с людьми, люблю с ними разговаривать, слушать их. Расспрашиваю о своих книжках, прошу, не стесняясь, говорить о недостатках.

В этом году мои рассказы «Шебалинские доярки» и «Шляпа и калоши» вошли в книгу по итогам литературного конкурса «Золотым пером об Алтае 2023».

Два моих рассказа «Календарь» и «Рубашка» были напечатаны Русским литературным центром в «Книге на лето», изданной тиражом в четыре тысячи экземпляров.

Поскольку я работаю, писать удается только в дни отпусков, если никуда не уезжаю, и в выходные. В августе начал писать повесть, которую вы прочтаете в этой книге. Называется она «Мир, Труд, Май». Под рубрикой «Осколки», это значит, что эта повесть автобиографическая. Хотя имена и названия изменены, всё-таки вещь художественная. Книга о том, как паренёк 17 лет после школы оказался в коллективе взрослых людей, строителей.

Конечно, её будет интересно прочитать моим сверстникам, или кому постарше, которые в те годы были молодыми. Вспомнить, сравнить с сегодняшним временем. А сегодняшней молодёжи эта повесть вряд ли будет интересна.

Но пройдёт время, надеюсь, когда-нибудь в будущем, какой-нибудь мальчишка или девчушка оторвется от своего телефона (или будет уже что-то другое), попросит свою «Алису» или какого-нибудь там «Афоню» рассказать, как жили люди лет сто назад в их возрасте, и тогда эта самая Алиса из встроенного микрофона в ушах, размером со спичечную головку, скажет: «Хорошо, если тебе это интересно, я прочитаю тебе книжку твоего прапрадеда, который жил в совсем другой стране.

Книжка называется «Мир, Труд, Май». Слушай»...

Глава 1.

Девушка с мастерком

Я стоял около забора, около забора какой-то двухэтажной конторы и рассматривал плакат. На крепких воротах из металлических прутьев был прикручен грубыми ржавыми кусками проволоки большой лист, тоже металлический. На нем рисунок: на фоне больших домов с высокими подъемными кранами слева парень в строительной каске на голове, справа девушка, тоже в каске, оба улыбаются, показывают на текст на плакате – почитайте, мол. Читать текст я не стал, я знал, что там написано. Там будет написано, что очередной какой-то строительной организации требуются рабочие: каменщики, бетонщики, сварщики и т. д. По нашему небольшому городку везде висели похожие плакаты. Раньше я не обращал на них внимания, но за эти последние дни посмотрелся, потому что мне это и было нужно. Но меня остановил не сам плакат. Плакат был старым, видимо, стоит уже много лет, краска места-

ми облезла; куски проволоки, которой был прикручен этот плакат по краям, заржавели и грозно смотрели на прохожих своими острыми концами. Меня задержала девушка, вернее, образ девушки на рисунке. Не потому, что девушка (а может, и да, чего уж себе-то врать), а потому, что уж очень неправдоподобно это смотрелось: худенькая, с тоненькими ручками, одной рукой она показывает на текст, а в другой мастерок держит. Брови старательно выведены, губки накрашены. Это еще время краску подпортило, я представляю, какая красавица смотрела на нас в самом начале, когда этот плакат свет увидел. Кинозвезда какая-то, какой из неё строитель. Парень – да, мускулистый, крепкий, молоток в руке, все логично. За ним можно пойти на стройку. А за девушкой... Она поведет тебя к стройке, ты на стройку, а она в кусты. Так что, за ней на стройку не хотелось. Да и не надо мне на стройку, я уже устроился на работу. На завод ЖБИ – железобетонных изделий. В конторе мне обещали место в общежитии, я уже вчера побывал там, ознакомился, как устроиться, а через два дня выйду на работу, в ночную смену. Сегодня в отделе кадров мне оформили последние документы, дали направление в общагу и отправили погулять пару дней.

И вот теперь, выйдя из автобуса на остановке «Мебельная», я шел устраиваться в общежитие, шел медленно, озираясь по сторонам и размышляя, чем бы занять эти дни. От нечего делать придрался к этой девушке на плакате.

– Но и что, надумал?

Меня от моих критических мыслей прервал этот голос. Я повернулся. Передо мной стоял солидный мужчина лет пятидесяти-шестидесяти (трудно с ходу определить), невысокого роста, в шляпе, в костюме, в галстукe, несмотря на жару. Во рту у него была папироса, которая самостоятельно, без помощи рук передвигалась вдоль его губ, когда он говорил.

– Говорю, какую профессию выбрал?

– Да... никакую... Здравствуйте, – я не знал, что отвечать.

– Привет, привет. Ну, давай знакомиться. Меня зовут Штанаков Николай Григорьевич, – он протянул руку.

Я подал руку, удивился. Он меня не знает, я его не знаю. Здоровается со мной, как со взрослым или со старым знакомым, руку подает. Серьезный, в пиджаке... Кто он такой?

Словно угадав мои мысли, он сказал: «Я работаю в этой строительной организации, ПМК называется. В отделе кадров. А ты, я вижу, хочешь к нам на работу устроиться?».

– Да нет, я уже устроился, – ответил я.

– Куда?

– На ЖБИ.

– На завод? Это хорошо. А зовут тебя как?

– Колькой меня зовут, – нехотя ответил я. Меня стали надоедать эти расспросы, чего ему от меня надо? Я уж повернулся было идти своей дорогой, но мужчина меня остановил.

– Колька, Коля, значит, Николай. Ты не торопись, пойдем ко мне, о себе расскажешь, контору нашу посмотришь. Пошли.

Сопротивляться я не стал, все равно делать было нечего, да и действительно, хотя я в эти дни искал и читал объявления о приемах на работу, но ни в одной строительной конторе еще не был. Мы вошли в металлическую калитку на воротах, зашли в двухэтажное здание. В кабинете на втором этаже, куда меня привёл Николай Григорьевич, было тесно и темно. Маленькая комната, кругом шкафы для книг, два старых лакированных стола: один перед единственным окном, подоконник которого был завален бумагами, другой приставлен к первому. Несколько стульев. Хозяин кабинета снял шляпу, кинул на стопки бумаг, скинул с себя пиджак,

накинул на стул, прошел к столу возле окна, сел, ослабил галстук.

- Ну, рассказывай.
- А чего рассказывать?
- Про себя расскажи. Откуда родом?
- Учусь я здесь. То есть учился. А сам с Алагана.
- Школу закончил?
- Да.
- А где учился?
- В националке.
- Хорошая школа. А поступать не захотел?
- В армию пойду весной, мне весной 18 будет, – ответил я.

Хотя, честно говоря, я об армии еще не думал. Но не буду же я ему рассказывать, что эта учеба мне до чертиков и в школе надоела, и если поступать, еще пять лет жизни терять. Зачем? Да и вообще, чего он ко мне привязался? Я взглянул на него, дав понять, что его расспросы мне не нравятся.

Но начальник отдела кадров (так подсказывала табличка на двери, я успел прочитать, когда он ключи искал) не унимался. Расспросил, какая у нас семья, почему я не поехал домой, в деревню, какие предметы мне нравились в школе, что знаю я о строительстве. Потом начал рассказывать о своей организации, что они строят, какие дома, что уже построили, и где они находятся.

Но все это было, как говорят, предисловием. Слово последовало потом.

- Иди к нам работать.
- Как? – я опешил. – Я уже устроился, на завод ЖБИ!
- Но, это дело такое, поправимое. Нужно твое согласие. Смотри. Тебе 17 лет, ты не такой уж большой комплекции, а работа там тяжелая, физически тяжелая, работа в цехах,

где высокая температура, влажность. Заболеть можешь. Там люди долго не держатся. На стройке, конечно, тоже работа не легкая, но все же легче, еще в основном на свежем воздухе находишься. Потом, у нас квартиру получить можно намного быстрее, года через два-три. Да, зарплата там будет выше, чем у нас, там сетка горячая, но зачем тебе много денег. Ты холостой, тебе будет хватать и того, что ты будешь у нас зарабатывать. Ты молодой, выучишься, карьерный рост, все такое... Ну что, убедил я тебя? Идешь к нам? Если будешь у нас работать, я подыщу тебе объект поближе к общежитию, ездить не надо будет на автобусе. Как раз, вот, через дорогу пятиэтажки строятся, туда и устрою, в чью-нибудь бригаду.

Я не знал, что и ответить. Я мало что соображал, о чем он говорил, не мог сходу сравнить, что лучше, как выгоднее. Да и о какой выгоде я мог рассуждать? Мне б скорей на работу устроиться. Вернее, устроился, а тут...

– Так они мне номер в общежитии дали. Вот бумажка, сейчас пойду устраиваться.

– А это наше общежитие, строительное, не волнуйся. Все решим. Если ты согласен, я сейчас же звоню в ЖБИ, при тебе. Согласен?

Я несмело ответил: «Да».

Николай Григорьевич поднял трубку телефона, покручивая диск, набрал номер, через некоторое время начал говорить: «Здравствуй, Иван Николаевич, это я, Штанакон. Как жизнь, как здоровье? На работе нормально?.. Проблемы? Людей не хватает, текучка большая? А где её нет, и у нас также. Я вот по какому поводу звоню. У тебя сегодня паренек устраивался на работу, Ганов Коля. Да, в цех. Да, после школы. Так вот, я его увидел в городе сегодня, он ведь мой родственник, хотя и далекий. Он сейчас сидит у меня, я его хочу переманить к нам... Да... Если не возражаешь, отдай

его документы... Сам понимаешь, он еще пацан – и в цех его, а какой у тебя контингент, сам знаешь... Всё, спасибо, свои люди – сочтемся, как говорят. Он сейчас к тебе придет. До свидания, Иван Николаевич».

Николай Григорьевич положил трубку, посмотрел на меня: «Все понятно?».

Но я ничего не понимал. Он мне... родственник?

Снова как мои мысли читал.

– Ради благого дела не грех и соврать. Сейчас я звонил в ЖБИ, начальнику отдела кадров, у которого ты был. Обманул, что ты мне родственник, а то бы он не отпустил. У них тоже с кадрами плохо. Все, езжай обратно, забирай документы, и сюда. Он тебя ждет. Будет расспрашивать, так и скажи: родственник. Но далекий!

Николай Григорьевич рассмеялся, встал из-за стола, подошел ко мне, похлопал по плечу, сказал громко: «Вперед!».

Глава 2.

Строитель коммунизма

Я бежал вниз по лестнице, не понимая, почему я тороплюсь. То, что наговорил мне этот мужчина, все лежало в одной большой куче в моей голове, я не мог разобраться в них; подумал, что, наверное, я поступаю неправильно, ведь я уже устроился на работу в другом месте, сейчас, получается, я их обманул... Я злился на себя: пошел на поводу первого встречного, что я – собачонка, кинули палочку, крикнули мне: «Взять!», и я побежал... Правда, он сказал: «Вперед!», но какая разница. Квартирой заманивал...

Нужна мне их квартира!
Эх... «Вперед», «вперед»...
что-то слово знакомое,
где-то я это слово видел.
Выйдя на улицу, я еще раз
кинул взгляд на плакат
с девушкой. Да, теперь
все встало на свои места.
На плакате внизу, после
перечисления рабочих
профессий было написано
красной краской: «Вперед,
к победе коммунизма!».

Перейдя дорогу,
я на остановке стал ждать
автобус. Мне нужен авто-
бус № 1, но можно и на 101, он идет в Мойму, село, недалеко
от города. Подъехал нужный автобус, я вошел, отдал 5 копе-
ек женщине-кондуктору, она мне оторвала билет, ругаясь
с каким-то пассажиром.

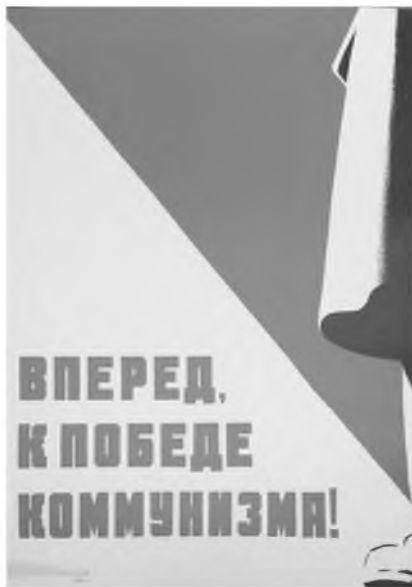
– А я говорю, ты прятался, не хотел билет покупать.
Сейчас милицию вызову, будешь знать!

– Да не прятался я, – пытался оправдываться пассажир.

– Не прятался он! Знаю я вас, – женщина уселась в свое
кресло, стала перебирать медяки в своей сумочке.

До ЖБИ остановок пять-шесть. Выйдя на остановке
«Кирзавод» я понуро направился к проходной ЖБИ.

На мое удивление, начальник отдела кадров встретил
меня приветливо, подал мне лист бумаги, подсказал, какое
я должен написать заявление, выдал мои документы, про-
тянул руку: «Всего хорошего, Николай!». Да, сегодня у меня
День рукопожатий с начальниками отделов кадров. Непло-
хой день.

Николая Григорьевича на месте не было, девушки в приемной сказали, что он у начальника. Подождав в коридоре минут пять-десять, я вышел на улицу. В голове толкались разные мысли. Может, мне не стоит сюда идти работать? Документы при себе. А куда? С ЖБИ я уволился, не проработав и дня. Да, дела... Кстати, я даже не знаю, как называется эта организация. Я нашел вывеску, стал читать. «ПМК 110 Б. Передвижная механизированная колонна 110 Б». Почему передвижная? Как эту контору можно передвинуть? Почему колонна? Бывают колонны театров, войска колоннами... Мои мысли прервал женский голос со второго этажа: «Эй, парень! Николай Григорьевич тебя ждет!». Это был голос одной из девушек, она смотрела вниз из открытого окна, видимо, приемной.

– От начальника он вышел, пошел к себе.

Я кивнул головой, зашел в контору.

Кабинет начальника отдела кадров был не заперт. Когда я открыл дверь, там, кроме Николая Григорьевича, были два парня. Вернее, они выходили.

– Никаких вам повышений разрядов, так и знайте, пока так и будете пьянствовать и прогуливать! – Николая Григорьевича было не узнать. Это был совсем другой человек, злой и раздраженный.

– Ладно, все понятно, – буркнул один из парней. Они вышли.

Указав мне на стул, Николай Григорьевич еще долго не мог успокоиться.

– Молодые, а не хотят ни учиться, ни работать. Пьянствуют, да еще с требованиями! Зарплата им маленькая, разряды повышай! Ага, сейчас!

Немного успокоившись, он сел в свое кресло, стал искать нужные бумаги.

– Сейчас мы с тобой напишем заявление, то есть ты напишешь, в журналах по технике безопасности распишешь-

ся. Да, ты медкомиссию прошел же? Давай документы, посмотрим.

Перебирая мои документы, снова вернулся к тем парням. Видимо, сильно он разозлился на них.

– Ведь такие, как они, коллектив портят. Может, бригада будет и неплохая, в общем, но появятся такие, как эти, и, как говорят, паршивая овца... У вас там, в деревне, овец-то держат?

– Да, у нас в совхозах и колхозах и овцы есть, и козы, и коровы, и лошади.

– А не было желания туда пойти работать, в совхоз?

– Да нет. Там мало платят. Я каждый год работал, на сенокосе, на каникулах, месяца по два, рублей шестьдесят зарабатывал.

– Это что, получается, тридцать рублей в месяц?

– Наверно.

– Да, не густо. Здесь будет побольше, но и соблазнов много. Ты в интернате жил, там за вами присматривали, поправляли, когда надо. В общежитии, у нас, ты сам себе хозяин, папы-мамы рядом нет. Готовить надо самому, дружки появятся, вроде этих, начнут предлагать выпить. Но, будь с головой. С такими не связывайся, имей свое мнение, на работе не пей, в выходные тоже этим не увлекайся. Каким видом спорта ты занимался, вижу, в аттестате у тебя пятерка по физкультуре?

– Легкой атлетикой: бегом, прыжками.

– Вот, вот, как соревнования, мы не можем спортсменов набрать, парень у нас работает, который за спорт отвечает, так он бегаёт по школам и учебным заведениям, парней набирает, чтобы за нашу организацию выступили. А куда деваться, нас за это строго спрашивают. Не выставишь спортсменов – все, на ковер.

– Да я и сам... ой.

– Да ладно, понимаю. Бегал вместо рабочих. Но теперь будешь бегать как полноправный представитель рабочего класса. Так, давай к делу. Вот тебе образец, пиши заявление на работу. А я посмотрю твои документы.

Я старательно переписал заявление, подставляя свои данные, узнал фамилию начальника ПМК. Спросил:

– А что, в нашем городе сто десять ПМК?

– Откуда ты взял сто десять, их всего шесть, строительных организаций.

– Но вот же написано: начальнику ПМК сто десять б?

Николай Григорьевич взял образец, посмотрел, рассмеялся: «Это не сто десять б, а тысяча сто шесть».

Я совсем был сбит с толку.

– Тогда, получается, должно быть таких организаций больше тысячи?

Он еще раз рассмеялся: «Но почему именно тысяча? Как тебе объяснить?.. Смотри, есть машины, например, «москвичи», знаешь?».

– Да.

– Есть модель «Москвич-412». Слышал?

– Да, конечно.

– Но цифра «412» не означает же, что моделей было до этого было 411. Их было-то, не знаю, но, может, около пяти-семи. Четыреста восьмой есть,... а еще раньше какие были, даже не знаю. Но четыреста их не было точно. Машины «ЗИЛ-130», например, «ГАЗ-53». Такая же история. Цифры ничего не значат, вернее, значат, наверное, что-то, но не порядковый номер. Почему наше ПМК под таким номером, интересно, надо будет узнать. Я даже не задумывался над этим... Хорошо, заявление есть. Со справками медицинскими у тебя все нормально. Так, тебе еще двадцати нет, бездетные у тебя высчитываться не будут, надо будет бухгалтерию предупредить.

– А что это такое – бездетные?

– Это вычет такой, с 20 лет высчитываются с зарплаты. Подоходный налог есть, а это налог за бездетность. Вот когда у тебя появятся дети, хотя бы один, всё, перестанут высчитывать.

– А почему с 20 лет высчитывают?

– Как почему, закон такой.

– Я весной в армию пойду, 18 будет, а когда вернусь, двадцать. И сразу начнут высчитывать?

– Да, а что? Так, твой месяц рождения... так, смотрю... в марте. Ты вернешься также, может, позже, в мае или в июне. Да, после армии сразу и начнут высчитывать.

– А у меня уже ребенок должен быть. Где я его возьму?

– Кого?

– Ребенка. Чтобы не удерживали эти... за бездетность, у меня уже ребенок должен быть к 20 годам, значит, я должен буду жениться раньше, где-нибудь, на год. Я должен в армии жениться?

– Постой, постой, – Николай Григорьевич поморщил лоб. – А ведь, действительно... Что-то не то. А я об этом не подумал. Ты смотри... Да, закон...

Потом я расписывался в каких-то журналах, читая инструкции по технике безопасности, мало что понимая, честно говоря. Их было несколько, толстых журналов.

– Теперь еще одно заявление напиши, – Николай Григорьевич нашел еще один образец, достал чистый лист бумаги, подал их мне.

– Это что?

– Это заявление на квартиру.

– Какую квартиру?

– С каждого построенного нами дома нам выделяют 10 процентов квартир, которые мы предоставляем своим работникам. Вот, например, через пару месяцев мы сдаем 64-квартирную пятиэтажку на улице Комсомольской. Нам выделят семь квартир.

– А мне она зачем? Я в общаге буду жить.

– Но ты же не будешь вечно в общаге жить. Пока работаешь, очередь будет двигаться. Может, в армию пойдешь, будешь служить, а очередь будет двигаться. У нас не больше чем через два-три года квартиры получают, как заявление напишут. Женишься, а квартира уже есть.

– Да не хочу я писать такое заявление.

– Нет, пиши. В первый раз такого человека встречаю. Не нужна будет квартира, откажешься потом. А теперь пиши.

Я нехотя написал это заявление, выслушал инструкции на завтрашний день и через некоторое время с недовольным видом вышел на улицу. Интересно получается. Государству нужно, чтобы я в 19 женился, находясь в армии, в 20 лет уже ребенок у меня должен быть. А если его не будет? Потом тут же тебе квартира, ходи на работу и выплачивай бездетные, пока не родишь. А если я не хочу жениться, ни в армии, ни после? Законы странные, хотя какое мое дело. Но, а с другой стороны, это ведь меня касается!

На улице я еще раз взглянул на плакат, вернее, на девушку. Все-таки она виновата, что я стал строителем, вернее, стану. Если бы я не тормознул около нее... Что теперь делать, придется идти вместе с ними туда, куда они зовут. А куда они зовут, мы уже знаем.

Глава 3.

Общежитие

Я брел в общежитие. В голове было много мыслей, потому что много чего произошло за этот день. Во-первых, я устроился на работу. Потом уволился. Потом снова

устроился, только в другое место. Познакомился с двумя начальниками, взрослыми людьми. В первый раз оказался в конторе строительной организации. Стал полноправным представителем рабочего класса. В школе, когда нас учили, что мы станем строителями коммунизма, будем строить новую жизнь, это казалось далеким, красивым, несбыточным, и скорее хотелось туда, к ним. А сегодня я оказался в одном ряду таких строителей. Правда, в этом ряду были и эти двое парней, в кабинете отдела кадров. Это омрачало общую картину...

А все из-за той девушки, на плакате. Если бы не она, все бы пошло по-другому. Я бы завтра вышел на работу на завод ЖБИ, встречался бы с другими людьми, появились бы знакомые там. А я завтра выйду на стройку, и у меня жизнь пойдет совсем другим путем.

Вот ведь как бывает: одна встреча, даже не встреча, пара минут, и все меняется в твоей жизни. Ох, девушки, девушки. Или – женщины, женщины. Как там – «Шерше ля фам?» – «Ищите женщину?». Точно, во всём, что делают мужчины вопреки своей воле, виноваты женщины. Хотя, кто виноват-то? Кто стоял, разинув рот, около плаката? Я бы сказал: «Бегите от женщин!». Как там будет на ихнем, на французском? Не знаю, я в школе немецкий изучал.

Мои мысли прервались, потому что я уже подошел к общаге, я был здесь вчера, узнавал, как устроиться. Идти от остановки «Мебельная» всего несколько минут. На автобусе можно было выйти и на остановке «Автовокзал», следующей остановке. От нее еще ближе. Но я почему-то вышел на «Мебельной». Почему? Ответа у меня не было. Странно. Вот если бы я не вышел на «Мебельной»...

Общежитие было кирпичным пятиэтажным зданием, построенным совсем недавно. В первый раз, появившись вчера, я долго его рассматривал. Здание было пример-

но таким же, как и наш интернат в национальной школе. Я подумал, что и комнаты, наверное, такие же. Общежитие находилось около автовокзала, он был мне хорошо знаком: много раз приходилось на каникулах на автобусе и уезжать отсюда и приезжать. Со стороны вокзала дверей в общежитие не было, дверь была со двора.

Зайдя внутрь, я оказался в просторном помещении. В конце вестибюля шли коридоры, налево и направо. Видимо, здесь продолжались еще строительные работы, так как пахло краской, в углу стояли несколько банок, наверное, с красками; стены уже были завешаны различными безликими картинами, щитами, плакатами с ненужной (а может, и нужной) информацией, которые присутствуют в любом общежитии. Около двери, за перегородкой, сидела женщина средних лет. Посмотрев мои бумажки, она повела меня по коридору.

– К заведующей, – бросила она на ходу.

Кабинет заведующей был завален постельными принадлежностями: матрацами, одеялами, подушками; на стеллажах тоже лежали стопками, наверное, постельное белье, еще что-то в коробках, свертках. И посреди всего этого стоял стол, за столом сидела молодая женщина.

– Нина Петровна, поселаться, – вахтер подала мои бумажки заведующей.

Нина Петровна оказалась улыбчивым, разговорчивым человеком.

– Ну что, Николай, жить будешь на четвертом этаже. Здесь вот распишись за пожарную безопасность, я тебе оформлю пропуск, и пойдем в твою комнату.

Через несколько минут я лежал на голой сетке, осматривал комнату. Примерно такая же по размеру, как в интернате, может, даже меньше. Только кроватей две, то есть проживать будут два человека. Уже хорошо. Хорошо то, что

не шесть человек, как в интернате. Нина Петровна вылила на меня поток информации, которые я сейчас и переваривал. А информация была такая. Пока я буду жить один, но могут подселить кого-нибудь. Белье меняют каждую неделю, в понедельник, если в понедельник не успеешь, надо ждать еще неделю, спать на старом. Квартплату я должен платить ежемесячно, внизу, на вахте. По два рубля пятьдесят копеек в месяц. Если не буду платить, выгонят из общежития. Ключ всегда оставлять на вахте, позже двенадцати по городу не шляться, в общагу не пустят. Гостей на ночь не оставлять, электроприборами в комнате не пользоваться, готовить пищу есть отдельная комната. В комнате спиртное не распивать (а в коридоре, видимо, можно), драки на танцах не устраивать. По-моему, еще что-то забыл. Да ладно, если что, можно спросить у них, на вахте, или у Нины Петровны. И они подскажут, что еще нельзя. И за все эти «нельзя», если они произойдут, одно наказание – выгонят. Такое впечатление, что люди поселяются сюда, чтобы пьянствовать, устраивать драки и водить круглосуточно гостей. Грустно. Еще я за что-то расписывался. А-а, за пожарную безопасность, вроде бы. Хотелось бы прочитать, что там есть, но не дали.

Я стал обладателем важного документа, пропуска в общежитие. Я его стал рассматривать. Это был сложенный вдвое, размером с небольшого карманного календарика документ из плотной бумаги. Надпись: «Пропуск». Внутри печатными буквами было написано, что общежитие № 1 относится к тресту «Сельстрой» какого-то министерства, а ручкой от руки моя фамилия, инициалы, номер комнаты, «92» и дата: 29 июня 1976 г. И печать. У меня снова появился вопрос: а почему «сель»строй, ведь мы в городе находимся, а слово «сель», надо полагать от слова «село», «сельский». Да и тут же отмахнулся от него: слишком много информа-

ции за один час, и вообще за этот день. Да и мысли прервал шум резко открывшейся двери.

На пороге стоял мужик лет тридцати, а может, и старше.

Я невольно привстал. Что-то быстро подселили. Но в руках у него не было стандартного набора из матраца с бельем, да и по виду его и одежде можно было и не сомневаться, что он здесь уже живет. В не очень свежей майке, нагловатой физиономией, улыбаясь и блестя фиксой во рту, он прошел в комнату, огляделся и уставился на меня. Я стоял, не зная, что сказать, только и получилось: «Здрасте».

Он ответил на мое приветствие вопросом: «Что, новенький?».

– Да, я только вселился, – показал на матрац, он так и лежал еще свернутый, на соседней койке.

Мужчина поправил на себе одну из лямок майки, которая свисала на руку, и на плече появилась наколка. Я не успел ее разглядеть. Ясно было, что в некоторых местах, как говорят, не столь отдаленных, он побывал. А хозяин майки подошел к моему матрацу, развернул его, нашел полотенце, взял и ничего не говоря, пошел к выходу.

– Вы... это ...моё... вы чего? – я что-то лепетал.

– Чего? И не смей жаловаться Нинке, морду разукрашу.

– Но... ей не буду, а своему дяде скажу.

– Какому дяде?

– Николаю Григорьевичу, Штанакову. Он в ПМК-110 б работает, в отделе кадров. Начальником.

Он зло посмотрел на меня: «Дядя, говоришь?».

– Да, я только что от него. Он сказал, если что, говори, говорит, не стесняйся.

Дяденька немного постоял, подумал, швырнул полотенце на сетку койки и вышел из комнаты.

А я стоял весь в поту, не сильно-то соображая, почему я так ляпнул. Ведь этот мужик мог и не знать Штанакова.

Через некоторое время я стал понимать, почему это сработало. Видимо, он работает на стройке, возможно, в той же организации, куда и я устроился, и прекрасно знает Николая Григорьевича. И ему не раз приходилось встречаться с начальником отдела кадров, быть на месте тех двух парней, которые получили нагоняй от Николая Григорьевича. А может, и не так, просто не захотел связываться с родственником начальника...

В любом случае, все-таки хорошо быть родственником какого-нибудь начальника...

Немного успокоившись, я собрался с мыслями. Первым делом нужно было навести порядок в комнате. Попросив внизу ведро, тряпки, я начал работать. Для нас, интернатских, это привычное дело. Протер пыль, отодвигая кровати, помыл пол, выбрал кровать, постелил постель, отнес обратно тряпки и ведро.

Через минуту появилась Нина Петровна. Открыла дверь, не заходя, оглядела комнату.

– Молодец, Коля, а то давно здесь никто не жил, запылилась, конечно, комната. Тряпки мы дадим, а ведерко придется купить. Чтобы не бегать постоянно. Так, я тебе радио посмотрю, должно быть.

– А мне не даёшь, сколько я просил! – это был тот дядька, видимо подошел, услышав голос Нины Петровны.

– А ты свою комнату хоть раз помой! Радио ему! Видишь, человек, как зашел, начал порядок наводить, а ты уже год живешь, не видела, чтобы полы помыл. Ты чего, Вася, сегодня дома, опять прогулял? Смотри, с работы попрут, и из общаги вылетит!

Вася, или Василий (теперь я знал, как его зовут) что-то буркнул в ответ. Пошел в свою комнату. Жил он, оказалось, по соседству, вернее, через одну дверь.

Нина Петровна зашла в комнату, прикрыла дверь, кивнула головой в сторону Васиной комнаты:

– Не заходил, ничего не просил, не придирался?

– Нет, не заходил, – говорю. Не буду же я им жаловаться, я же обещал Василию.

– Смотри, если будет обижать, говори, не бойся. Он один живет, не стала тебя к нему подселять. Я вспомнила, что он рядом живет, пришла посмотреть, мало ли. Да, денег ему не давай, не вернет, вместе не гуляй, а то он быстро приучит. Молодой ты еще. А к тебе кого-нибудь более-менее подселю. Когда, говоришь на работу, завтра? Ну, удачи. А комнату так и держи в порядке, все новое, здесь вообще еще никто не жил, хотя общежитие год назад ввели. Вначале народу мало было, но за год уже много набралось, где по одному живут, совсем почти не осталось комнат. Ладно, я пошла.

Пока полы просыхали, я сходил в магазин. За вокзалом, на первом этаже пятиэтажки находился молочный магазин. Я купил там молоко и кефир по 28 копеек. Крышки у них

из мягкой фольги, белая – молоко, зеленая – кефир, на которых выбит день недели. И нужно брать на день вперед, то есть, если сегодня вторник, значит, нужно искать бутылку, где выбита «среда». Потом зашел в булочную, рядом, купил два батона хлеба по 7 копеек. Пришел в свой номер, стал кушать. Съев батон хлеба с молоком, прилег на кровать. Я так устал, что даже думать о чем-то не было сил. Но не так всё плохо.

Пока радуюсь, что есть, где жить, что ко мне никого не подселили, что дядя Василий не заходил, не грозился морду набить, не просил денег. В общем, всё нормально. Как там будет завтра, посмотрим. Завтра у меня первый в жизни рабочий день. С записью в первой моей трудовой книжке.

Глава 4.

Отряд рабочих пополнился

Я снова, как вчера, стоял перед металлическими воротами. Правда, перед другими; они были открытыми, заляпанными грязью, видимо от проезжающих машин в дождливую погоду, на одной створке ворот висел плакат: «Посторонним вход воспрещен!».

Я был не посторонний, у меня была сложенная несколько раз бумажка от Николая Григорьевича, которую я должен был отдать бригадиру Сёмкину Виктору. Имя и фамилия его так и были написаны сверху, куда я и посматривал. Что внутри, не знаю, не разворачивал, хотя, думаю, там не было ничего секретного. Ну и тем более, нечего читать.

Действительно, эта стройка находилась недалеко от конторы ПМК, напротив, через дорогу.

Зайдя на территорию, я огляделся. Это был большой участок, огороженный высоким забором. Чуть в стороне стоял самосвал, «ЗИЛ-130», с небольшим полукруглым кузовом. Он шумно стал поднимать кузов, а внизу стояли несколько больших, мятых, заляпанных раствором металлических посудин, похожих на корыта. Из кузова, через открытый задний борт, полилась какая-то жижа, наверное, раствор. Кузов остался в поднятом положении, и рабочий, небольшого роста, взял лопату, залез на кузов, и стоя на заднем борту, стал соскребать оставшееся содержимое кузова.

Здесь строились две пятиэтажки, которых в городе не очень-то много. Один уже был под крышей, только не было окон, зияли дыры, а другой построен наполовину, виднелись проемы окон первого, второго и части третьего этажа. Снаружи стены выкладывались белым кирпичом, а за белым несколько рядов из красного кирпича. Около строящихся домов стоял высокий кран. Вблизи такого механизма я не видел, начал его рассматривать.

Сделанный из небольших кусков железа, и уходящий куда-то в небо, он стоял, как будто на ногах, а на ногах колёсики (какие колёсики – колёса!), большие и мощные, которые опирались на широкие рельсы, которые в свою очередь лежали на длинных деревянных шпалах. На самом верху была небольшая кабинка, а к ней снизу тянулась металлическая лестница. Интересно, кран из таких тоненьких железок, а как он не падает, ведь он должен сломаться! Тут к крану подошла девушка в рабочем комбинезоне, поправила платок на голове и стала подниматься по лестнице. Я завороженно смотрел на эту храбрую женщину, стал волноваться за нее, сердце у меня стало сильно колотиться. Но она быстро преодолевала метр за метром, даже не оста-

навливаясь, чтобы передохнуть. Когда она дошла до середины, рядом кто-то громко сказал: «Чего надо?».

Я вздрогнул, оторвал взгляд от крана. Рядом стоял тот самый рабочий, который стоял на самосвале. Самосвала уже не было, я даже не услышал шум мотора выезжающей машины, наблюдая за крановщицей.

Я лихорадочно сунул было руки в карманы, но увидел, что бумага у меня в руке, посмотрел в нее, быстро сказал: «Мне... Сёмкина, Виктора Сёмкина... где найти?».

– Обойди дом справа, там вагончики, спросишь. Но, по-моему, его там нет, – ответил рабочий и пошел к своим корытам.

Я пошел вдоль недостроенного дома, тут вспомнил про крановщицу, посмотрел на кран. Но там никого не было. Присмотревшись, я увидел, что она уже там, наверху, в кабине. Храбрая!

Пройдя вдоль сложенных в два яруса поддонов с кирпичами, других строительных материалов, я обогнул здание, увидел несколько вагончиков. Два маленьких были закрыты на замки, а в третий, длинный, дверь была распахнута настежь. Оттуда слышался мужской говор. Я зашел туда. Посреди помещения стоял длинный стол, с двух сторон деревянные скамьи, вдоль стен стояли шкафы, несколько человек сидели на скамьях у открытых шкафов. Наверное, переодевались.

– Здравствуйте, – несмело поздоровался я. И глядя в бумажку: «Мне Сёмкина Виктора... Бумажку передать, от Николая Григорьевича».

Никто на мое приветствие не ответил, два мужика как разговаривали о чем-то, так и продолжали разговаривать. Только один щупленький мужчина встал из-за стола, подошел ко мне, взял бумажку, сказал: «Не будет его до обеда, на собрании». Прочитал, развернув бумажку, буркнул: «На работу».

Детский сад». Кто-то из рабочих бросил: «Наверно, двоечник, учиться не хочет. Долго ли у нас продержится?».

Я ничего не ответил, шупленький снял каску со стены, одел, сказал: «Пошли». Открыв один из маленьких вагончиков, он среди стопок спецодежды нашел нужный размер, вытащил из стопки пару брезентовых верхонок, всучил все это мне, и мы снова пошли в большой вагончик. Я расписался в журналах. «Каски вон висят, на стене, выбери любую. Так, Петька, с новичком кирпич перетаскивайте носилками».

– Какого черта их там было вываливать! – это был голос Петьки, который в мою сторону фразу про двоечника кинул.

– А чего я сделаю, кран был сломан. А шофер сказал, что в грязь не полезет.

– Вечно у вас кран сломан. Эту Галку гнать надо в три шеи.

– При чем здесь Галина, электрика ждали. Хорош базарить, на работу!

Мужики стали вставать, выходить на улицу. Я тоже, облаченный в новую строительную одежду.

Петька, мой первый напарник, оказался высоким, мускулистым парнем, лет 25. Плотно сидящая на нем футболка подчеркивала его накачанное тело. Черные, чуть кудрявые волосы, спадали на плечи, лицо его покрывала густая щетина.

– Бригадир появится, решит, куда тебя, а пока с Петькой, – на ходу обратился ко мне шупленький. Он открыл второй вагончик, вынес носилки: «Работайте».

Задача у нас с Петькой была такая. Кучу кирпича, которую по разным причинам машина вывалила где-то не там, надо было перетаскать в другое место. Носилками. Дело нехитрое.

Поставив носилки около кучи, стали складывать кирпичи в них. Я не знаю сколько класть, смотрю на Петьку. Тот накладывает, с горочкой. Поднимаем носилки, несем. Метров через двадцать, чтобы можно было достать краном, вываливаем, идем обратно. Петька материт крановщицу, шофера, Степана. От Петьки я узнал, что щупленького рабочего зовут Степан Краснощекин, он за бригадира остается, когда его нет. Снова накладываем, несем, вываливаем. Через несколько рейсов Петька командует: «Перекур». Сидим, «курим». Оказалось, ни он не курит, ни я.

– Не куришь? – спрашивает.

– Нет.

– И не курил?

– Курил, в 7 классе.

– Бросил?

– Да нет, не успел привыкнуть.

– Привыкнешь. Здесь тебя быстро научат курить. Если не здесь, то в армии обязательно закуришь.

– А что, такой закон есть, чтобы в армии курить?

– Все в армии закуривают. И ты закуришь.

– Посмотрим, – я пошел накладывать в носилки кирпичи.

Работа продвигалась, куча с кирпичами уменьшалась. Только смотрю, Петька стал накладывать кирпичи в носилки уже без горки. На меня уже посматривает по-другому, о себе стал рассказывать, о других. От него я узнал, что в бригаде Семкина Виктора около 10 человек, совсем молодых, как я, никого нет, самым молодым он и является, ему 23 года, учится в строительном техникуме на последнем курсе. Самый старший в бригаде сам бригадир, ему за сорок, его зам на два года моложе его, объект этот, две пятиэтажки, планируется через год – полтора достроить.

Так, за разговорами, и куча кирпичей перекочевала в другое место, и обед подоспел.

– Честно говоря, я-то думал, что здесь работы дня на два, – говорю Петьке.

– Глаза боятся, руки делают, – отвечает он.

Помывшись под краном, все стали собираться в вагончике. Стали открываться кабинки, оттуда выкладывались на стол продукты. У каждого был свой обед. Тут я вспомнил, что у меня-то обеда нет, встал быстро со стола и вышел на улицу. Денег у меня не было, я пошел в общагу. Благо, он недалеко. Опорожнив бутылку с кефиром с булочкой в своей комнате, я поторопился обратно.

Обед в вагончике был закончен. Четверо мужиков резались в карты, двое играли в шахматы. Одним шахматистом был Петька, а другим незнакомый мне солидный мужик. Полный, светлый, с широким лицом. Я подумал, что это бригадир, Семкин. И позже выяснилось, что да. Поставив мат Петьке, сказал весело: «Молодой еще меня обыгрывать».

Потом обратился ко мне:

– Это ты у нас новенький? Да, Николай Григорьевич мне встретился, сказал. Так, к кому же тебя?

Кинул взгляд на картежников, сказал: «Михаил, подсобник нужен, нет? Или одному сподручнее?».

– Да мне как-то все равно. Можно и одному, можно и с подсобником. Мне без разницы, – ответил один из игроков в карты.

– Хорошо, бери подсобником парня. Зовут... Коля? Вот, Коля, Михаил будет у тебя шеф-наставником. Будешь ему помогать. Что делать и как, он расскажет.

Михаил оказался средних роста и лет мужчиной, немножко полноватый, с чуть выпирающим животом. Выйдя на улицу, он протянул руку: «Давай знакомиться. Чечушев Михаил».

Я пожал его руку: «Ганов Коля».

Он оказался спокойным на вид и по действиям человеком, говорил не торопясь, не очень громко. Расспросил

откуда я, где учился, немного рассказал о себе. Я тоже его расспрашивал. Узнал кое-что.

Оказалось, он детдомовский. Таких в бригаде четверо. Кроме него Попов Александр, стропальщик, Вася Новоселов и Витя Карманов.

Самый грамотный Петька Олейник. Он из зажиточной семьи, одевается прилично, в техникуме учится. Сам Михаил уже 12 лет работает на стройке, имеет двоих детей, живет в районе кирзавода, ездит на автобусе.

В мои обязанности, как подсобного рабочего каменщика входило: принимать бадью с раствором, перемешивать его, подносить кирпичи, помогать бутовать кирпичами стену. Вторая половина дня после обеда прошла так же быстро, как и первая. Мой первый рабочий день закончился. Помывшись в душе на этаже, придя в общежитие, я переоделся, сходил в столовую «Юбилейная», за булочной, поел, затем купил в магазине, рядом, продуктов на следующий день. Уснул

я быстро, потому что устал. Но усталость была приятная, как после тренировки. Но спал плохо. Всю ночь снились кошмары: то боролся на борцовском ковре с Петькой Олейником, то пытался поймать крановщицу, которая падала с крана... Только не понял, поймал или нет: проснулся...

Глава 5.

Мой город

Что ж, пора вас с моим родным городом познакомить. Родным, потому что за эти шесть лет, пока я здесь учился, с пятого по десятый классы, он для меня таковым и стал. Начнем прямо со въезда в город. Спустившись с горочки, мы оказываемся в низине, на ровной площадке, на которой и стоит город. Его окружают горы. И город так и называется – Горный. Город Горный. После спуска находится автобусная остановка, на которой разворачиваются автобусы, которые по городу ездят. Последняя остановка. А может, первая, смотря, откуда считать. Идем, нет, едем, дальше. Да, по горочке, откуда мы спустились, горячая машина летела. Помните фильм Шукшина В. М. «Живет такой парень?». Леонид Куравлев в главной роли. И там, в кадре, когда машина вся в огне падает в воду, от берега какая-то женщина бросается в сторону. Говорят, этого в сценарии не было, женщина полоскала белье, не знала, что съемки идут. А может, врут. Речка-то через весь город течет, она же грязная. Но, может, половики стирала.

Через пару остановок, справа, тот самый завод ЖБИ, где я на работу чуть не устроился. Вернее, устроился, но если бы

не Николай Григорьевич, то есть, если бы не та девушка... Стоп. Нечего на других валить. Можно и про себя сказать: если бы ты не глазел на всяких... Быстры мы виноватых искать. Рядом с заводом ЖБИ еще один завод, кирпичный. Я и туда хотел сходить, про работу узнать, но отговорили меня, там, говорят, совсем тяжело работать.

Едем дальше. Появилось несколько зданий школы-интерната. Это школа, где учился мой родной брат, Саша. Сейчас он в служит в Советской Армии, где-то в Украине. В лётных войсках, самолеты обслуживает. Присылал фотографии с самолетами. Писал, что их возили на концерт Софии Ротару. Здорово. Я часто, в выходные дни приезжал в школу-интернат к брату, там даже обедал.

Мы уже подъезжаем к остановке «Мебельная». Перед мостом, слева, имеется пустырь. Мы там выступали на соревнованиях по бегу. Как-то поспорил наш физрук с коллегой из первой школы, что я обгоню всех его учеников, а это

были наши основные соперники. О споре я узнал уже после соревнований. Удивился, что перед стартом физрук ко мне подходит и говорит, что если я прибегу первым, часы свои отдаст. Показывает на них. Я удивился. Часы – вещь дорогая! Ладно, прибежал первым, намного остальных оставил. Он часы свои снимает, мне отдает. А сам с довольным видом подходит к своему коллеге, физруку из первой школы, руку протягивает. Тот недовольно снимает часы со своей руки. Мне все ясно. Но часы эти у меня долго не продержались, кто-то свистнул недели через две. Говорю, вещь дорогая. Ладно, как пришли, так и ушли.

Справа от моста, за рекой, мы бегали зимой на лыжах. Это место называется «Пионерский остров». Тянется оно на несколько километров.

А вот и остановка, на которой начались мои приключения, о которых вы знаете. Слева стройка, на которой я работаю. Пешком когда идешь, вдоль забора, не видно, что там, за ним происходит. А когда на автобусе, хорошо видно, что дома строятся. Несколько лет назад, когда здесь строился универмаг, за забором, на вышках стояли автоматчики. Мы прибегали на них смотреть. Зимой они стояли в тулупах. Говорили, что они охраняют тюремщиков, строителей. Универмаг построили, теперь он работает. А вышки исчезли. Этих строителей увезли, наверное, куда-нибудь в другое место, на другие объекты. Теперь мы их заменяем, я в том числе... Не очень приятно стало.

А вот справа появилась, теперь уже, моя контора, вернее, в этой организации теперь я работаю. Тот же забор, тот же плакат, те же молодые люди на нем, которые круглыми сутками зовут куда-то. То есть, мы знаем, куда они зовут. Постой. Зачем они зовут, они уже находятся там. Я не говорил? Ведь улица, по которой мы едем, так и называется: Коммунистическая. То есть проспект. Проспект Коммуни-

стический. И звать никуда не надо, мы уже там. Подсказать бы этим молодым людям, вернее, хозяевам плаката.

Проезжаем школу, появилось мое общежитие (опять мое?), за ним вокзал, гостиница «Турист», чуть подальше, слева, интернат и школа, где я учился. Да, они уже не мои. Дальше стоит милиция.

За милицией стадион «Динамо». Поле, на нем ворота футбольные. Как пройдет дождь, на нем невозможно играть. Одна большая лужа, не поле. Но мы играли. Бывало, и в резиновых сапогах. За стадионом сразу начинается крутая гора. На ней зимой тренируются горнолыжники, я постоянно приходил, смотрел, завидовал. Тоже хотелось лететь с горы на таких лыжах. Устраивались соревнования, приезжали участники с других городов, гремела музыка. Я до посинения стоял и наблюдал за соревнованиями, как лыжники лихо зигзагами преодолевали флажки. Запомнилось, что идет праздничное открытие соревнований и Валерий Леонтьев поет песню «Разноцветные ярмарки». Из громкоговорителя, конечно, на столбе. На горе, слева, был большой трамплин, мы в первые годы учёбы лазили по нему, но было страшно, многие доски прогнили и зияли дыры. Позже трамплин сломали, мы так и не видели, чтобы на нём кто-то прыгал. А когда он функционировал, говорят, на нём кто-то насмерть разбился. Может, врут.

В здании милиции есть спортзал, я ходил на секцию самбо, Саша подсказал. За стадионом библиотека, туда мы ходили очень часто. Я мог там пропадать часами. А в подвале библиотеки проводились тренировки по классической борьбе. Я туда тоже ходил. Но мне борьба не нравилась, мне хотелось на горных лыжах...

Справа магазин «Мелодия», я любил его посещать, там продавались пластинки. Домой на каникулах привозил несколько. Дома была радиола, приемник и проигрыватель

в одном ящике. Слушал Анатолия Королёва, Валерия Ободзинского.

Одно из любимых мест, конечно же, площадь Ленина. Не знаю, был ли Владимир Ильич на этой площади, но, так назвали. Памятник ему стоит на видном месте, Ленин показывает куда-то. Но куда, непонятно, не написано. Куда-то в сторону стадиона «Динамо». Но мы там уже побывали.

Тут же кинотеатр, он называется «имени Горького». Тоже сомневаюсь, что Максим Горький здесь был. На крыше люди стоят. Скульптуры, конечно. Хороший кинотеатр, мы сбегали с уроков сюда на кино «Фантомас». Еще есть другой кинотеатр, в десяти минутах ходьбы, направо надо идти, через обувной магазин. А по дороге книжный магазин встретится. Я был там частым посетителем. В районе второго кинотеатра стадион «Спартак». Это приличный стадион, огорожен со всех сторон, с трибунами, беговыми дорожками, на которых мне приходилось бегать на соревнованиях.

Вернемся на Площадь. Около нее есть строящийся театр, он огорожен, и долго строится. Если достроят, у нас появится новое здание театра.

За театром, через несколько домов, на первом этаже пятиэтажки, универмаг. Он был один на весь город, а когда построили второй, о котором я говорил, стало два универмага. И чтобы не путаться, первый стали называть Старым универмагом, а новый, ясно дело, Новым. На углу, на повороте направо, несколько зданий ткацкой фабрики, она гремит на всю страну. Нас водили сюда, на экскурсию. Где-то еще, я пропустил, самовары делают. Самоварный завод, нас тоже туда на экскурсию водили. Но что-то на завод не было похоже, пыльно, шумно и грязно. Еще знаю, на соседней улице, Социалистической, швейная фабрика есть, обозо-строительный завод. Но на них я не был.

Но вот и закончился коммунизм, то есть проспект Коммунистический. На перекрестке можно проехать пря-

мо, можно налево и направо. Если направо, это в сторону гардинки – гардинно-тюлевой фабрики. Тоже знаменитой. Справа, параллельно проспекту улица Социалистическая, а вот как называются эти три улицы, от проспекта, даже не припомню. Ездил-то я в эти стороны, может, раз или два. Да и сильно интересного там, по-моему, нет. Да, гардинка одна, о которой я сказал. Так что экскурсию по городу на этом закончим. Да и несолидно от проспекта Коммунистический на улицу Социалистическую сворачивать. От коммунизма к социализму. Надо мечтать и стремиться к лучшему. О поездке прямо и налево и говорить нечего, там, видимо, капитализм с феодальным строем.

Если серьезно, город мой мне нравится. Небольшой, уютный, я бы сказал, старающийся быть городом, хотя очертания и характер бывшего села нет-нет и проглядываются. Но он растет, население год из года увеличивается, по-моему, что-то между тридцатью и сорока тысяч уже. Так что, жизнь в городе идет.

Глава 6.

Девушка на кране

Итак, я стал строителем. Учась в школе, особо и не интересовался этой профессией, да и не думал, что мне когда-нибудь придется строителем работать. Когда искал работу, мне было все равно, где работать. Выбрал ЖБИ, потому что сказали, что там зарплата хорошая.

И вот теперь, работая с Михаилом Чечушевым, я начал вникать в строительное дело. Сначала Михаил присматри-

вался ко мне, как я работаю, как я прислушиваюсь к его наставлениям, как исполняю его поручения. Видя, что больших проблем со мной нет, он много рассказывал о себе, расспрашивал меня, учил, что, как нужно делать. Хотя я не сказал бы, что он разговорчивый.

Я узнал, что есть здесь, на стройке, два вида кирпича, которые они используют. Красный кирпич, размерами 25, 12 и 6,5 сантиметром и белый силикатный. Размеры силикатного почти такие же, только по высоте выше в полтора раза, он идет как облицовочный, снаружи. По шнуру прокладываются пять рядов силикатного, кирпичи выкладываются вдоль стены «ложком», то есть в длину, потом ложится внутренняя часть, из красного кирпича, в несколько рядов, получается ширина стены 64 сантиметра. Шов между кирпичами из раствора должен быть один сантиметр. Когда внутренняя часть стены из красного кирпича выравнивается по высоте с силикатным кирпичом, следующий

ряд из силикатного выкладывается уже «тычком», поперек стены, перевязка называется. И так далее, снова по новой.

Попов Александр, стропальщик, отправляет бадью с раствором, мы его принимаем, освобождаем стропы, кричим: «Вира», стропы поднимаются, стрела крана поворачивается, и стропы с крючьями на концах плывут по небу в его сторону. Также просим, если надо, кирпичи отправить. Кирпичи на поддонах, здесь надо быть аккуратным, чтобы и поддон не развалился, и ногу не придавило. В одном поддоне триста тридцать кирпичей. Кирпич весит четыре килограмма. Вот и представьте, будет ли приятно, если такой поддон вам на ногу наступит.

Я размешиваю раствор в бадье, чтобы он стал однородной массой, снимаю верхонки, тереблю руками раствор.

– Ил, – говорит Михаил. – Только руками не трогай. Там цемент, руки разъест.

Я стряхиваю раствор в бадью. Для меня это новое. Оказывается, поэтому раствор между кирпичами становится твердым, как камень. Из-за цемента. А мне казалось, просто берут из речки песок... Вернее, об этом никогда не задумывался. Многое мне стало открываться. Например, мне было интересно, почему в пятиэтажном доме самый нижний кирпич не ломается от тяжести верхних, почему кран, такой вроде бы хлипкий, прозрачный, не падает, когда поднимает многотонные плиты. Все это с удовольствием мне объяснял Михаил. Он показывал и рассказывал, как уложить раствор и сколько, чтобы и мало не было, и много, чтобы стены не замарать, как мастерком аккуратно убрать лишний раствор, как укрепить шнур, как работать с отвесом. Я ведь даже не знал, что это такое. Одним словом, мне приходилось сталкиваться со многими неизвестными для меня инструментами, операциями с ними, терминами и словами.

Каменщики устраивали перекуры, где резались в карты, травили анекдоты и иногда развлекались. Например, спрашивают новичка: «Можешь два кирпича поднять одной рукой?». Вроде бы ответ ясен, кирпич весит 4 килограмма, два кирпича будут весить восемь килограммов всего. Одной рукой почему бы не поднять.

Но есть условие. Кирпич ложится на длинное ребро, рядом, плотно к нему, другой так же. Теперь одной рукой нужно поднять эти кирпичи. Петька Олейник легко это делает и с удовольствием показывает. Его волосатая большая рука обхватывает кирпичи и без труда поднимает. Подходит Васька Новоселов. Приспосабливает руку, начинает поднимать, но нижние части кирпичей расходятся в стороны и кирпичи падают. То же самое происходит и с кирпичами Вити Карманова. «Так и не получается», – огорченно бросает он. Больше никто не подходит. Все смотрят на меня. Михаил говорит: «Иди, попробуй». Я уже понял, как нужно делать. Кирпичи нужно обхватить как можно плотнее, чем ниже окажутся пальцы, тем лучше. Я подхожу, ставлю кирпичи плотно, обхватываю правой рукой кирпичи, сильно давлу вниз, помогая левой рукой, прижимаю кончиками пальцев как можно сильнее кирпичи, и, убрав левую руку, медленно поднимаю правую. Кирпичи поднимаются, я слышу одобрительный гул. Михаил восклицает: «Молодец!».

Позже эту процедуру я научился делать и левой рукой, хотя вначале не получалось. Потом уже на время держал на весу. Мужики удивляются, но ничего удивительного, сколько лет на турнике в школе болтался, подтягивался. Вот пальцы и натренированные.

Проходили день за днем, я стал втягиваться в работу. Поначалу тело, мышцы болели, но потом привыкли. Тело-то тренированное, привыкшее к физическим нагрузкам. Я и здесь, на работе продолжал бегать утром, делать зарядку.

На работе я не уставал, в первые же дни освоил свои обязанности, уже без команд Чечушева Михаила знал что делать; заранее обеспечивал рабочее место кирпичами, перемычками бетонными, если попадались проемы окон. Также с двух сторон в проемах должны быть установлены деревянные пробки для крепления оконных блоков, значит, нужно принести со склада эти пробки. Знал, какая нужна сетка для перевязки стен и через сколько рядов, значит, нужно тоже подготовить. Работа была интересной, иногда на перекурах, когда мужики резались в карты, с разрешения Михаила пробовал выкладывать кирпичную кладку. Не на очень ответственных участках, конечно.

Мне нравилось смотреть, как работал кран. Вернее, крановщица Галина. Хотя, зря я так говорю, её-то работы я как раз и не видел. Она высоко сидела в кабинке, её и не было видно практически. Только по движению крана по рельсам, поворотам стрелы крана, по звонку, который предупреждал об опасности, по движениям строп вверх или вниз можно было предполагать, как двигаются ее руки, передвигая рычажки. Лица ее так и не видел, не было случая. К нам в вагончик она не заходила, незаметно приходила на работу и незаметно уходила. Даже не было понятно, на кране ли она. Только когда кран начинал работать, понимаешь, что она на рабочем месте. Всего несколько раз я видел, как она подымалась на кран в своем неизменном комбинезоне и косынке.

В жаркие дни мы всей бригадой шли пить квас. Бочка с квасом стояла перед зданием мебельной фабрики. Забыл сказать, у нас есть еще мебельная фабрика. Теперь говорю. Так вот, всей гурьбой, раздетые по пояс, с белыми касками на головах (строители же!) мы стояли в очереди за квасом, покупали по бокалу, по шесть копеек, и с удовольствием попивали. В школе мы всегда по стакану квас брали, за три

копейки. Но теперь же я рабочий, стыдно по стакану брать. Я озирался по сторонам, может, кто знакомый встретится. Но закон подлости никто не отменял. Никого.

Иногда мы ходили сюда же в столовую мебельной фабрики. Она находилась на втором этаже. Рабочие фабрики обедали с 12 часов, а у нас обед с 13, очередей практически не было. Копеек на 70 можно было плотно поесть. Но все равно многим это казалось дорогим. Брали обед с собой.

Я тоже не очень часто ходил в столовую, уходил в общежитие. В основном, чтобы в душе помыться. Жара.

Строительство это такой большой живой организм, работа которого зависит от многого чего. Если идет кирпичная кладка, нужно, чтобы с утра привезли раствор, должен быть заранее завезён кирпич, надо, чтобы исправно работал кран, чтобы подавать все это на рабочее место. Что-то не получится, например, раствор не подвезут вовремя, или он вообще не заказан на этот день по вине бригадира, всё, работа станет. Конечно, можно и другим чем заняться, но нужно опять перераспределять людей, давать новые задания, потом, когда придет раствор, опять их... В общем, много чего увидишь. И скандалы, и ругань, даже драки. Но в первые же недели работы меня потряс один дикий случай.

Мы с Михаилом работаем на кладке наружной стены третьего этажа. На той же стене, только неподалеку, работает Петр Никифоров, молчаливый высокий мужчина. Стоя на стене, он выкладывает первый ряд из облицовочного силикатного кирпича. Работал он один, любит всегда работать один, подсобников не берет. В это время кто-то подцепил пустую бадью из-под раствора к стропам крана и отправляет вниз, Попову. Приподнимая бадью, кран одновременно поворачивает стрелу. Тут я отвлекся, кинул взгляд в ту сторону только тогда, когда услышал крик и увидел падающего человека. И качающуюся бадью на том месте, где стоял

Петр. Все побежали вниз. Вызвали скорую, Петра увезли. Крановщица сидела уже внизу, на рельсах, обхватив голову руками, а все стояли вокруг и орала на нее...

Не знаю, что там случилось. Может, крановщица отвлеклась, может, кран перестал поднимать вверх бадью и при повороте стрелы на пути бадьи оказался человек...

Я до самой ночи не мог успокоиться, перед глазами то и дело возникала эта картина: бадья сбивает Никифорова и тот с криком летит вниз, с третьего этажа. Думаю, ночью будут сниться кошмары. Кошмары не снились, но спал плохо. Просыпался, лежал долго, не мог уснуть. Только засну, опять вижу эту картину на краю стены, то вижу, как рабочие закидывают камнями Галину. И мне её как-то хотелось защитить. Почему-то не хотелось её винить.

Утром, как ни в чем не бывало, Петр Никифоров появился на работе. Показал несколько ссадин. Он упал на кучу мусора, но, видимо, очень удачно. Каска на голове тоже сыграла не последнюю роль.

А крановщицу я больше не видел. Хотя и до этого ни разу не видел. В лицо. А так хотел увидеть. Нет-нет, да и непроизвольно кидал взгляд на лестницу крана, и казалось, увижу ее, Галину, легко поднимающуюся вверх. Но нет. Вместо нее стал работать какой-то мужчина. Пару раз спросил у Михаила, где она теперь. В первый раз он сказал, что не знает, а во второй дал понять, что такие вопросы лучше не задавать и про этот случай молчать. И действительно, потом ни разу не слышал, чтобы кто-то из мужиков вспомнил и про Галину и про это падение. Хотя раньше они частенько материли (на расстоянии) крановщицу, когда её кран не очень четко исполнял команды стоящих внизу.

Как-то в детстве я прочитал рассказ «Девушка на шаре». Маленький мальчик увидел на представлении, как тоже маленькая девочка ходила на большом красивом шаре. Маль-

чик так был поражен увиденным, так его это всколыхнуло, задело за душу и сердце, что это не давало ему покоя несколько дней. Ему очень хотелось её снова увидеть, хотя толком-то он её лица-то не видел. И он, желая увидеть её еще раз, снова попадает на это представление. Но, к сожалению, номера с этой девочкой уже не было. Она уехала. Он чуть не плакал...

Что-то похожее было и здесь. Я тоже не видел лица этой крановщицы, но я запомнил ее стройную фигуру с плотно сидящим комбинезоном, ловко подымающуюся по крану. И очень хотелось увидеть ее лицо. Но так и не получилось.

У этого мальчика на всю жизнь останется в памяти эта девочка на шаре, а у меня останется на всю жизнь эта девушка на кране...

Глава 7.

Рубль на обед

Новая жизнь, вернее, её новый отрезок, резко отличающийся от предыдущей, заставляет на многое смотреть по-другому. После школы почти все мои сверстники ринулись в большие города поступать в институты; и некоторые, когда не получится с экзаменами, поедут домой, устраиваться на работу, в колхоз или еще куда, или останутся в тех же больших городах работать на больших заводах.

Я же через неделю, как получил аттестат о среднем образовании, пришел в бригаду строителей. Им было непонятно, почему я не пошел поступать. Думали, учился совсем плохо, нет шанса поступить. В чем-то они были пра-

вы. Я действительно учился плохо. Не в том смысле, что у меня не было способностей, скорее, наоборот. Я практически вообще не учил уроки. К концу четверти у меня было множество двоек, и по нескольким предметам появлялась перспектива появиться двойке и за четверть. Портились показатели передовой школы. И за меня и мою учебу брались всей школой. Меня спасало то, что я был очень начитанным. Чтение – одно из моих любимых занятий. Я никогда не гонялся за оценками, у меня в аттестате почти сплошные тройки. Из таких предметов, которые мне нравились, конечно, после физкультуры, это были геометрия и немецкий. А всякие биологии и географии я не любил. И учеба мне давалась очень тяжело, вернее, она казалась мне не особо важным в жизни, мне хотелось чего-то другого, настоящей жизни. А как представляю, что если поступлю в институт, снова пять лет тянуть эту ляжку... Да, и мама, и преподаватели настаивали, чтобы я дальше учился, говорили «человеком будешь». Но у меня дурной характер, я делаю все не так, как мне говорят. Вернее, делаю так, как я хочу.

И вот я захотел и окунулся в эту «настоящую» жизнь, увидеть ее. И мы повстречались.

Столько матерков, которые я услышал в первые дни, я не слышал за всю жизнь. Я слышал матерки, я же не на Луне жил, но чтобы через каждые пару слов... Иногда я выходил из вагончика, чтобы не слышать это. Да, и в школе у нас некоторые ребята матерились, но это не одобрялось, тем более, там и девочки, и преподаватели. Никогда не слышал, чтобы кто-то из преподавателей матерился. А здесь чисто мужской коллектив и костерят друг друга как хотят. И главное, никто не обижается, как будто, так и надо. Матерки воспринимаются как обычные слова. Например, обедают в вагончике. Один у другого, допустим, спраши-

вает, почему он так много хлеба принес. По смыслу. Обычный вопрос, который мог бы звучать так: «Зачем так много хлеба-то взял из дому, останется же». Первое слово у него заменяется матерным, предложение тоже заканчивается тем же. Тот отвечает, что он не видел, жена положила. Ответ может быть примерно таким: «Супруга обед собирала, а я даже не посмотрел». Но нет, получается так: «Да ..., баба собирала, а я, ..., даже не посмотрел, ...». Вместо матерных слов я поставил многоточия, можете подставить их. Вариантов, думаю, будет много.

Курение. Везде говорится, что курение вредно, что курить не нужно. Здесь я услышал слово «перекур». Слышал, конечно, раньше это слово, но как-то не вникал в суть. Оказывается, чтобы сказать, что нужно отдохнуть, сделать перерыв в работе, нужно сказать «перекурить». Бригадир это объявляет, все устраиваются удобнее в тенёчек, вытаскивают пачки с сигаретами или папиросами, дружно закуривают. Не курит только Петька Олейник.

Всем понятно, что от курения возникают болезни. В школе не раз прослушаешь лекции о вреде курения, курильщиков будут вылавливать, критиковать на собраниях. А когда ушел со школы, никто ничего не говорит, когда курит вчерашний школьник. Более того, мои коллеги кричат: «Колька, иди сюда, садись, закуривай. Ты уже взрослый, курить можно». А что, взрослым курение вред не наносит? Более того, это даже поощряется. Перерыв объявляется перекуром, курение в это время воспринимается как важное дело, которое нужно обязательно сделать. Например, бригадир появился из-за угла, застал врасплох двоих сидящий рабочих: «Чего сидим, вам раствор уже отправили?!».

– Виктор Иванович, только сели. Дай докурить!

И Семкин дает, это святое!

Нет, чтобы во время перерывов организовать подвижные упражнения, гимнастикой заняться. Но это уже мои фантазии.

Конечно же, на этих перекурах идут разговоры. Первый балагур и весельчак Васька Новоселов. Не поймешь, или он анекдот очередной травит, или правду говорит. Но все слушают. Не верят.

– Тебя, Васька, слушаешь, не знаешь, заранее придумал, или на ходу сочиняешь! – говорит Олейник.

– Слушайте, что дальше было, – не обращает на него внимания Васька и заканчивает свой очередной случай в жизни под смех рабочих.

А истории у него в основном про женщин, да и разговоры на перекурах и в вагончике тоже в основном про них. Но почему-то выставляются они в не очень красивом свете. Кто-нибудь расскажет, что какая-то девушка обманула солдата, не дождалась, другой про гулящую, которая меняет парней, как перчатки, третий начнет хвастаться, сколько у него было женщин в санатории... Неприятно слушать, ведь они, эти девушки и женщины, чьи-то сёстра, матери. А может, они врут, так, для красного словца, для смеха. Хотя не очень удачный объект для насмешек.

В бригаде были и выпивающие. Пьянство на стройке пресекалось строго, но с выходных или после праздников были болеющие с похмелья. В основном, это были Виктор Карманов и Васька Новоселов, детдомовские. Они в такой день кое-как отработывали до обеда и в обеденный перерыв исчезали. Что они делали. У каждого имелся рубль, на обед. С этими деньгами они отправлялись в магазин, брали бутылку вина, закуски какой-нибудь и опохмелялись. После обеда, как ни в чем не бывало, появлялись весёлые и бодрые. Конечно, про прошедшие выходные не мог не рассказать Васька, на одном из перекуров.

– Пацаны зашли в субботу, вместе в детдоме росли, ну, выпили, потом к ним пошел, загуляли на два дня. Сегодня башка трещит, у меня рубль был, с Витькой пошли, купили вина Яблочного, у него тоже рубль, опохмелились.

– Рубль с заначки, что ли?

– Нет, баба мне каждое утро рубль дает, на обед и сигареты. Она все мои места заначек знает. Приду после аванса или полочки, я ей все деньги отдам, а она всю робу у меня прошерстит, неделю назад трешку нашла, шуму было!

– А ты в задницу суй, она не догадается! – под общий хохот говорит Олейник. Васька не обижается, нехотя улыбается.

– А моя, падла, – продолжает тему Витька, – в контору ходит. Я тоже, бывало, припрячу, сначала не замечала, потом стала подозревать. Теперь придет в контору, выпишет, сколько мне насчитали, листочком перед носом трясет, никуда не денешься, все деньги приходится отдавать.

Мне было непонятно, как так получается: человек зарабатывает деньги, но каждое утро выпрашивает у своей жены один рубль на сигареты и обед. Неужели, и меня ждет такая же перспектива? Печально.

Глава 8.

Студент поневоле

Николай Григорьевич меня не забывал. На второй или третий день, как я стал работать, он появился у нас на стройке. Я видел, как он подходил к каждому, здоровался за руку, о чем-то спрашивал, улыбался. Подошел к нам, мы с Михаи-

лом Чечушевым принимали кирпич. Подождал, пока кран уберет стропы в сторону, пожал нам руки.

– Здравствуйте, рабочий класс, здравствуйте. Михаил, как работа, как дела, как помогает мой тезка?

– Николай Григорьевич, добрый день, не забываете вы нас, – Михаил по-доброму улыбается, крепко, сняв верхонку, жмет его руку. – Колька-то? Парень шустрый, давно у меня такого помощника не было, молодец.

Николай Григорьевич вытащил пачку «Беломора», протянул Михаилу.

– Не-е, я папиросы не курю, не могу, у меня сигареты, – и он полез в карман.

Они закурили. Николай Григорьевич кинул взгляд на строящийся объект, спросил: «Как дела-то продвигаются?».

– Да вот, третий этаж заканчиваем. На будущей неделе, думаю, плиты бросим, и на четвертый перейдем.

– У вас бригада хорошая, одна из передовых. Бригадир у вас толковый, Семкин. Нам бы больше таких, но где их взять?

Он посмотрел на меня: «Коля, ты еще не начал курить, мужики не научили?».

– Нет.

– Да он молодец, как ни уговаривают его мужики, он ни в какую, – сказал Михаил.

– Да, это зараза такая, – Николай Григорьевич притушил окурочок о бадью, выкинул. – Никак не могу бросить. Вот поднялся к вам на третий, и все, дышать трудно. Так что не кури, Николай, будешь курить, с возрастом так же будешь задыхаться, как я. Да, Михаил, как супруга-то?

– Да полегче, дома, из больницы выписали неделю назад. Вроде ничего пока.

– Если что, говори, не стесняйся, в санаторий можем путевку организовать. Как девчонки?

- Да ничего, в школу бегают, маме помогают.
- Привет супруге, и дочерям. Как-нибудь забегу.
- Передам. Приходите, ждать будем.

Николай Григорьевич снова пожал нам руки и стал возвращаться. А мы стояли и смотрели на него. Он шел не торопясь, останавливался около кирпичной кладки, что-то высматривал, даже шупал руками, шел дальше, внимательно смотрел по сторонам, разговаривал с другими каменщиками, подошел еще раз к Семкину, перекинулся несколькими фразами, показывая взглядом на нас, пожал руку бригадиру, стал спускаться по лестничной площадке. Мы знали, какое время должно пройти, чтобы спуститься до первого этажа. Затем стали смотреть вниз. Появилась его шляпа, потом он сам, дойдя до ворот, оглянулся, осмотрел наш строящийся объект, увидел нас, помахал рукой, повернулся и скрылся за воротами.

А мы с Михаилом еще некоторое время стояли.

– Хороший человек, – сказал он. Увидел в руке свою сигарету, прогоревшую почти всю, смахнул пепел, выбросил и молча пошел на рабочее место.

А я и не знал, что у Михаила супруга больна. Наверное, что-то серьезное. Он говорил, что у него две дочери, еще маленькие, в школу ходят, про себя, про супругу рассказывал, но о её болезни ни разу не промолвился.

Вижу, Михаил работает молча, думает о своем. Я тоже ничего не говорю. Лишь через некоторое время я спросил: «А он всегда на стройку ходит?».

– Ходит. Хотя, думаю, в его обязанности это не входит. Не знаю, ходит ли он на другие объекты.

– К нам близко, наверное, поэтому и ходит. И к вам домой приходит?

Михаил отложил мастерок, снял верхонки, сел на кладку. Закурил, стал говорить.

– Когда я устроился в это ПМК, Николай Григорьевич уже работал. Говорят, давно он работает у нас, даже не знаю, сколько лет. Он детдомовский, так же как и я, как Витька Карманов, как Васька Новоселов. Чему мы с детства, детдомовские, учимся? Воровать, материться, курить и драться. Будешь другим, белой вороной, тебя изобьют, в стаю не примут. Детдом – это такая же тюрьма, только для детей. Там свои законы, и ты им должен подчиняться. Иначе тебе не выжить. Люди думают, что детдомовские дети ничем не отличаются от остальных, у кого есть родители. Это не так. Это совершенно другие дети. Я бы сказал, детдомовские дети – это изуродованные дети. Второй сорт. И это им дают понять со всех сторон. С самого детства. И у них после детдома одна дорога – куда-то идти работать на черных работах, или в училище, в лучшем случае, но потом все равно или на стройку, или еще куда. Эти дети даже подумать не могут, что им можно в институт поступить, там... в начальники выбиться. Это большая редкость. Мало кто может. Как, например, Николай Григорьевич. И он тоже хочет, чтобы и мы стремились хотя бы быть на равных со всеми. А что с Васьки и Витьки взять? Что только с ними Николай Григорьевич не делает. И упрасивает, и ругает, и стыдит. А толку? Сколько раз он спасал их, когда все шло к увольнению из-за пьянок. А с работы погонят, чего-нибудь натворят, побьют кого, или украдут чего, – тюрьма. Учиться он их не мог заставить, у обоих восемь классов. Да и я. Хоть и есть десятилетка, а знаний-то нет. Ни черта ведь не учился. Кое-как на каменщика выучился. И вот буду здесь горбатиться, пока здоровье есть. А Николай Григорьевич молодец, нас, детдомовских, поддерживает. И на стройку приходит, ко мне домой приходил. Раза два или три был у нас дома за эти годы. Поздравил, когда мы с Дашей поженились,

помог с квартирой, хорошую, двухкомнатную дали. Не без его помощи. И тебе, смотрю, хочет помочь.

– Наверно, подумал, тоже детдомовский.

– Да нет, я не думаю. Мужики сказали, когда ты пришел, наверно, детдомовский. Но мы-то детдомовские, сразу видим, кто детдомовский, а кто нет. Мы своих сразу узнаем. Вы, не детдомовские, всегда под защитой, вы этого не понимаете, а мы это видим. Если даже вас кто-то обидит, вы знаете, что вас кто-то может защитить. Папка, мамка, родственники. Придете домой, кому-то расскажете, вас, по крайней мере, выслушают. А нас некому защищать, мы голые. Нас не любят, детдомовских, потому что мы злые, как щенки, отлученные от матери и выброшенные на улицу. Норовим всех укусить. А как не быть злыми, если мы видим, что у других есть папки и мамки, что они хорошо одеты, кушают хорошо, имеют хорошие вещи, учатся в лучших школах. Поэтому мы злимся на них, деремся с ними в городе, воруем. Мы тоже хотим, чтобы у нас было так же, как у вас, чтобы были мамки, папки и всё остальное. У нас этого нет, но ведь мы не виноваты, что так получилось, поэтому, как не злиться. Разумеется, и на нас злятся, не любят нас.

Михаил достал вторую сигарету, он явно разволновался. Закурил, немного помолчав, продолжил: «Ты другой. Это сразу видно. Ты при родителях, у тебя родственники, еще из националки. А это другой мир, космос. И удивительно, как тебя сюда занесло. Вспомни, хоть кого-нибудь одного детдомовского из своего класса, из школы? Вот видишь, не вспомнишь. Туда детдомовского никогда не примут. И хоть ты говоришь, что учился плохо, вон, как с Петькой Олейником споришь, аргументируешь здорово. До тебя с ним и спорить-то никто не смел, он ведь самый грамотный в бригаде, в техникуме учится. А ты его в пух и прах.

Ты не боишься ни его знаний, ни мускулов. Если что не так, не понравится тебе, ты на всё плюнешь, и к себе в деревню уедешь, к родственникам, к маме. У тебя есть куда отступать, у тебя защита. А появишься здесь из детдома кто, он будет заискивать перед Петькой, в рот ему смотреть, он не сможет отказаться, как ты, от предложенной сигареты, потому что у него нет другого варианта, как искать защиту здесь, среди этих. Он не может куда-то уехать, ему некуда... И дело не в том, что ты такой храбрый, а он трусливый. Окажись ты на его месте, ты поступал бы точно так же, как он. А теперь вы просто на разных полюсах. У вас разные исходные данные. Видел же, иногда Семкин убирает с доски своего фёрзя, когда играет с Олейником. С самого начала игра не на равных. Так вот, у нас, детдомовских, нет этого фёрзя»...

Я ничего не отвечал, думал над его словами, думал до конца рабочего времени, думал, пока шел домой, мимо конторского плаката. Подумал, кинув взгляд на плакат, что долго придется этим молодым людям шагать до поставленных ими целей с Васькой Новоселовым и Витькой Кармановым. Но поймал себя на мысли, что шутка эта не к месту...

Через несколько дней стропальщик, Александр Попов кричит снизу: «Колька, тебя в контору, в отдел кадров зовут, сейчас прямо, срочно».

– Наверно, Николай Григорьевич, иди, раствор я сам размешаю, – говорит Михаил.

– Интересно, зачем?

– Я откуда знаю, иди, узнавай, потом расскажешь, придешь.

Я пришел в контору, зашел в кабинет Николая Григорьевича.

– Здравствуйте. Вызывали?

– Да, проходи, – он поздоровался со мной по-взрослому, рукопожатием, показал на стул.

Начал издалека. Расспросил как в бригаде отношение ко мне, есть ли письма от родственников, тяжело ли работать, потом сказал:

– К нам, в город едет приемная комиссия техникума мод из Бирска. Не хочешь поступить?

Я стал соображать. Бирск – это город в ста километрах от нас. Намного больше, чем наш. Я там ни разу не был. Спросил:

– Я девушка что ли, зачем мне мода?

Он рассмеялся: «Я к этому названию уже привык. А вначале тоже слух резало. Техникум называется МОД сокращенно. Механической обработки древесины. Техникум механической обработки древесины. К моде, как ты подумал, не имеет никакого отношения. Там есть специальность «Промышленное и гражданское строительство». То, что нас касается непосредственно. Будешь поступать?».

Я не знал, молчал. Он продолжал:

– Мы каждый год просим, чтобы преподаватели этого техникума приезжали к нам, и принимали экзамены. Кадров не хватает, сам видишь. С мастеров Олейника убрали, а поставить некого. Ты школу вот только закончил, поступишь. Будешь работать потом на стройке или прорабом или мастером. Глядишь, и расти начнешь. Тебе на стройке-то хоть нравится работать?

Я молчал. Сразу вспомнил матерящихся рабочих, летящего с третьего этажа Никифорова. Нет, не нравится. Но молчу. Задаю вопрос:

– Да не планировал я учиться. Только на работу устроился. Опять куда-то ехать.

– А куда не надо ехать. Учиться будешь заочно.

– Это как?

– Это так. Работаешь так же, но учишься. Задания по предметам выполняешь дома, то есть здесь, отправля-

ешь по почте в техникум, и два раза в год едешь в Бирск на сессии, сдаешь экзамены. Понятно?

– Не-а. Что за учеба такая? Кто меня с работы отпустит?

– За время экзаменов, сессий, мы будем отпускать и оплачивать. Как будто ты работал. Все законно. Ну что, согласен?

– Не знаю.

– Значит, согласен. Давай так. Сейчас я напишу бумажку Семкину, отдашь ему. Он тебя с работы отпустит. Потом снова зайдешь сюда. Я направление подготовлю, от ПМК. Два дня будут экзамены. Завтра у тебя первый экзамен по математике в 10 часов, у нас в тресте, за милицией, двухэтажный дом. Там спросишь, скажешь, на экзамен. Приди пораньше. А сегодня сходи в библиотеку, пролистай учебники, освежи память. Ступай.

Когда я вернулся на стройку, был общий перекур. Васька под общий смех рассказывал очередной анекдот. Я подошел к бригадиру, подал бумажку. Все притихли. Семкин прочитал, сказал: «Хорошо, хорошо». И обратился ко всем: «Парень в техникум поступает, пожелаем удачи».

– А какой техникум? – спросил Петька.

– Техникум МОД, – ответил Семкин.

Все рассмеялись. «Что, Колька, самым модным будешь?» – захохотал Васька.

Но Петька за меня серьезно ответил: «Хороший техникум. Механической обработки древесины, сокращенно – МОД. Там есть строительная специальность, где прорабов готовят».

В библиотеку я не пошел, ходил к Тодошеву, тоже к Кольке, он мой одноклассник, городской. Попросил учебники по алгебре, геометрии и пошел в общагу. Готовиться. Но как можно подготовиться за полдня, если не учил шесть лет?

К моему удивлению, на экзамене задачи по математике мне показались легкими. Вернее, они были на способность, не такие скучные и нудные, как в школе. Но, а геометрия вообще мой любимый предмет. Не говоря уже о сочинении, которая была на второй день. Их писать мне нравилось даже больше, чем изложение, оценки снижали только за почерк. Преподавателей было несколько, они проверяли работы в тот же день. На третий день утром я принес бумажку с оценками Николаю Григорьевичу. Получив четыре по математике и пять по сочинению я стал учащимся Бирского техникума МОД. По-моему, начальник отдела кадров радовался больше меня.

А мне чего радоваться, не хотел я учиться, а придется! Кто хвастался, что все он делает только по своей воле? Такова она, жизнь...

Глава 9.

Бригада Семкина Виктора

Прошло уже достаточно времени, я кое-что уже узнал о моих новых коллегах, решил ознакомить и вас с моей бригадой. Да, уже с «моей», потому что спросила как-то завобщезитием Нина Петровна: «А где твоя бригада работает, на каком объекте?», а я спросил: «Моя?», потому что как-то странно слышать было, что бригада это моя.

– Да, твоя.

– Да это... там, то есть здесь, рядом, за новым университетом.

– Где новые пятиэтажки строятся, что ли?

– Да.

Да, действительно, мне все казалось, что в этой бригаде я еще не очень полноправный ее представитель, а оказалось, да, это **моя** бригада.

Хорошо, начнем с бригадира. Семкин Виктор Иванович. Большой, с широким и светлым лицом, волосы тоже светлые, непонятно, то ли седина это, то ли с рождения. Ему сорок пять лет, он старше всех. Бригадиром он в МПК считается опытным, пользуется, как говорят официально, на больших собраниях, большим авторитетом в бригаде и организации. Он самый заметный в бригаде. Разговаривает со всеми громким, начальствующим голосом, может и матерками осыпать, если кто-то не так сделал, или не успел к сроку сделать. Хотя этим здесь никого не удивишь, я имею в виду матерки. Но за глаза его тоже ругают: уйдет куда-нибудь, на какие-то собрания, на полдня исчезнет; и бегает по стройке его заместитель, Степан Краснощекин, не знает, заказывал ли бригадир на сегодняшнее утро раствор, которого до сих пор нет, а уже обед скоро.

Вот мы и перешли к Степану, он, в отличие от бригадира, маленький, худой, незаметный. Но противный. Если с бригадиром рабочие могут о чем-нибудь договориться, ну, например, чтобы он выдал раньше срока верхонки, то со Степаном этот номер не пройдет. Он вытащит из сейфа нужный журнал, найдет, где что нужно, покажет, к примеру, Ваське Новоселову пальцем, скажет: «Видишь, ты брал пятнадцатого, твоя роспись стоит, так что через неделю и получишь».

– Степан, но ты же видишь, они совсем рваные!

– Откуда я знаю, может ты их где-то подобрал, а свои домой утащил.

– Да пошел ты! Я у бригадира все равно выпрошу.

– Пожалуйста, – Степан закрывает журнал и прячет в сейф.

Вот за такую вредность многие его не любят. Хотя, казалось бы, он делает-то всё правильно.

Степан младше бригадира на два года. Оба женатые, есть дети, все выросли и мало о них что знаю. Степан приходит на работу раньше всех, открывает большой вагончик, и в своем углу листает большие альбомы. Это проекты дома, который мы строим. На каждый этаж свой чертеж, по этим чертежам, где указаны размеры, должно и всё строиться. Иногда подолгу колдуют каменщики, вооружившись рулетками, спорят, откуда нужно мерить, какую арматурную сетку применять и тому подобное. Я тоже иногда листал эти альбомы, но ничего в них не понимал. Только когда, разложив проект на кирпичной кладке, Степан начинает рассуждать: «Так, вот идет капитальная стена, и от этого простенка идет перегородка, в полкирпича, три с половиной метра...», начинаешь немного соображать.

Упомянул Ваську, о нем и поговорим. Васька Новоселов это первый и единственный балагур и весельчак в бригаде. Как только объявляется перекур, все поближе присаживаются к нему, ждут, когда он закурит, сделает несколько затяжек и начнет говорить. Он начинает травить анекдот.

– Бригада. Такая же, как у нас. Только женская. Бригада доярок. У нас вагончик, а у них в коровнике Красный уголок. А там бабы переодеваются. От того и красный, видимо, этот уголок, от стыда. Так вот, переодеваются они, готовятся к дойке, то есть коров доить собираются. И вдруг залетает бригадир, Иван.

– Манька, где Манька?

– Ты охренел, Ванька! – кричит одна из баб. – Мы же переодеваемся. А ты без стука!

– Да ну тебя, Верка, – отмахивается Иван, – не до твоих сисек, кто их не видел. Где Манька?

– Здесь я, – отзывается одна из доярок. – Чо надо?

– Манька, председатель передал, в колхоз какие-то кресподенты приехали, с какими-то аппаратами. Говорят, у тебя будут интервью брать.

– Ванька, а чо это такое?

– Сам не знаю, Манька, но на всякий случай подмойся.

Моя бригада взрывается от смеха, хватается за животы и долго не может успокоиться.

Но Васька спокойно начинает рассказывать второй анекдот. Если первый анекдот можно с натяжкой отнести к безобидным, то следующий уж точно из категории «обидных». Я ухожу листать проект дома, который лежит на поддоне с кирпичом.

Васька женат уже года два-три, живет где-то на горе, в частном доме. Я уже говорил, что они с Витькой Карма-

новым детдомовские, росли вместе, иногда вместе и погуливают.

Но в отличие от Васьки Витька не любит много разговаривать, не травит анекдоты, иногда только может сказать что-нибудь, живет недалеко в пятиэтажке, в своей квартире, тоже женатый. На обед бегает домой, на работу приходит уже в рабочей форме, как и я, впрочем.

Попов Александр, стропальщик. Работа у него очень ответственная и важная. Это небольшого роста, с невзрачным лицом, молчаливый и скромный человек. Он почти не появлялся в вагончике. Сразу идет на свое рабочее место. А его рабочее место – это вся территория стройплощадки перед строящимся домом. В первую очередь он кувалдой отстучит, переворачивая, пустые бады, чтобы освободить от засохшего раствора, поставит их ровно в ряд, чтобы машина вывалила раствор прямо в них. Потом, если крановщик на рабочем месте, наводит порядок: перевезет на кране поддоны с кирпичами, поближе к объекту, освободит место для разгрузки других строительных материалов. Когда бригада уже на доме, он подает раствор, кирпич краном, помогает переставлять также краном леса, когда кладка выполнена до определенного уровня, и нужно подняться повыше. Работу свою он выполняет хорошо, редко увидишь, чтобы кто-то на него ругался. Он тоже жил недалеко, на работу ходил пешком.

А Женя Черников на работу ездил. На мотоцикле, на «Минске», у нас в деревне эти мотоциклы назывались «кашки». Он жил а Мойме, каждое утро шум его мотоцикла оповещал о том, что приехал Женька. Это был парень лет двадцати пяти, худой, среднего роста, мне казалось, всегда злыми глазами. Он мне не понравился сразу. Вернее, мы друг другу не понравились. И ожидалось, что конфликт между нами должен произойти. И он не заставил себя долго ждать.

Очередной перекур, рабочий день к окончанию. Остается немного раствора, который нужно выработать. Все собрались на последний перекур. А у Черникова лопата сломалась. Он его начинает чинить. Но не получается. Он кричит вниз, Попову, стропальщику: «Саня, тебе не нужна лопата, дай доработать, моя сломалась, иди в вагончик неохота».

– Иди, забирай, только потом обратно мне принеси, – отвечает тот.

– Конечно, какой разговор, – Женька приподнялся, посмотрел по сторонам. Я в это время учился азам строительства кирпичной кладки, размешивал раствор. С разрешения Михаила я во время общих перекуров пробовал выкладывать кладку. Михаил потом приходил, что-то подсказывал, подправлял кирпичи кое-где.

Так вот, взгляд Женьки остановился на мне. Видимо, неохота спускаться с третьего этажа. Кричит мне: «Эй, молодой, сбегай за лопатой!». Я не отвечаю. Да, не раз приходилось выполнить чью-то просьбу, мне не трудно. Скажем, пошел вниз за деревянными кирпичами – пробками, кто-то попросит, и ему принесешь, спросишь только, сколько надо. Или, еще какие просьбы выполнишь. Так-то я легок на подъем. Не трудно, если кто-то попросит. Но тут: сбегай! Вредности у меня тоже не дефицит.

– Глухой что ли? Я тебе говорю, за лопатой сходи! – в его голосе прозвучали грозные нотки.

Я поднял голову, посмотрел на него и спокойно говорю: «Тебе надо, ты и иди».

– Да я тебе сейчас!!! – он бросился в мою сторону.

До меня метров пятнадцать. Как только он преодолел половину пути, я выхватываю лопату из бадьи, размахиваюсь и лопата опустится на его голову, как только он окажется около меня. Но он резко останавливается. Следом бежит Михаил, отбирает у меня лопату. Руки у меня дрожат, он

кое-как освобождает лопату. А Черников, сплюнув в сторону, идет вниз, за лопатой...

Мы продолжаем работать, Михаил ничего не говорит до самого конца рабочего дня. Только иногда мотает головой.

Самым незаметным был Петр Никифоров, который упал с третьего этажа, когда его кран подтолкнул. Женат, больше ничего не знаю. Работает всегда один, подсобников не берет. Мало с кем разговаривает. В общем, отшельник какой-то. Узнаю больше, расскажу.

Самым интересным для меня является Петька Олейник. Как и Черников, Петька с Моймы. Он заметный: чернявый, с волосами, спадающими на плечи, чуть кудрявыми, постоянно с густой черной щетиной, спортивного телосложения, высокий, статный. Приятно посмотреть на его фигуру. Он был не особо молчаливым, но и не скажешь, что сильно разговорчивый. Сначала он мне показался угрюмым, замкнутым. Но оказалось, у нас много общего: он интересовался спортом, даже занимался когда-то борьбой, учится в техникуме. Сперва он не проявлял ко мне интереса, сильно со мной не разговаривал, но по прошествии времени он сам начинал разговор со мной, мы могли оживленно беседовать, спорить по тем или иным вопросам или теме. Михаил Чечушев сказал, что Петька раньше работал мастером на этом объекте, хотя техникум и не закончил. Отец у него какая-то шишка. Но однажды он ошибся при посадке нашей пятиэтажки. Только когда вырыли котлован и смонтировали блоки фундамента, эту ошибку выявили. Оказалось, что дом стоит не по чертежу. Петьку сняли с мастеров, а фундамент здания оставили также, не разбирать же. Знайте, когда будете проходить мимо нашего дома, когда его построят, он стоит не на своем месте, он стоит в стороне на полтора метра. Но, как говорят строители (я выяснил здесь): метр туда, метр сюда...

Петька после этого случая никуда не ушел, стал работать рабочим на этом же объекте. Но поскольку мастера

участка нет, теперь сами рабочие колдуют над чертежами, тоже нимало ошибаясь.

Оказывается, мастер или прораб с помощью своих приборов (даже не знаю, как называются, говорил раз Михаил, но я забыл) контролирует, чтобы стены строились ровно, чтобы комнаты, туалеты и так далее были построены так, как нарисовано на картинках, чертежах, чтобы фундаменты домов стояли там, где должны стоять, а не в двух метрах в стороне. И вот на кого, оказывается, я учусь, то есть учиться буду. Страшно.

Продолжу о Петьке. Так-то он оказался неплохим парнем, только избалованным. Родители зажиточные, говорят, имеют машину, квартира трехкомнатная. У них один сын, Петька. Одевается он шикарно, переодевается долго, показывая всем, какая у него одежда. У него есть шахматы, правда, играет он не очень. Но очень старается, хотя в основном и проигрывает. Много знает о спорте, да и вообще многое знает, видно, что читает много.

Купил он мотоцикл, «Ява», родители купили. Я слышал о таком мотоцикле, но ни разу не видел. Когда он в первый раз появился на нем, мы все их окружили, Петьку с мотоциклом. «Ява» блестела на солнце своими красками. Черное сиденье, красный бензобак, блестящие металлические крылья из нержавеющей стали, красивые приборы... Мужики так и цокают языками, руками притронуться боятся.

Такого мотоцикла у нас в деревне ни у кого не было. Были «Ковровцы», позже «Восходы», «Ижи», «Уралы» изредка. Но «Яв» не было.

И здесь, в бригаде, только у Черникова и был мотоцикл. «Кашка», «Минск», то есть. Больше ни у кого мотоцикла не было.

– И сколько стоит, Петя? – спрашивает Витька Карманов.

– Тысячу, – отвечает Петька. – Что, купить хочешь?

– Да нет, откуда у меня такие деньги, – тихо отвечает Витька.

– Ты ездить-то хоть умеешь? – не унимается Петька.

– Умею, – вдруг смело отвечает Витька.

– Врать-то, у вас в детдоме только на палках и ездят.

– Умею! Дай прокатиться, посмотришь.

Все посмотрели на Витьку. Он что, сдурел? Кто ему даст?!

Но вдруг неожиданно для всех Петька спустил «Яву» с подножки, завел, говорит Витьке: «На, покажи».

Витька остолбенел от неожиданности, но потом пришел в себя, подошел к мотоциклу, взялся на руль руками, сел. Выжав сцепление левой рукой, посмотрел на левую ногу, нажал ногой на рычаг скоростей. Мотоцикл чуть дернулся, но оставался на месте. Витька стал крутить ручку газа правой рукой. Мотоцикл стал орать, но все еще стоял на месте. Кто-то крикнул: «Сцепление отпусти!». Витька

глянул на левую руку и отпустил рычаг. Дальнейшее произошло молниеносно. Мотоцикл стал на дыбы, рванулся вперед, потом переднее колесо опустилось на место, Витька крутанул руль вправо, и мотоцикл на полном ходу с ревом залетел кучу с кирпичом. Треск ломающихся кирпичей, рев мотоцикла, падающего в одну сторону, падающий Витька в другую сторону... Эту картину мы запомним надолго. Мотоцикл заглох, Витька вскочил на ноги, смотрел на Петьку. Но и мы все смотрели на него, боясь увидеть страшную картину. На наше удивление, Петька ничего не сказал, даже не сматерился. Спокойно подошел к мотоциклу, вытащил его из кучи кирпича, откатил в тень, вытащил ключи зажигания и пошел переодеваться.

Покататься на мотоцикле больше никто у него не просил.

Вроде со всеми рабочими я немного познакомил. Остался я и Чечушев Михаил. Но о нас вы знаете. Не меньше чем о других.

Бригада у нас передовая, гремит в тресте. В вагончике, на стене висят два вымпела, на одной написано «Бригада коммунистического труда», на другой «Победитель соцсоревнования». Вот такая у нас бригада. Моя бригада.

Глава 10.

Техникум МОД, где о моде ни слова

Вот ведь как бывает, убежал от учебы, но на нее и напоролся. Как и обещали, из техникума выслали бумажку, чтобы я приехал к ним и получил задания. Отпросившись на один день, я поехал в город Бирск.

Этот город находится недалеко от нас, километрах в ста. Несмотря на то, что он намного больше нашего, мы мало чего знаем о нем. Мы лучше знаем о других городах, которые подальше да больше, знаю, что все едут поступать именно в эти города, а чтобы кто-то ехал поступать в Бирск, не знаю. Слышал только, что это бандитский город, там живут жулики, воры и тюремщики. Это подтвердили мои товарищи по бригаде, сказали, будь осторожен.

И вот еду я ранним автобусом в этот город бандитов, а ранним, чтобы в тот же день вернуться обратно. Живым и невредимым, если получится. Это первая моя поездка в большой чужой город, когда я еду один. И вообще я там ни разу не был. Но потом вспомнил, что я там был, после седьмого класса.

Каждый год у нас в городе устраиваются соревнования юных армейцев. И мы готовимся к ним. Маршируем строевым шагом, горланим песни, показываем свои навыки в военном деле. И когда наша школа завоевала первое место на таких соревнованиях, нас отправили дней на десять, во время летних каникул, в воинскую часть в г. Бирске. Но город мы даже не видели, воинская часть находилась в стороне. Там были школьники и из других городов, а наш город представляла наша школа. Ночевали в армейских палатках, спали на матрацах и подушках, набитых соломой, ели армейскую кашу, на полигоне стреляли из настоящих автоматов. И готовились к соревнованиям, они должны были состояться в конце, как нам сказали, курса молодого бойца. И вот этот день настал. Соревнования проходили таким образом. Это эстафета. От команды участвуют несколько человек. У каждого свой этап. Один разбирает и собирает автомат, другой после него кидает гранату, потом несколько человек перевязывают «раненого» товарища и несут на носилках и так далее. У меня последний этап,

самый ответственный, я должен потушить горящую смесь в металлической емкости и прибежать на финиш. На тренировках мы эти этапы сколько раз отрабатывали и вроде бы подготовились неплохо.

Начались соревнования. Вначале все шло очень даже хорошо. Наши не отстают. К моему этапу даже вырвались вперед, мы идем на первом месте. Передают эстафету мне. Я подбегаю к огню, беру огнетушитель, привожу его в боевое состояние, сорвав рычажком пломбу, переворачиваю и начинаю тушить огонь. Сколько раз я это проделывал на тренировках. Струей огнетушителя надо работать с самого края, и с этого края гнать огонь на другую сторону, пока не потухнет. Но меня огнетушитель не слушается, струя огнетушителя окажется то в середине корыта, то на краю, а огонь и не думает гаснуть. Тут и соперники подоспели, мне кричат мои товарищи с военруком нашим, подсказывают. Я кое-как справился с огнетушителем, потушил огонь, смотрю, и на других соседних корытах огонь потушен. Ладно, думаю, разберемся на беговой дорожке, до финиша нужно пробежать еще метров сто-сто пятьдесят. Откинув в сторону огнетушитель, бросаюсь бежать. Но вдруг понимаю, что что-то не так. Крик усилился, кто-то передо мной машет флажком. Я оглядываюсь и понимаю, что побегал не в ту сторону! Пока боролся с огнем, потерял ориентир. Я разворачиваюсь, а соперники уже далеко впереди. Мне удалось догнать только одного. Мы остались на третьем месте.

Я не знаю, ругался ли когда-нибудь наш военрук Чапыев Евгений Викторович на кого-то из своих учеников больше, чем на меня в тот раз. Вот так получилось, что на кого больше всего надеялся, тот и подвел.

Но сегодня, может, будет и пострашнее ругани военрука. Я представлял, что как только выйду из автобуса, жули-

ки этого бандитского города начнут меня обыскивать, отбирать деньги, пытаться избивать.

Но вокзал, да и весь город, то есть его обитатели встретили меня равнодушно, вернее, не то что не встретили, а не заметили даже. Каждый шел своей дорогой, по своему маршруту и к своей цели. Даже подсказали, как доехать до техникума. Проехав первый раз в жизни на трамвае (в нашем городке нет трамваев) несколько остановок, я легко нашел техникум. Это было красивое новое трехэтажное здание. В нем я долго бродил по коридорам, нашел, наконец, нужный кабинет. Мне вручили билет учащегося, зачетную книжку, и целую стопку учебников. Сказали, чтобы я выполнял контрольные работы и высылал в срок в техникум. Сессия у меня будет в январе. Тогда я должен буду приехать на несколько недель. Пока готовились документы, я бродил по техникуму, осматривал стенды. На одном из них была информация о техникуме. Оказывается, техникум начал работать в 1959 году, когда в город по комсомольской путевке стала приезжать молодежь строить промышленные и гражданские объекты. А специалистов строительной отрасли не хватало. Размещался техникум в разных зданиях, а новое здание построили в 1976 г. Нынче, значит. Было написано, каким специальностям здесь готовят. Теперь понятно, почему техникум называется механической обработки древесины (МОД): здесь есть специальности «Столярно-мебельное производство», «Лесопильно-деревообрабатывающее производство». И знакомое, «Промышленное и гражданское строительство».

В одном из цехов я увидел множество станков, работающих на этих станках студентов. Цех был завален пиломатериалом, опилками, пахло деревом и лесом. Меня это притягивало, как будто в лесу оказался.

Я ехал обратно домой (автобусы ходят каждый час), рассматривал документы, которые мне выдали в технику-

ме, размышлял, пролистывая страницы зачетной книжки, будут ли проставлены здесь оценки, а если будут, то когда.

Побывав в техникуме, я поменял свое мнение о нем, увидел, что из себя представляло это заведение, меня оно поразило. И обрадовало. Это был серьезный техникум, не мода какая-то.

Ожидая увидеть одних тюремщиков, высматривая жуликов и воров на улицах, я даже не обращал внимания на высокие дома, множество машин, ничего даже не заметил в этом городе. А ведь он отличался от нашего, это действительно большой город. Ладно, в следующий раз все просмотрю, расскажу. Но, а первое краткое знакомство с Бирском оставило у меня очень даже неплохое впечатление.

Вечерами я стал листать учебники, изучать, какие мне нужно выполнить задания к зиме. Просмотрев все это в первый раз, я не нашел ничего интересного, но потом, когда я стал изучать задания, искать ответы на них в учебниках, меня это заинтересовало. Оказалось, в книжках этих, учебниках, можно было найти ответы на вопросы, которые возникали у меня на стройке. Взять тот же кирпич, простой красный кирпич. Оказывается, его выжигают из обыкновенной глины, только добавляют песок и даже опилки! Зачем? А чтобы опилки сгорали, оставались вместо них пустоты и кирпичи будут теплыми. Интересно. И делают их не как кому заблагорассудится, а по нормам, своего рода законам. ГОСТы называются, государственные стандарты. Там все расписано, из чего делать, каких размеров, какой марки и так далее. На мой вопрос, почему первые ряды кирпичей пятиэтажки не ломаются, Михаил отвечал по-простому, по-житейски. Когда дом построен, он превращается в один массив, как глыба огромного камня. Мы же не видим, если лежит большой камень, чтобы нижняя часть его стала крошиться. Это версия Михаила. А теперь объясне-

ние из учебников, научное. Кирпичи бывают разных марок, это характеризует его прочность, крепость. Чем выше марка, тем прочнее. Скажем, кирпич марки 100. То есть кирпич выдержит нагрузку в 10 кг на один квадратный сантиметр. Если не лень, можете просчитать, какой будет вес кирпичного столба с пятиэтажный дом площадью один квадратный сантиметр. Плотность возьмите 700 кг на один куб, а высоту этажа примерно 3 метра.

Открывались и остальные тайны строительного дела, о которых я не знал. Почему цемент твердеет, и как его делают, куда девается вода из кранов, когда мы умываемся, ходим в туалет, почему не падают балконы и т.д и т.п.

Понемногу меня это стало затягивать. Было удобно то, что любые возникшие вопросы на работе, связанные со строительством, можно было найти в этих учебниках. Было интересно узнать, как начинается строительство любого объекта, оказывается, сначала рисуются проекты, чертежи, считают, сколько будет это стоить, составляются сметы, берут согласие многих служб и только тогда начинается строительство. Не с бухты-барахты, как кому-то захотелось. Вроде казалось раньше, решил кто-то магазин в городе построить, и он начал землю копать, где ему понравилось...

Я стал понимать, что должен делать мастер или прораб на строительстве объекта, какие их обязанности, стал изучать чертежи, потому что надо было выполнять задания, чертить фундаменты, стены домов.

Оказалось, это интересно. Изучая какую-то тему строительства дома, что-то не поняв, я на работе мог это увидеть наяву, «пощупать руками», так сказать. И появлялось желание дальше узнавать, учиться, одним словом. Вот чего нам не хватало в школе.

Я уже стал неплохо разбираться в альбомах, чертежах нашего строящегося дома, учился, как говорят, «читать чер-

тежи». Участвовал в разметке размеров комнат, квартир. С удовольствием таскал большие альбомы, помогал при замерах рулеткой.

Очень удивился, что в техникуме, чтобы получить диплом, я должен изучить множество незнакомых предметов, как сопромат, геодезия, технология строительства, политэкономия, водоснабжение, строительные машины и механизмы и многие другие. Да, попал я...

Глава 11.

Не только стройка, не только работа

Конечно, жизнь коллектива, то есть нашей бригады это не только планы, взятые обязательства, их выполнение и получение всяких наград. Это все официально, на публику и на собраниях. Коллектив – это живой организм, и у каждого рабочего своя жизнь, свои заботы, радости и огорчения.

Понемногу и я стал, вольно или не очень, вникать в жизнь своих коллег, так сказать, вне стройплощадки.

Конец рабочего дня, все торопятся куда-то, сегодня пятница.

Около вагончика, где хранятся лопаты, очередь. Вагончик маленький, он завален множеством малогабаритных строительных материалов (гвозди, кирпичи деревянные, шнуры мотками и пр.), различными инструментами (топоры, молотки, уровни и др.), и тут же все складывают свои инструменты после рабочего дня. Лопаты складываются в углу, в кучу, каждый знает свою лопату, как-то помечает;

верхонки на стеллажи, на них каменщик кладет свой отвес, шнур и мастерок. У каменщиков они самодельные, меньше, чем штукатурные, но тяжелые, из толстого металла. Их заказывают кузнецам, таких мастеров в магазине не бывает. Ими легко разламывается кирпич. Обычно пополам, или только треть, или четвертинку, если надо. Правда, делать это надо умеючи. Увидев, как это ловко проделывает Михаил, с одного удара, мне казалось, что это очень просто. Но когда попробовал сам, ничего не получилось. Кирпич ломался как попало, не там, где хотелось. Но тренироваться долго Михаил не дал: нечего кирпичи портить. В каждом поддоне с кирпичами есть ломаные кирпичи. А при устройстве кладки бывают нужны части кирпича разных размеров. Если попался кирпич, сломанный пополам, это уже готовые половинки, пригодятся, в сторону отложишь. Каменщик потом только с краю неровности кирпича отколет, и в кладку. Редко так бывает, чтобы пришлось целый кирпич ломать. Так что тренироваться приходилось, когда кирпич шел в забутовку, то есть в середину кладки. И то, во время перекуров.

Я не тороплюсь, после всех ставлю свою лопату в общую кучу, на черенок надеваю верхонки, а инструментов у меня нет. Я подсобный рабочий.

У ворот стоят Васька Новоселов и Витька Карманов. Смотрю, весёлые, о чем-то беседуют оживленно.

– Колька, сегодня пятница, – говорит Васька, когда я подошел к ним.

Я ничего не понимаю, смотрю на него вопросительно.

– Сегодня пятница, конец рабочей недели, отметить надо. А у нас, как назло, карманы не очень тяжелые, – он стучит по карманам, вытаскивает монеты. – Семнадцать копеек всего. Рубль есть? Отметим! На одну хватит.

– Есть, но дома, то есть в общаге, – говорю.

– Но пошли, она рядом. Шагать-то тут, пять минут.

Они ждали на улице, я успел сполоснуться в душе, переоделся, взял три рубля (меньше не было) и вышел к ним.

– Ничего себе, зеленый! – воскликнул Васька и посмотрел на Витьку.

– Хватит на две, два сырка и булку хлеба, – сказал, немного подумав, Витька.

– Идем к «Юбилейному», – скомандовал Васька и пошел в сторону столовой. Мы за ним.

В магазин пошел один Витька, мы ждали на улице.

Через несколько минут вышел Витька. В авоське в одной руке у него была булка хлеба, два сырка «Новый» и две бутылки вина. Вторая рука была зажата в кулак. Подошел, разжал руки: «Сдача».

– Ого, семь копеек, – Васька взял монеты, сунул в карман. Улыбнулся. – Уже двадцать четыре. Но все равно рубля не хватает!

Васька повел нас на берег реки. «А чего далеко ходить, – рассуждал он. – Я здесь, около реки, все места знаю».

– Хотя и не рыбак, – сказал Витька.

– Да, не рыбак, но у меня сегодня улов вон какой, – показывает на авоську, которая уже у него в руке.

Расположившись на бревне около реки, мы отхлебывали вино из горла по очереди, закусывали сырком и хлебом, отламывая руками. Я пил глотками, а Витька с Васькой опрокидывали головы и выливали содержимое бутылки как в посудину какую-то. Я удивленно за этим наблюдал.

– Не умеешь так? Научим! – хохотал Васька.

Настроение у парней поднялось. Перебирая друг друга, они громко говорили, меняя темы.

– Васька, а почему в этом месяце так мало получилось? В том месяце я получил сто тридцать два, двадцать аванса и сто двенадцать получки. А в этом месяце только сто девятнадцать, – возмущался Витька.

– А хрен их знает! Степан с Семкиным там варят кашу, что хотят, то и творят, гады. Доберусь я до них, – грозился Васька.

– Ага, доберешься, попрут с бригады, – парировал Витька. – И так, сколько раз хотели выгнать из-за наших пьянок.

– Да пошли они! Мы работаем! – говорит громко. И тут же спокойно: «Витька, давно наших видел? Увидеть охота».

– Ванька пишет из тюрьмы, еще год остался. Генка с Пашкой на кирпичном работают. Федька, говорят, поджелся, живет с кем-то.

– Да ты што, – Васька подсакивает. – За это надо выпить!

Снова выливается в рот вино, оно, булькая, преодолевает горло. Снова разгоряченные речи, возмущения. Вспоминают про меня. Васька спрашивает: «Колька, а ты чего молчишь?».

– Да так, вас слушаю, – отвечаю.

– А ты нас не слушай, – говорит он. – И с нами не связывайся.

Вдруг его голос стал тихим, он о чем-то думал. Смахнул слезинку с глаз.

– Ты парень башковитый, хотя и молодой совсем. Чему мы можем тебя научить? Вино глотать? Ты не жадный, вон, праздник нам устроил, сидишь с нами, не брезгуешь. Учишься. Большим человеком станешь, нас не обижай.

Васька взял бутылку, она была пустая. Вторая тоже.

– Что-то опьянел я, ребята, поднимаясь на ноги, – сказал он. – Отведите меня домой.

– Ты всегда быстро пьянеешь, – ответил Витька, поддерживая шатающегося друга. – Пошли.

Наша тройка, оставив бутылки на берегу, неровными шагами шла по улице.

Васькин дом находился за стадионом «Динамо», в гору надо идти. Уже стемнело, мы, падая и ругаясь, кое-как дошли до дома. Хорошо, Васька, хоть и в темноте, но ориентировался неплохо. Видно, не в первый раз. Да и хмель немного вышел.

Супруга Васькина нас встретила по-военному.

– Ты опять нажрался, гад? Алкоголик, ты когда пить перестанешь?!

– Да вот, у друга, у Кольки, день рождения, – начал было отвечать Васька.

Но супруга не дала ему договорить.

– Но вот и иди со своим другом, друзьями, такими же алкоголиками, как ты, куда хочешь. Домой не пущу!

Она захлопнула дверь перед Васькиным носом. Васька постоял, дернул раз дверь, сказал: «Пошли в сарай».

Он нашел ключ от сарая, открыл, включил свет. Мы с Витькой уселись на старенький диван, а Васька куда-то

ушел. Через некоторое время пришел, улыбаясь, держа в руке бутылку с мутной жидкостью: «Не нашла». Нашел стаканы, разлил. Мы выпили.

– Крепкая, – сказал Витька. – Ладно, Васька, я побегу, уже поздно, а то и моя дверь закроет, не пустит. А ты, Колька, поддержи компанию, посиди еще. Хорошо, у тебя супруги нет.

– Давай, беги, – ответил Васька.

Амы еще сколько-то сидели, дальнейшее не помню. Пронулся, или, вернее, очнулся, я на диване, уже было светло. Васька спал на стуле. Точнее, он сидел на стуле, но лежал на столе, то есть голова лежала на столе, даже не знаю, как правильно выразить. Я, шатаюсь, приблизился к нему, прислушался. Слышно было, что он дышал. Я успокоился. Увидел на столе бутылку с оставшейся жидкостью, меня чуть не вырвало. Я поспешил на улицу. Шатаюсь, со страшной головной болью, я улицами и переулками спускался с горы. Около стадиона, в кустах, я начал блевать. Хорошо, раннее утро, ещё субботнее, прохожих нет. Поились слезы из глаз, казалось, все у меня переворачивается внутри и готово выскочить наружу с этой горькой и вонючей жидкостью. Посидев на корточках, чуть придя в себя, я пошел дальше. Мельком бросил взгляд на стадион. А когда-то я здесь спортсменом нарезал круги по стадиону. Но когда это было, и со мной ли?

Я целый день провалялся на кровати в общежитии, время от времени попивая воду. Только к вечеру начал приходить в нормальное состояние. Сходил в столовую, покушал. Человеком себя почувствовал только в воскресенье.

И на квартире Витьки Карманова, как и у Васьки, я тоже позже побывал. Правда, у Васьки я не был дома, только рядом, в сарае, а у Витьки прямо в квартире.

Дело было так. Вручили бригаде очередную награду, выпел с премией. Небольшой, чисто символической.

Разумеется, на них застолье после рабочего дня. В вагончике, ни от кого не прячься. Разумеется, выпивка, нехитрая закуска. Речи, тосты, слова хвалебные по нужным адресам. Как принято. Но ненадолго. Может, на час-полтора. После мероприятия, когда уже расходились, Витька ко мне подходит, зовет в сторону. А Васьки в тот день не было. То ли отпросился картошку копать, в деревню к теще, то ли заболел, то ли ни то, ни другое. В общем, его не было.

Витька говорит: «Колька, разговор есть, пойдем».

Думаю, денег надо, в рот немного попало... Иду за ним.

Но нет, деньги он не просил, они у него были, повел меня в магазин, купил вина бутылку, мы присели на лавочке. Я молчу, жду. Смотрю, он волнуется, не знает с чего начать. Отхлебнул вина, подал мне, начал: «Знаешь, Колька, ты не можешь поговорить с моей женой... как сказать... ну, чтобы любила меня. Я её люблю, а она всю дорогу на меня сердится».

Я опешил. Даже не знал, что ответить.

– Как – поговорить?

– Ну, ты можешь сказать, что я хорошо работаю, не лениюсь, что я... Не знаю. Что-то ей сказать надо. Надо, чтобы другой это сказал, не я. Я хотел Ваську попросить, но она его слушать не будет. А к другим, я постеснялся, потом будут смеяться всей бригадой. А тебе говорю...

– Но как ты это представляешь? Прихожу я к ней, говорю, Галя...

– Марина.

– Неважно. Вот, говорю, товарищ Марина, любите моего коллегу, он хороший. Так что ли? Это же смешно.

– Да, понимаю. Но может не так, ты же грамотный, придумаешь, как сказать, – говорит Витька и смотрит на меня наивными глазами.

Я чуть не расхохотался. Но сдержался, обидится. Я представил, как я, пацан, не достигший даже совершеннолетия, стою перед взрослой теткой и говорю... Я даже перестал дальше размышлять, хохотал про себя. В смысле, например, читают вслух, громко, а бывает, читают про себя. Так вот, я хохотал про себя. Ты смотри, новую фразу придумал. А может, и не новую. Вдоволь нахохотавшись про себя, я поднялся, обратился к Витьке: «Ладно, пойду домой».

И тут я увидел слезы в его глазах. Да, после выпитого, может быть, но все равно. Я увидел взгляд человека, в глазах которого умирала последняя надежда. И этой надеждой был я. Но что я могу сделать?! Ладно, решил я, будь, что будет. В худшем случае опять обзовут алкоголиком и выгонят. Нам не привыкать, мокрому дождь не страшен.

– Хорошо, идем к тебе.

Витька так обрадовался, сразу его лицо засияло, говорит: «Погоди, я сейчас». Побежал в сторону магазина. Вернулся веселый: в одной руке бутылка вина, в другой бутылка шампанского. Откуда у него такие деньги?!

Пятиэтажка, где была Витькина квартира, была недалеко. Но дверь в квартиру была заперта, Витька нажал на кнопку звонка, подождал. Потом стал искать ключи в кармане.

В квартире никого не было, Витька стал собирать на стол. «Пока ее нет, выпьем по стопке, для храбрости», – сказал он, разливая вино.

Витька рассказал, что дали эту квартиру ему, когда он отработал шесть лет на стройке. До этого учеба в училище, на каменщика, еще раньше детдом. Родителей он не знает.

Мы пили чай вперемежку с вином. Витька рассказал и про супругу, как познакомился с ней.

– Она работает в магазине, на площади, в обувном. Я там и увидел ее в первый раз, сразу понравилась. Стал

приходить к ней. А мне как раз квартиру дали, а она комнату снимала, в частном доме. Всё, стали вместе жить. Уже два года живем, но что-то не клеится у нас. Ты придумал, что говорить-то? Она скоро приедет, она до семи работает.

Мы посмотрели на часы, на стене. Они показывали без десяти восемь.

– Она иногда задерживается, то товар привезут, то еще что, – виновато говорил Витька. – Она скоро появится.

Но голос его уже был не твердым. Казалось, он знал, что она не скоро появится.

Мы разговаривали, пили вино, но пил в основном Витька. Я сказал, что мне речь держать, мне много не надо. Витька соглашался, подливал в основном себе. Он пил, рассказывал о себе, о друзьях, как он сильно любит Марину.

Но время шло, было уже давно открыто шампанское, а ее все не было. Часы показали и десять, и одиннадцать.

Витька захмелел, прошел к дивану и лег. Что-то бормотал, потом заснул.

Я уже собирался идти, как открылась дверь. На пороге стояла высокая красивая женщина. Увидев меня, она удивилась, но бросив взгляд на диван, увидев спящего Витьку, бутылки на столе, улыбнулась, повесила сумку на крючок, скинула с себя кофту и прошла к столу.

Ничего не сказала. Я тоже молчал, сидел, как пригвожденный. Ждал такой же истерики, как от жены Васьки. А Марина, сомнений не было, что это она, была спокойна, села на стул, оперлась на спинку, прикрыла глаза и осталась так сидеть некоторое время. Вблизи она оказалась еще красивее: оголенные плечи, красивые руки с длинными пальцами, хоть и сидела, но было понятно, что у нее стройная фигура, высокая грудь, красивая кофта (при чем тут кофта?), густые брови, может, чуть накрашенные, лицо с правильными чертами... Я невольно залюбовался, глядя на эту девушку. Но какое-то неприязненное чувство мешало мне любоваться. Это непонятное нехорошее чувство к ней у меня начало появляться еще тогда, когда мы с Витькой посматривали на часы, ожидая ее. С ее приходом оно усилилось.

Словно очнувшись, оторвавшись от своих мыслей, она открыла глаза, посмотрела на меня, улыбнулась. Взяла бутылку с остатком шампанского, налила себе, достав стакан, подлила в мой.

– Ну что, незнакомый ночной гость, за встречу, – подняла она свой стакан, улыбнулась, протянула руку со стаканом.

Иногда, а может постоянно, во мне живет два человека: я и еще кто-то. Так мне кажется. И изредка тот, второй человек, в неожиданный момент сделает так, или скажет так, как не сделал бы и не сказал я.

Вот сейчас, какая ситуация подходящая. Марина, скорее всего, склонна к разговору. Я бы ей все рассказал, как хотел Витька. И она бы поняла, вроде бы нормальная.

Но тот, второй, во мне, опередил события. Он встал, зло бросил: «Мне нельзя, я несовершеннолетний», и пошел к выходу. Мне ничего не оставалось, как волочиться за ним.

Я шёл по темной ночной улице, не знал, ругать или нет того, второго во мне. И поймал себя на мысли, что не хочу ничего знать. Не хочу никому подсказывать, кого любить, как жить. Как сложится жизнь у Васьки со своей супругой, как долго еще проживут вместе работяга, детдомовский воспитанник Витька и эта красивая девушка, пахнущая духами и сигаретами? Кто знает? Этого не знают даже они сами...

Глава 12.

День, который не вернешь

Дни бежали один за другим, потом недели, обгоняя друг друга, и вот уже два месяца проходят, как я, влившись в ряды строителей новой жизни, осваиваю новую профессию. На всю страну гремели новостройки, например, БАМ, строительство автомобильного завода КАМАЗ в Набережных Челнах, различные ГЭС, другие большие стройки, куда по комсомольским путевкам отправлялись многочисленные отряды молодых людей. Строить новые заводы, города и новую жизнь. И я своего рода тоже оказался добровольцем на этой стройке страны по комсомольской путевке. Правда, выписал которую я себе сам.

Оказалось, что мои ожидания оказались сильно завышены, реальность была сильно далека от того, что ожидалось.

Кое-как отмучавшись в школе, как мне казалось, закончив десять классов, я решил, что сейчас окунусь в реальную, настоящую жизнь, распрощаюсь с надоевшими учебниками, нудными учителями с их многочисленными скучными правилами и теоремами. Все казалось, что в школе это все несерьезно, понарошку, а интересная жизнь она там, за территорией школы. Скорее хотелось оказаться взрослым.

Но оказавшись там, где скорее хотелось оказаться, постепенно приходило понимание, что что-то здесь не срабатывает. Или уж так была приукрашена жизнь строителей всего нового, так была шумна агитация, что с этим шумом многое заглушалось. «Настоящая» жизнь была несколько иной.

Нет-нет, да приходила в голову мысль, решая в общаге задачи по высшей математике, что не так уж и скучна эта самая математика; все чаще и чаще вспоминал своих одноклассников, ждал встречи с ними, на память приходили учителя, которые сейчас казались не такими уж нудными, вспоминались веселые школьные моменты, от которых ты торопился убежать, а сегодня уже хотел бы, чтобы они повторились.

О чем бы мы ни говорили с Дмитрием, мы все равно в большинстве случаев возвращались к школьным годам.

Я, наверное, не сказал, что ко мне в комнату подселили новенького. Примерно месяц я прожил один, но потом как-то прихожу после работы, ключа на вахте нет, говорят, там человек. Человеком этим оказался парень по имени Дмитрий, крепыш невысокого роста, уже отслуживший, устроившийся работать на ЖБИ, куда я тоже устраивался. Он оказался добродушным, спокойным парнем, тоже из села, но после армии немного побыл дома и приехал

сюда. Тоже, искатель новой жизни. Я рассказал ему премудрости общажной (опять новое слово придумал?) жизни: что нельзя, а что совсем нельзя. Но он не расстроился, сбегал в магазин, принес бутылку «Яблочного» и мы тут же нарушили один из основных законов нашего заведения.

Дима, так он представился, много рассказывал о себе. Служил в танковых войсках, на Дальнем Востоке, дома есть мать, две сестры и брат. Рассказывал, как устраивался на работу.

– Я хотел тоже на стройку, но сказали, на стройке одни пьянчужки работают, поэтому не захотел, пошел на ЖБИ.

– Почему одни пьянчужки? – отвечаю. – У нас бригада передовая, выпелы имеет, на весь город гремит. И пьянчужек у нас нет.

Ловлю себя на том, что я защищаю свою бригаду, в том числе Ваську с Витькой. А себя забыл? И себя нужно вспомнить.

– Может, и нет. Теперь работаю, плиты для ваших домов делаю, – улыбается Дима.

Работал он в разные смены. Иногда прихожу с работы, он в комнате, с первой смены вернулся, иногда в вечернюю уйдет, ночью появится. Ругался, что очень неудобно. Я издаваюсь: сам, выбрал, говорю, лучше бы на стройку пошел. Он молчит.

Дима рассказывает, как служил, чем занимаются его земляки в деревне, о школьных друзьях. Я подхватываю эту тему, и мы до полуночи вспоминаем школьные годы, рассказываем о веселых случаях.

Обычно в конце августа в тебе возникает ожидание встречи какого-то события, радостного и долгожданного. Но как долгожданного: в три месяца. Ты волнуешься, ждешь этой встречи. Ответ ясен: лето заканчивается, скоро в город, в школу, в родной класс, к друзьям, по которым ты

за лето соскучился. Произойдет бурная встреча, которая будет отмечена поеданием арбуза, купленного на собранные деньги, по десять копеек с каждого. А 1 сентября музыка, нарядные школьники, множество цветов, первый звонок нового учебного года.

И по инерции и нынче в эти дни у тебя возникает это ожидание. Ты знаешь, что тебе уже не готовиться к очередному учебному году, не торопиться в школу, но нет, это чувство не хочет покидать тебя.

Интересно, всего пару месяцев назад бежал из этой школы, даже не оборачиваясь, а сегодня потянуло обратно. Вот ведь как бывает.

И вот, наступает первое сентября. Мы на кладке с Виктором, начинается рабочий день. Через некоторое время по одному, по два, появляются на улице первые школьники с цветами, потом количество учеников увеличивается, веселый детский шум доносится все громче; важно, спокойно

идут серьезные старшекласники, мальчишки и девчонки средних классов бегут, обгоняя друг друга, весело перекликаясь, совсем маленьких, наверное, первоклашек, ведут за руки родители. Я представляю, как стучат сердца этих малышей, начинает стучать и мое сердце.

Я представляю, как они собираются на территории школы, улыбаются и смеются, увидев знакомых и друзей, одну из этих первоклашек поднимет на плечи старшекласник и залетит вся округа звуком веселого школьного звонка...

Во время перекура я сажусь на кладку, вытаскиваю блокнот, карандаш и пишу. Это замечает Михаил, спрашивает позже: «Чего там рисуешь?».

– Да так. Стихи, – отвечаю.

– Да ты што! Покажи.

– Да доработать надо, перепишу, завтра принесу, почерк мой безобразный, не разберёте.

Целый день я ловлю бегающие перед глазами слова и буквы, на перекурах пишу, что-то поправляю.

Наутро я принес Михаилу листок со стихами.

Каждый год, в начале сентября
Словно розы, школы расцветают:
То веселою гурьбою детвора
Снова в школу, класс родной шагают.

Школьный мир чудесен. Никогда
Этих дней потом не забывают.
Потому, что школьные года
Все прекрасное в сердца вселяют.

Может ли забыться нам она,
Первая учительница наша,
Что рассказом за собой вела
В мир такой, что вряд найдешь ли краше.

Смех и шутки у походного костра,
Звуки песен в небо улетают...
Иль плывет волшебная луна,
Первый путь влюбленным озаряя.

Или бал последний до утра,
Или осень. Листья опадают...
Это было, будто бы вчера.
Жаль, что прошлое не возвращают.

Каждый год, в начале сентября
В школу дети с сумками шагают.
Но и нас, на возраст несмотря
Снова в мыслях в школу возвращает.

1 сентября 1976 г.

Он прочитал, кивнул головой, спросил, можно ли взять,
спрятал листок в карман.

– Я не знаток в этих делах. По моему, хорошо. Дочерям
покажу, скажу, поэт у меня в подсобниках работает.

Мы рассмеялись.

Глава 13.

«Что нам стоит дом построить...»

Мы, не касающиеся по своей работе или роду деятельности строительства, не сильно-то понимаем, вернее, не вникаем, как дом строится. Дали кому-то квартиру, он с семьей радостно, впустив первой кошку, заходит в квартиру, затаскивает диван со столом и начинает жить. Он не знает, как выкладыва-

лись эти стены, монтировались плиты, балконы и т. д. Но это ему и не нужно знать. Ему нужно знать, как лечить людей, если он доктор, как ухаживать за машиной, если он шофер.

Я тоже понятия не имел, как проходит процесс строительства какого-либо объекта. Оказалось, это очень серьезная, трудоемкая, спланированная заранее по этапам, по месяцам и годам работа.

Вот наш строительный участок. У нас два дома строятся. Я говорил, что один дом уже под крышей, а на втором мы стены строим. Бригада каменщиков, это моя бригада, на первом доме свое отработала, выложила стены (еще до меня) и перешла на другой. Следом идет другая бригада, бригада плотников-бетонщиков, она занимается строительством крыши, ставят окна, двери. Потом появляются сантехники, гремят трубами, поводят канализацию, водопровод. Стекольщики таскают стекла, снимают оконные рамы, стеклят. Тут же суется электрики, протягивают провода, кабели...

В общем, иногда кажется, что это хаос, какая-то беспорядочная суeta, как у муравьев. Хотя говорят, что у муравьев, наоборот, все организовано. Но нет, хаоса здесь нет, все нормально. Например, не могут начать свою работу плотники на крыше, если не закончены стены. Они примерно знают, когда будет закончена работа каменщиков и к этому сроку готовятся. Привозят вагончики для рабочих и под материалы, подвозят пиломатериал, шифер и все остальное, складировать краном. Чтобы, когда появятся рабочие, работа шла без задержек. И так по всем этапам, по всем видам работ. И эту слаженную работу должны обеспечить прорабы, мастера, бригадиры и инженеры. Почти каждую неделю они собираются, у них проходят летучки, иногда приезжают и «птицы» повыше: из ПМК или треста.

Разумеется, жизнь есть жизнь, бывают и сбои в работе этого механизма. Какая-то бригада не успела завершить свою

работу, а следующая уже людей завезла. Шум-гам, скандал, ругань, чуть до драки не доходит. И вот когда сидишь в общаге, делаешь контрольные, чертишь сетевые и календарные графики, думаешь, надо между видами работ несколько дней оставлять, для таких случаев...

Но, а о мелких недочетах и промахах и говорить не приходится. Это бывает на каждом шагу. Например, бригадир плотников матерится, с претензией к Семкину пришел: в двух местах пробок нет, не на чем блоки оконные крепить. Это деревянные кирпичи, я говорил, которые встраиваются в стену во время кладки. Семкин идет, проверяет, тоже матерится, все начинают вспоминать, чья это работа. И виновник идет исправлять ошибку. Но это не просто. Во-первых, ломиком нужно отковырять кирпичи настоящие, очистить место, а это затвердевший раствор, не так-то просто, потом посадить деревянные кирпичи, но нужно время, чтобы раствор схватился. Да и не будет этот кирпич сидеть уже так крепко. И плотнику приходится ждать несколько дней. Или прибегает бригадир электриков с альбомом в руках: не оставлено отверстие в стене, как кабель мы прокладываем будем. А стена 38 сантиметров, полгода назад выложена, попробуй продолби. Степан, зам Семкина, виновато листает свой альбом, потом улыбается: там нет его, этого проема! Он радостно сует под нос командиру электриков чертеж: я построил по проекту! Проектировщики в одном альбоме предусмотрели отверстие, а в другом нет. Что теперь, к ним бежать?

Но все равно, с шум-гамом, скандалами, матерками, где-то бойко, где-то со скрипом стройка движется.

Сегодня на участок заезжает бригада штукатуров-маляров. Поэтому в нашем вагончике оживление. Васька с утра объявил, что сегодня приедет бригада Водянкина Михаила. И откуда он все узнаёт?

Все знают, что бригада Водянкина тоже одна из передовых. Но еще более известна она как бригада, состоящая

из одних женщин. Кроме двух мужиков, бригадира и моториста Бори.

Первыми они и появились, на стареньком газике. В кузове находилось оборудование для подачи раствора на этажи, которое разгружать краном остался Боря. А Михаил Водянкин поспешил в наш вагончик.

– Привет, ребята, привет! Давно не виделись, вижу, у вас и новенькие, – он прошел по вагончику, поздоровался со всеми за руки, под шумные возгласы.

– Здорово, Мишка! – кричит Васька. – Наконец-то! Как мы тебя ждали! Не обижайся, не тебя, а твоих девчонок. Едут?

– Да сейчас подъедут, собираются.

– Как они, Галка-то жива?

– А куда она денется, Васька, жива-здоровая, тебя все вспоминает.

– Но ты скажи честно, Мишка, всех своих работниц перещупал? – хохочет Васька.

– Да куда мне до тебя, – отвечал Водянкин. – Я тихий.

– В тихом омуте черти водятся, – улыбнулся Женька Черников.

– Галка-то замуж не выскочила? – спросил Васька.

– Нет, тебя ждет.

– А меня-то чего ждать? Да, бывало дело, мы с Галкой... Как-то, – начал он рассказывать свою очередную историю. – На пятиэтажке это было, за театром. Дом этот уже сдан теперь. Уединились мы с Галкой где-то в уголочке, ну, то да сё, своё дело делаем. И вдруг слышу голос, бабы моей. У нас же дом недалеко, она мне то обед принесет, то по пути, куда-нибудь, забежит. Ей сказали, что я где-то на этажах, так вот она меня ищет, зовёт, дура.

Мы с Галкой вскочили, стали на себя комбинезоны натягивать. А помните, в одно время нам комбинезоны выдавали, неудобная штука в туалет ходить, скажу я вам. Хорошо, сей-

час и штаны отдельно, и куртка. Вот мы торопимся, запрыгиваем в комбинезоны, слышу, голос все ближе. Это был полный провал. Оказывается, мы одели не свои комбинезоны...

Тут бригада взрывается хохотом. А Васька продолжает:

– Представьте такую картину. Я с испуганным лицом выскакиваю в совсем тесном комбинезоне, застегивая на ходу верхние пуговицы, а на груди на булавке у меня приколата красивая роза. Любят же бабы всякую дрянь на себя напяливать! А следом спотыкаясь о мои длинные штанины комбинезона, Галка...

Когда чуть стих хохот, Витька Карманов спрашивает: «А зачем ты розу прицепил?».

– Он не розу, он кое-что другое от Галки подцепил! – слышен чей-то голос сквозь хохот.

– Потом я неделю дома не жил, – закончил Васька.

– Едут, – сказал кто-то, глянув в окно.

Все высыпали на улицу.

Это был тоже «ГАЗ-53», тоже старенький. В кузове были одни женщины. Как только машина остановилась, мужики с приветствиями стали дружно принимать ведра с мастерками и терками, поддерживать спускающихся с машины девушек. Они весело выпрыгивали на землю, площадка наполнилась женскими голосами и смехом.

– Галина, привет, моя дорогая, – Васька с объятиями кинулся к маленькой девушке. – Как я тебя ждал! Дай я тебя обниму. Все на месте? Дай я тебя поцелую. Грудь на месте, молодец, попка на месте, ладно, проверим потом, через одежду не прошупывается.

– Руки-то, Галка, руки-то у него, – весело говорит девушка рядом. – Вон, какие шустрые.

– Да пусть резвятся, – смеется Галина.

И раздается хохот, когда она заканчивает: «Дальше рук-то все равно дело не идет».

Вот так весело высаживается десант девушек штукатуров-маляров на наш объект. И так же весело и радостно встречают их другие бригады.

И с такой же силой их ненавидят жены этих самых плотников, каменщиков, электриков...

За работой этих бригад, которые шли за нами, наблюдать было интересно. Я с удовольствием смотрел, как работал стекольщик. На большом листе ДСП, лежащем на двух небольших козликах (сбитые из досок подставки, на которые можно класть доски, чтобы ходить, если нужно работать выше) он укладывал лист стекла, достав из ящика, по меткам на ДСП, проводил по стеклу стеклорезом, который с треском оставлял след. Пододвигал к краю ДСП стекло, и, взяв руками за концы, резко давил вниз. Стекло ломалось точно по следу стеклореза. Иногда закуривал, брал небольшой кусок стекла, стеклорез, подавал мне: «Попробуй». Я пробовал, но не получалось. Он объяснял, как держать стеклорез, с какой силой давить...

Видел, как не очень ровно прикреплена проводка в бороздках на кирпичной стене, но знал, что потом проводка скроется за штукатуркой, прикрепятся розетки с выключателями и будет все замечательно.

Представлял, как по смонтированным сантехниками трубам будет течь вода, когда откроешь кран.

У штукатуров работа тоже интересная. Борис принимал раствор в большой чан, заводил мотор и раствор по шлангам подавался на этажи. Иногда в какую-нибудь посудину, иногда раствор просто из шланга набрызгивается на стены. Потом штукатуры длинными терками выравнивают их, и через некоторое время стены принимают красивый законченный вид.

Одна из девушек из бригады штукатуров, Надежда Тудужева, жила в общежитии на одном этаже со мной. В комнате через санузел. Этаж устроен так: коридор, посередине

санузел, с двух сторон комнаты. В санузел можно попасть с двух сторон. Мы познакомились, иногда заглядывали друг к другу в комнаты. Общага – одна большая дружная семья. Иногда и не очень дружная. Соседа Василия не забываем.

Надежда жила с Валентиной, она работала на швейной фабрике, и по части что-то подшить, зашить она была первым помощником. Обе девушки были деревенские, обе поступали в свое время, но не поступили и теперь работают. Надежда на стройке уже четыре года, а Валентина второй год.

Иногда мы с Надеждой, так получалось, шли вместе на работу, или с работы. На работе она была очень шустрой, во многих вопросах была помощницей бригадира Михаила. Четыре года это большой срок в строительстве, она была одной из старших в бригаде по стажу. Хотя были и две женщины, которые отработали уже больше, чем по десять лет. Дома у Валентины остались родители и брат, он учился в школе. Работа ей нравилась, была в передовиках все время, но говорила, что все-таки тяжело работать, не знает, сколько еще будет работать. Ей был 21 год, она хорошо знала изнутри жизнь и стройки, и общежития, и поэтому взяла как будто шефство надо мной. Подскажет, что, как делать в той или иной ситуации, пригласит поесть, что-нибудь стоговав. Когда появился Дима, мы теснее стали дружить комнатами. Могли и вино вместе попить. Потом гляжу, Дима с Валентиной стали действительно дружить. Ходили в кино, или в коридоре болтали. Влюбленным не нужны чужие уши.

Молодость – штука динамичная. Молодые люди быстро сходились, потом создавались семьи, жизнь шла. И в общежитии, и на стройке, не раз приходилось наблюдать, как молодые люди находили друг друга и дальше шли по жизни вместе.

Однажды, по привычке, я постучал и смело зашел в комнату Валентины. Что-то нужно было. Ничего не стоит в общежитии зайти в другую комнату и попросить кусочек хле-

ба, или сахара, обнаружив, что твоё закончилось. Завтра и у тебя кто-нибудь что-нибудь попросит.

На койке сидели Валентина с Василием, соседом, которого я увидел первым на своем этаже. Сидели совсем рядом, даже показалось, мгновение назад рука Василия лежали на плече Валентины. Я остановился ошарашенный, потом резко повернулся и закрыл дверь. Заметил, что на столе стояла бутылка с вином.

Я пришел в свою комнату и долго не мог успокоиться. Дима все подшучивал, что и мне пора бы начать приближаться к Валентине, я мол, дружу, и тебе надо. Я его выслушивал, но серьезно ничего не предпринимал. Мне хватало и тех дружеских отношений с Валентиной. Но, тем не менее, какое-то нехорошее чувство появилось к Василию. Чувство ревности, что ли?

Мне не хотелось, чтобы Валентина сидела рядом с Василием, не хотелось, чтобы они вместе распивали вино.

Но помаленьку я стал успокаиваться. Валентина взрослая девушка, которая сама вправе распоряжаться, с кем сидеть, с кем распивать вино. Я так успокаивал себя, но все равно было грустно...

После этого случая как-то реже стал я наведываться в комнату Валентины, да и ходить вместе на работу или с работы мы перестали.

Глава 14.

Мотоцикл «Яву» через десять лет

Молодой человек распрощался со школой, пошел зарабатывать деньги. Давайте поговорим о его заработках. Расскажу, как я отметил свою первую получку.

Прошел месяц, как я уже работаю на стройке, пошел второй. И вот наступил день полочки. Нам хорошо, контора, а с ней и касса, рядом, через дорогу, а вот некоторым приходится ехать, у кого объект далеко. Объекты нашего ПМК строятся по всему городу.

Первыми, не дожидаясь перекура, бегут в контору Васька с Витькой, приходят довольные, пересчитывают купюры, переговариваются.

– Васька, не помнишь, по сколько мы аванс брали? – спрашивает Витька.

– Откуда я знаю, я брал тридцать, а ты – не знаю, – отвечает тот.

– А-а, вспомнил, пятнадцать, точно, пятнадцать, – вспоминает Витька, и начинает что-то подсчитывать.

– По сколько скидываемся, по рублю? – спрашивает Васька.

– Но давай. Только как жене сказать? Она точно знает, сколько я получу. В конторе узнаёт.

– Так и скажи: собирали по рублю. День рождения было, у ... у бригадира.

– Не поверит, она у всех дни рождения знает.

– Но тогда так и скажи – отметили полочку. Имеем право, мы что, не люди?! – вскипает Васька. – Не можем на кровно заработанные раз в месяц бутылку пива выпить?!

– Ладно, что-нибудь придумаем, – успокаивает его Витька. – Только не будем много, как в тот раз, а то опять в КПЗ окажемся. Ведь в тот раз все деньги потеряли.

– Не потеряли, а стащил тот хмырь. Это ты его за собой потащил, когда он стоял около магазина, говорил я тебе, зачем? Заметил я, он много не пил, а деньги у тебя увидел, когда ты рассчитывался, он же за тобой в магазин зашел. Мы-то быстро опьянели, подчистую обобрал, гад. Две по-

лучки! Нет, встретится он мне, глаза выколю, я его запомнил! – снова возмущался Васька.

Витька спрятал получку подальше, а два рубля, свой рубль и Васькин, положил в карман курточки. Это на соблюдение важного закона строителя – каждая получка должна быть обмыта. И это никто не отменял!

Рассказывал как-то эту историю Васька, как они в КПЗ попали. Очнувшись где-то на лавочке, под деревом, уже ночью, они заметили, что их попутчика, третьего, нет. Они сразу по карманам своим шарить. Точно, и денег нет. А это был день получки. Они в ярости. Выскочили на улицу и накинулись на молодых людей, надо же на ком-то зло сорвать. Да не на тех напали. Это были два мужика с женами. Мужики скрутили наших героев, жены сбегали, позвонили в милицию, милиция и увезла в КПЗ. КПЗ – это... ПЗ – предварительное заключение. А К – комната, нет, камера, наверно. Камера предварительного заключения. Там и переночевали, еще пьяные же были. Хорошо, наутро офицер, знакомый Васьки, пришел на смену, пожалел, отпустил. А то бы еще по тридцать рублей платить пришлось. За ночлег.

Мы с Михаилом пошли в контору уже перед обедом. Все равно была очередь около кассы, человек семь, мы отстояли, я расписался в ведомости, взял пачку денег и отошел от окошка.

– Почему не пересчитываешь? Пересчитать надо, – заметил Михаил.

А где там пересчитывать, окошко маленькое, ничего не видно, многие не пересчитывали, или, отойдя от кассы, у окошка, грубыми руками, привыкшими к лопате и лому, медленно перебирали купюры, шевеля губами.

Остаток дня я время от времени прощупывал карман брюк, где была тугая пачка денег. Конечно, она никуда не денется, карман глубокий, но все же...

Наконец, дождавшись окончания рабочего дня, я поспешил домой, в общагу. Да, действительно теперь это мой дом.

Мне не терпелось быстрее подсчитать деньги. Это были мои первые деньги, которые я заработал, устроившись официально, как полноправный представитель рабочего класса. Выложил пачку на стол и смотрел на нее. Там были рубли, трешки и пятерки. Я подсчитал. Было восемьдесят восемь рублей. Еще копейки были, они в кармане. Так, аванс брал десять рублей, получается, получил я за месяц девяносто восемь рублей. Почти сто. Таких денег я никогда не зарабатывал. И в руках не держал. Я снова взял в руки пачку денег, прикинул на вес. Интересно получается. Ты на работе таскаешь кирпичи, раствор месишь, а кто-то подсчитал, сколько ты поднял кирпича, еще чего-то сделал, и установил, что это будет стоить, например, девяносто восемь рублей.

Я смотрел на деньги, начал прикидывать. Пусть я буду каждый месяц зарабатывать столько. Если я буду откладывать от каждой получки по десять рублей, то «Яву» я могу купить... через десять лет примерно. Нет, нужно по двадцать, а лучше по тридцать. Или зарабатывать больше. А если на машину откладывать, лет через сто только куплю. Далековато...

Мне объяснял Николай Григорьевич, что я устроен на работу по второму разряду, еще мне нет восемнадцати, будет меньше выходить, чем остальным. Это понятно, почему я, только появившись, ничего не умея, должен получать большие деньги.

Михаил мне рассказал про разряды. В строительстве есть шесть разрядов. Первый самый маленький. В бригаде только Семкин имеет пятый разряд. Шестого нет ни у кого. Но и первого нет, четвертый имеют два человека, зам бри-

гадира Степан Краснощекин и Петр Никифоров. Человека три, видимо, уже со мной, имеют вторые разряды, остальные имеют третий. От разрядов зависит зарплата, примерно, на десять рублей разница между двумя разрядами. Например, если каменщик третьего разряда получит сто рублей, то за эту же работу с четвертым разрядом сто десять. Чтобы разряд получить, надо экзамены сдать, практику и теорию. Кладку выложить, чтобы ровно все было, и на вопросы ответить, теорию выучить. Комиссия принимает серьезная, из треста приходят строгие начальники. Витька, вон, который год на третий не может сдать, все со вторым разрядом ходит. А каменщик-то опытный. У самого Михаила третий разряд, все собирается на четвертый сдать, да все как-то некогда.

Что ж, я улыбнулся. Первую получку нужно отметить. В комнате соседа нет пока, не с кем, не буду же я с соседом через дверь отмечать. Я думал. Хотелось красиво, надолго чтобы осталось.

А что, если в ресторан сходить? Точно! В ресторане я ни разу не был, первая в жизни получка, первый в жизни поход в ресторан будет. Здорово! Как раз завтра суббота.

Наутро, прилично одевшись, взяв денег, честно говоря, не зная сколько брать, но взяв с запасом, я вышел на улицу. В нашем городе один единственный ресторан, называется «Серебряная река». Есть у нас такая река в каком-то районе. Ресторан и река. Какая связь? Да какая разница, чего я придрался.

Ресторан находится в двух остановках от общаги. Можно проехать на автобусе, но я пошел пешком. Должны же видеть меня люди, что я в ресторан иду. Да только людей на улице мало, суббота же, еще утро, да и тем, кто мне встречается, видимо, не до меня. Не знают они, куда я иду. Но не буду же я кричать на всю улицу.

Ресторан, надо сказать, встретил меня холодно, не гостеприимно. Дверь оказалась заперта. Сквозь стеклянные большие окна вижу, что кто-то там ходит. Дергаю дверь. Слышу шаги, дверь открывается, стоит женщина со шваброй. Недобро посмотрела:

– Чего хотел?

– Да я... в ресторан...

Женщина удивленно посмотрела на меня, окинула взглядом, сверху вниз, сказала: «Ресторан с двенадцати работает», – и закрыла дверь перед моим носом.

Я несколько секунд стоял, не зная, что делать. Вернее, ошарашенный. Как, с двенадцати? Даже столовые с восьми работают, а тут, целый ресторан...

Настроение испортилось. Я пошел в сторону кинотеатра. Около киоска с газетами узнал время (было десять часов десять минут), купил местную газету «Звезда Горного», сел на лавочку, стал пролистывать. Я каждую неделю

ее покупаю, там есть программа, а у нас в общаге, в зале, на первом этаже, есть телевизор. Я все еще был под впечатлением закрытой двери ресторана, газета не читалась, я побрел по улице. Решил зайти в книжный магазин. А еще, подумал я, нужно каждый месяц, с полочки какую-нибудь книгу покупать. Точно! Ресторан – дело разовое, не буду же я каждый раз с полочки в ресторане с утра торчать. Я же не миллионер. А вот книгу покупать, это да. Это дело.

Их книжного магазина я вышел с томиком стихов поэта Башунова. Не знаю такого, познакомлюсь. Настроение немного улучшилось. Побродив еще, чтобы убить остаток времени до открытия ресторана, точно в двенадцать я стоял около знакомых дверей. Они снова были закрыты. Я уже повернулся, чтобы уйти восвояси, как щеколда щелкнула и дверь распахнулась. Знакомая мне женщина открыла дверь настежь, подперла шваброй и пошла обратно. Я за ней. Не зная, куда идти, я несмело шагал, озираясь по сторонам.

– Ресторан на втором этаже, – буркнула она, поднимая ведро.

В конце большого зала широкая лестница вела наверх. Я стал подниматься по ней. На втором этаже открылась красивая картина. Очень большое помещение с тоже большими широкими окнами. По краям каждого окна свисали красивые шторы. По всему залу стояли столы, покрытые светлой скатертью. Стулья тоже были светлые, большие, с высокими гнутыми спинками.

Я невольно залюбовался, остановился.

– Мальчик, тебе чего? – около меня стояла высокая женщина в фартуке, белом кокошнике.

– Я... это... в ресторан, – еле слышно выдавил я, чувствуя, что на лбу выступили капельки пота.

– Покушать? Проходи, садись за любой стол.

Я прошел к окну, несмело стал устраиваться на одно из четырех стульев, которые стояли вокруг стола.

Устроился удобнее и продолжил разглядывать зал. В конце зала было небольшое возвышение, на двух столах была аппаратура, видимо, оттуда должна доноситься музыка. Но сейчас было тихо.

Подошел парень в темных брюках, белой рубашке, принес большую тонкую книжицу, положил передо мной, ничего не сказал, удалился. Я понял, что это меню, то есть оно должно быть внутри. Да, на отдельном листочке было написано, что сегодня нам предлагал ресторан. Не раз мне приходилось в столовых читать подобные бумажки, выбирать блюда. Но из знакомого здесь ничего не было. Ни котлет, ни щей. Даже киселя. Из понятного мне я вычитал чай, салат и водку. Когда парень подошел еще раз, с карандашом и блокнотом, я начал с водки. Он спросил, сколько. Я прикинул, что бутылки мне будет многовато, отвечаю: «А меньше бутылки можно?». «Да», – отвечает он. «Тогда полбутылки», – говорю.

- Двести пятьдесят граммов. Что еще?
- Салат, вот..., – тычу пальцем в меню.
- Хорошо, что еще?
- А это что у вас? – передвигаю палец чуть ниже.
- Эскалоп.
- Но, давайте его. И чай.
- Зеленый, черный?
- Да любой. Стакан чая. Да, а у вас борща нет?
- Нет. И не бывает.

Парень повернулся и скрылся за ширмой.

Тоже мне ресторан, даже борща нет.

Я почему-то думал, что блюда мне начнут подавать сразу. Но прошло минут пять, минут десять, никто мне ничего не несет. Ладно, я никуда не тороплюсь. Тут я вспомнил,

что у меня есть книжка. Я ее вытащил и стал пролистывать. Стихи мне понравились, через некоторое время я углубился в чтение.

Я не заметил, как мне принесли салат, хлеб, вилку и нож. И небольшой графин на подносе. Рюмка рядом. По-моему, что-то еще должны принести.

Ладно, хватит робеть. Я налил в стопку водки, поднял, чтобы выпить. И тут увидел, как рядом с ширмой стоят та женщина в фартуке, парень и в четыре глаза смотрят на меня. Увидев, что я посмотрел на них, они быстро скрылись. Наверно, давно наблюдают. Да и за кем наблюдать, я один в целом ресторане.

После стопки водки дела пошли веселее. Я подливал водки в рюмку (кто придумал такую маленькую посуду?!), доел салат, ждал какого-то зверя. Эскалоп, что ли? Но это оказалось обыкновенным куском мяса, скрашенным подливом, зеленью и еще чёрт знает чем. Мясо оказалось твердым, не прокусишь, пытался ножом порезать, но и нож ресторанный оказался тупым. Даже не могут ножи наточить!

Я осмелел, уже не суетился, спокойно попивал водку, старался прожевать мясо, ждал, когда включат музыку. Но никто ничего не включал. Только изредка кто-нибудь появлялся из-за ширмы и выглядывал. Наверно, боялись, что я сбегу. В ресторан так и не зашел никто.

Плотно поев, допив содержимое графина, я встал. Водка меня не взяла нисколько. Как говорится, ни в одном глазу. Моментально около меня появился официант. Значит, точно боятся, что сбегу. Он назвал стоимость того, что я съел. Вытащив деньги, заплатив четыре рубля, восемьдесят копеек, а точнее, отдав купюру в пять рублей, я пошел к лестнице. Парень пошел за сдачей, я пошел домой.

Не знаю, с каким настроением люди ходят, вернее, уходят из ресторана, но я уходил в неважном настроении. Не понравилось.

Глава 15.

Про девочку Машу и бег на 100 метров

У нас начинается рабочий день. Очередная бригадная летучка. У нее, у этой летучки, нет определенного времени проведения. Она может пройти с утра, как обычно, предвзялая рабочий день, а может быть объявлена в любое рабочее время, если бригадир пришел с конторы и нужно довести до бригады что-то срочное.

Но сегодня все спокойно, летучка началась утром, вопросов было много.

– Так, есть вопросы, – начинает Семкин, когда все собрались в вагончике вокруг стола. – Два дня раствора не будет, опять БРУ (бетонно-растворный узел – это я расшифровываю) сломался, так что, займитесь другими делами. Работы много и в первом доме, и траншея есть, Степан, распределите каменщиков на эти два дня.

Степан Краснощекин, заместитель бригадира, кивает головой.

Виктор Иванович продолжает, посмотрев на стропальщика Попова:

– Александр, за эти дни, пока у каменщиков не будет работы с краном, наведи порядок на этажах. Уберите подмости, закиньте кирпичи, подготовьте фронт работ, в помощники кого-нибудь из подсобников возьми. Арматуру

убери краном, переложи в другое место, мешает. Дальше. Скоро 7 ноября, торжественное собрание. От нашей бригады выступающего нужно одного. Петр, выступишь?

Петька Олейник согласился, вяло махнул рукой.

– Хорошо, надеюсь на тебя, не посрами бригаду. Еще два момента. От нашей бригады трех человек нужно, на спартакиаду. Бегать надо, черт бы их побрал. То ли работать, то ли по стадиону бегать. Придумают же. Но ясно, один есть. Молодой, Коля. Слышишь? А еще кого пошлем?

Я говорю: «Хорошо. Я уже знаю, мне говорили, еще пусть будут Василий Новоселов и Виктор Карманов».

Все удивленно посмотрели на меня, на Ваську с Витькой. А они сидят, улыбаются.

– С каких это пор Васька стал бегать, до магазина он смежет, а вот по стадиону... – под общий смех хохочет Петька Олейник.

– Не веришь, приходи, посмотришь, – весело отвечает тот.

Но хорошо, – с недоверием посмотрев на Ваську с Витькой, сказал бригадир. – Послезавтра трое свободны. Даже кстати это, раствора-то не будет.

Все остались в недоумении от решения Васьки и Витьки поучаствовать в соревнованиях.

Аларчик, как сказал классик, просто открывался. Встретился на днях мне Николай Григорьевич. Мы с ним часто встречались на улице. Спрашивает:

– Но как, не забросил бег-то?

– Почти забросил, как-то не всегда получается.

– Нет, ты не бросай, в армии легче будет. Тут вот какое дело. Соревнования у нас на носу. На этот раз легкоатлетические, бежать надо. Помнишь, я тебе говорил нашу проблему, у нас рабочие, у нас нет спортсменов. Можешь организовать, в школе договориться с кем-нибудь, чтобы за нас пробежали?

– Договорюсь, хорошо.

– Вот и ладно. Тогда я приказ оформлю, Семкину передам.

Как раз перед этим Нина Петровна встретила меня и сказала, что в подвале общежития нужно выложить кирпичную перегородку, могу ли я поговорить с каменщиками. Материалы есть, оплатить она сможет. Я бы сам сделал, но сомневался, смогу ли. Практика-то у меня нулевая почти. И после разговора с начальником отдела кадров у меня созрел план. Поделится с ним с Васькой и Витькой.

План был такой. Нас освобождают с работы на один день, я иду на стадион, беру двух школьников с собой. Они будут Кармановым и Новоселовым. А настоящие владельцы фамилий идут в общежитие работать. Витьке с Васькой мой план очень понравился. Еще бы: на работе восьмерку поставят, то есть, что ты будто бы работал, и в то же время подкалымить можно, заработать денег на стороне. Поэтому и сидели на летучке довольные.

Бригадир заканчивал планерку:

– И последнее. В одиннадцать часов придет лектор, политинформация будет. Делать им нечего! Степан, всех соберешь.

Периодичности не знаю, но время от времени у нас проходят такие мероприятия. Если день хороший, собираемся где-нибудь в тенечке, а если дождь, то в вагончике.

Сегодня солнечно, мы собираемся у торца первого дома, в тени, располагаемся кто на полу, кто на кирпичах. Все подходят пораньше, чтобы удлинить этот незапланированный на сегодня перерыв в работе. Тем более, что Васька уже в своем репертуаре. Травит анекдот, даже по теме.

– Лекция, примерно как у нас. Лектор выступил, просит вопросы задавать. Руку тянет Петька, сварщик из сборочного цеха. Встает, говорит:

– Меня не интересует, когда наши полетят на Луну, меня также не интересует, почему американцы наращивают ядерное вооружение, меня даже не интересует, почему голодают дети в Африке, меня интересует одно: почему у нас в магазинах нет мяса и колбасы?

Ну, лектор там что-то промямлил, в общем, проходит месяц, снова лекция. Тот же лектор, в конце опять: есть вопросы?

– Есть, – говорит один мужик. Встает, возмущенно говорит:

– Меня не интересует, почему американцы наращивают ядерное вооружение, меня также не интересует, почему голодают дети в Африке, меня даже не интересует, почему в магазинах нет мяса и колбасы. Меня интересует одно: где мой друг Петька?

Мужики хохочут, Васька начинает было рассказывать следующий анекдот, но замолкает.

Подходит очкастый лысый лектор с папкой, здоровается.

Не успел он открыть свою папку, Васька спрашивает: «А точно, на Марсе жизнь есть?».

Лектор, поправив очки, отвечает:

– Не знаю, молодой человек, не знаю. Там никто не был. Но последние исследования показывают...

Он не успел договорить, как его опередил Петька Олейник: «...что вода там есть».

– Да, совершенно правильно, – соглашается лектор.

– А правда, что чудовище с озера Лох-Несс выловили? – подбрасывает следующий вопрос Васька.

– Ты не перебивай, дай о международном положении послушать, – возмущается Женя Черников.

– Перебивают, когда говорят, пока еще никто ничего не начал, – парирует Васька.

– Да, товарищи, действительно, начнем, вопросы в конце. Сегодня мы поговорим о самом заключительном акте

по безопасности в Европе, о так сказать, Хельсинском акте. Мы к нему подошли вплотную. Коротко напомню, о чем я говорил на прошлой лекции. В 1969 году Генеральная ассамблея ООН одобрила предложенный Советским Союзом проект договора о нераспространении ядерного оружия. В 1970 году договор вступил в силу. А в 1971 году на 24 съезде КПСС была принята Программа мира. Советский Союз в этой Программе внес свыше 150 различных предложений, направленных на обеспечение международной безопасности, прекращение гонки вооружений и разоружение. В этом документе речь шла о необходимости соблюдать в межгосударственных отношениях принципы суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного урегулирования споров, уважения прав человека. Признавалась нерушимость границ европейских государств. Несмотря на то, что отношения между государствами с различным политическим строем смягчалась, понадобилось еще несколько лет переговоров с разными странами, чтобы наконец-то был принят этот Хельсинский акт.

И сегодня мы поговорим о вопросах, принятых на этом совещании.

– А можно коротко, у нас раствор стынет? – выкрикнул Васька.

– Я не займу у вас ни минуты лишнего времени, но если будете отвлекать, конечно, задержимся, – лектор посмотрел на Ваську, поправил очки.

Васька больше вопросы не задавал, а лектор, посматривая на часы, читал свою лекцию.

Минут двадцать он рассказывал об этом Хельсинском акте. Когда принят, какими странами, что там было. Вопросов в этом документе было много. О том, что страны должны дружить между собой, несмотря на различный политический строй, уважать права друг друга, если будут изменять-

ся границы, то только мирным путем и по договоренности. Страны должны воздерживаться от применения силы или угрозы как против территориальной целостности, так и политической независимости любого государства, от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации, которая не будет признаваться законной.

Лектор рассказал, что в этом акте говорится о мирном урегулировании споров, если они возникнут, о невмешательстве во внутренние дела стран, об уважении прав человека, свободы мысли, убеждений, о сотрудничестве между странами в разных областях.

Никто не перебивает, лекция заканчивается, но вопросы уже не задают. Всем хочется курить.

Когда лектор уходит, все закуривают.

– Лишь бы войны не было, – задумчиво говорит Петр Никифоров. – Батя совсем слег, ноги совсем отказали. Раны...

Все знают, что у него отец фронтовик, имеет много орденов и медалей. Но и ранений.

– Не будет войны. Наше Правительство не допустит, – говорит кто-то.

Все молча докуривают, расходятся.

Мой план чуть было не сорвался. Вечером я сбежал в школу, договорился с ребятами из десятого класса, но надо было, чтобы их отпустили с уроков. Что делать? Физрука в школе не было, уроки уже закончились. Где он живет, я не знал. До дня соревнований был как на иголках. Предупредив своих коллег – «бегунов» идти с утра в общежитие, к Нине Петровне, сам сразу пошел в школу. Нашел Юрия Петровича, объяснил ситуацию.

– Решим. Сейчас схожу к директору, выпрошу ребят, скажу, на соревнования надо. А ты зря не стал поступать, пошел на стройку.

Примерно через час, мы втроем, весело разговаривая, шли на стадион «Спартак». Максим с Олегом, сегодняшние десятиклассники, были хорошими спортсменами, мы не раз участвовали в различных соревнованиях.

Но сегодня они не Максим с Олегом. Сегодня они Карманов Виктор и Новоселов Василий. По дороге они познакомились и запомнили свои новые имена. Стадион встретил нас молчанием, на трибунах кое-где кучками виднелись наши соперники.

До обеда мы пробежали сто и восемьсот метров.

Потом мы пошли обедать. Нам выдали талоны в столовую. После обеда прыгали в длину.

С соревнований мы возвращались довольные. У меня в руках были грамоты. В общежитии я нашел Нину Петровну. Сделали ли работу мои «спортсмены»? Товарищи-то такие. Но встретил очень довольную заведующую.

– Они, Коля, еще до обеда сделали. Такие работники хорошие, молодцы. Спасибо тебе.

Отлегло от сердца.

Наутро я сразу зашел к Николаю Григорьевичу, показал грамоты. Он обрадованно читал грамоты, смеялся: «Василий Новоселов, за третье место на 100 метров. Во дает! Опять Новоселов, за второе место на 800 метров. Эта Карманову грамота, за второе место в прыжках в длину. Но мо-

лодцы, то есть ты молодец. А твои где грамоты? Там, поди, все первые места?»

– Да дома, в общеаге. А эти, Ваське с Витькой показать.

– Да, покажи, покажи. Потом принесите, и свои принеси. Повесим в коридоре, пусть все видят!

Но на работе встретил хмурых Витьку с Васькой. Ясно, Нина Петровна обещала же заплатить. Видно, что не обманула. Я им отдал грамоты. Они ничего не понимали, читали свои фамилии, удивлялись. Только когда до них дошло, исчезли. Пришли веселые, видимо, осталось еще в кармане после вчерашнего калыма. На первом перекуре они достали грамоты, всем показали. Коллеги читали и не верили. А Васька с Витькой все комментировали, как они участвовали в соревнованиях, как бегали и прыгали. Рассказывали, смеялись и радовались.

А я не радовался. Это скольких людей мы обманули! Я обманул бригаду, что Васька с Витькой будут участвовать на соревнованиях. Васька с Витькой дома соврали, что будут на работе, а сами калымили. Потом физрук обманул директора, что ребята должны пойти на школьные соревнования. Ребята обманули судей, что они рабочие МПК. Грамоты будут висеть в конторе и будут уже обманывать всех. Конечно, эти обманы ничего плохого не принесли, если не считать, что Витька с Васькой снова злоупотребили спиртным. Но все равно...

С такими мыслями я возвращался вечером в общежитие. Поймал себя на том, что мне охота возвращаться после работы в общежитие. Как-никак, свой уголок.

Я уже несколько месяцев жил в общежитии, можно сказать, стал своим человеком. Уже не показывал пропуск, на вахте меня уже все знали.

Мой сосед уже был дома, лежал на кровати, после первой смены. Когда появился Дима, сосед по комнате, стало

веселее, вечерами, если он не был на смене, мы валялись на кроватях и рассказывали друг другу различные истории. Он только что отслужил, и в большинстве случаев говорил про службу.

– Тяжело ли было? Тяжело. Я ведь деревенский, у нас физкультуры-то толком не было, а там как начали гонять. Муштра, пробежки. Я радуюсь, что в танковые войска попал! На танке покатаюсь. Первые месяца два-три тяжело было, очень тяжело. Не высыпаясь, а подымут рано, и заставляют бежать. Вот тебе хорошо, ты спортивный, по утрам бегаешь, зарядку делаешь, а я не любил никогда, в футбол-то не играл и в соревнованиях не участвовал. А тут каждое утро пять километров. Бежишь, спишь еще. Спать хотелось всегда, где-нибудь присядешь в свободное время, все, голова набок, и задремал. Еще жрать хотелось постоянно. И домой тянуло. Никаких танков, только бы дома оказаться. Думал, не выдержу.

– Земляков-то не было?

– Не-а. Никого. Да еще климат какой-то другой, сыро, все время как в поту, мокрый ходишь.

– Но потом привык?

– Говорю, месяца через три только. И к пробежкам привык, и еды стало хватать. Человек такая тварь, что ко всему привыкает. Потом, уже к дембелю, сами молодых гоняли.

– Дедовщина?

– Но, а как? Нас же тоже гоняли.

– Значит, и меня будут гонять?

– А как же? Будут. Но тебе легко будет. Ты и со спортом дружишь, и грамотный. Это нам, деревенским тяжело. Многого не знаешь, не понимаешь. Но после армии совсем другим человеком возвращаешься. Так что служить надо.

– Димка, а вдруг такое случилось бы: ты молодых гоняешь, а вдруг среди молодых я оказался? Также гонял бы?

– Да ты что! В армии земляка встретить, как мать родную повидать. Попался пацан, уже после учебки, с другого района совсем. Никогда его не видел. Так мы как братья, встретимся – обнимаемся, говорим и говорим. Только его опять куда-то перебросили.

В дверь постучали.

На пороге стояла Нина Петровна, заведующая, она иногда ходила по этажам, заходила в комнаты. За руку держала девочку, лет пяти.

– Что, молодежь, опять на кроватях валяемся?

Мы виновато улыбаемся, поднимаемся.

– Да лежите, чего уж там. Я зачем хожу-то. В субботу хотим уборочку вокруг общежития сделать, перед снегом. Если будет время, приходите. Там железяки, доски после стройки так и валяются, стаскать надо в одно место, девочки подметут потом, чисто будет вокруг. Внутри-то вроде уже заканчивается этот ремонт проклятый. Целый год уже тянется. Общежитие новое, а недоделок много. Коля помог перегородку в подвале поставить, спасибо еще раз.

– Хорошо, – отвечаем. – Придем.

Девочка подходит к моей тумбочке, берет книжку, листает.

– Книжки любишь, Маша? Только там картинок нет. Давай я лучше конфет тебе дам, – я открываю тумбочку, из кулька сыпаю ей в ладошки конфеты, леденцы.

– Что нужно сказать? – мама смотрит на дочь.

– Спасибо.

– Молодец, – говорю я.

Нина Петровна подошла к тумбочке, взяла книжку, пролистала: «Стихи».

– Да, местного поэта.

– Молодцы. А то к Васе зайдешь, одни бутылки пустые. И сейчас его нет. Надежда его отшила, так совсем в запой

ушел. Сколько раз хотела выгнать, но куда он потом... Ладно, пойдем, Маша. Отдыхайте.

Когда они вышли, мы долго молчали.

Потом Дима спросил: «Она одна живет?».

– Почему одна? – улыбаюсь я. – С дочерью живет.

– Я про мужа.

– Понятно. Да вроде есть где-то. Вернее, был. Я не видел. Дочь в садик водит, вечером так вдвоем обходы и делают. Смышленная девчонка, ей книжку какую-нибудь с картинками купить надо. Куплю как-нибудь.

– Ей бы отца, – сказал Дима. – Тяжело без отца. Вот, был бы отец, я бы никуда не поехал, помогал бы ему. В деревне же делов много. А я в город уехал. И ты вот, тоже без отца, тоже в городе, хотя и из деревни.

– Да я привык уже. Здесь в школе учился сколько лет, мне нормально.

– Все равно отец должен быть. У каждого ребенка...

Мы опять долго лежали, молчали.

Потом Дима заговорил: «Мне кажется, здесь, в общаге, собрались те, у которых в жизни не все нормально. Или что-то не получилось, или в семье не так. Смотри, вот была у нас Нина Петровна сейчас, живет без мужа, дочь растит. Сосед наш, Василий, один, пьянствует. У него семья была, ребенок, они тоже где-то далеко. Не просто же он пьянствует, правда? И Нина Петровна его понимает, не выгоняет. Мы с тобой. Были бы отцы, лежали бы мы с тобой в общаге? Наверняка бы они что-нибудь придумали, мы бы рядом с ними были. Валентина с Надеждой. Обе не поступили, и опять сюда, в общагу. И вот мы все такие: хромые, косые, одним словом, неудачники по жизни собрались в этой общаге и трепыхаемся. У всех были какие-то цели, какие-то планы, но в итоге – эта общага. Даже посмотри со стороны, как к нам относятся, те же местные парни как на танцы при-

ходят. Наглые, даже на вахтеров внимания не обращают, могут драку затеять, к девчонкам лезут, лапают. Им многое можно, у них матери-отцы, дом, квартира, а нам нельзя, мы из общаги...

Я не отвечал. Не хотелось, да и что я мог сказать, как возразить...

Глава 16.

«...Красный день календаря»

Вот и наступил один из самых больших праздников в нашей стране – день Великой Октябрьской социалистической революции. В этом году исполняется 59 годовщина. Город принарядился: появились красные флажки на улицах,

плакаты на фасадах домов, люди преобразились в предчувствии веселых, радостных трёх нерабочих дней, улыбаются друг другу, шутят, делятся планами на эти дни.

Семкин по этому поводу провел планерку, распределил, кто куда должен пойти. Петька Олейник, Степан Краснощекин и Петр Никифоров идут 6 ноября на торжественное собрание в контору, Петька будет речь толкать, а Степану и Петру будут грамоты вручать, от нашего ПМК.

– От Петра слова не вытянешь, поэтому, Степан, ты в ответ скажи. Поблагодари партию, Правительство наше, – напутствует бригадир.

– Ладно, – отвечает Степан.

В тот же день будет предпраздничное мероприятие в тресте, туда от ПМК, в том числе от нашей бригады послали меня, Чечушева Михаила и бригадира, Семкина Виктора. Двум последним будут вручаться грамоты, уже от треста, или ещё откуда повыше, а я так, для массовки, кого-то надо посылать. Семкин сказал: «Оденьтесь прилично, Михаил, есть костюм, галстук?»

– Да ты что, я с роду галстуков не носил.

Бригадир промолчал.

В назначенный день я ходил по коридорам треста, ожидая Михаила и Семкина. Пришел я рано, боясь опоздать, но все равно народу было много. В одном помещении продавали колбасу и вельветовые штаны. За ними выстроилась длинная очередь. А я всё стоял у входа, высматривая, не появятся ли мои. Но нет, мимо проходили незнакомые серьезные женщины в нарядных платьях и важные мужчины в костюмах. Непонятно было, что потерял здесь этот худенький парнишка в стареньком свитере, озирающийся по сторонам.

Когда уже объявили, чтобы все проходили в зал, я бросил свое занятие, пошел за людьми.

Честно говоря, я не очень вникал, что происходило на сцене, я все поглядывал на дверь, не появятся ли те, кого я ждал.

А на сцене, сменяя друг друга, выступали товарищи в пиджаках и галстуках, дарили друг другу подарки и грамоты. И каково же было мое удивление, когда вышел на сцену Михаил, когда назвали его фамилию. Но его же не было! И Семкин вышел за грамотой. Во дают, а я переживаю. Они, видимо, пришли раньше меня.

Важные люди перечисляли, сколько домов сдано трестом к этой дате, садиков и других объектов, кого-то хвалили, кого-то благодарили. Когда объявили, что театр, так долго строившийся, наконец-то сдан, в зале раздались аплодисменты. Вышли артисты, подарили строителям цветы и спели песню. Ту, где Ленин «такой молодой». Песню встретили стоя, аплодисментами.

Когда мероприятие закончилось, я поспешил домой. Ждать или опять искать Михаила не хотелось, да и голова разболелась от горячих речей.

А 7 ноября демонстрация. Я уже привык к тому, что уже несколько лет подряд, 1 Мая и 7 ноября мы, школьники, ходили на демонстрацию. В первый раз меня поразило, как много людей вышли на улицу. И у нас в деревне бывают такие мероприятия, но здесь же целый город. Мы уже на площадке школы выстраивались по классам, нам раздавали флаги, транспаранты и мы шли к Площади. Вернее, за площадь. Там нас всех выстраивали по списку, по школам, предприятиям, кто за кем, и мы ждали команды. А до команды было очень много времени. Играла музыка, по соседству мужики из какой-то организации собирались в кучку, кто-то из-под полы вытаскивал бутылку, они по очереди, посматривая по сторонам, ее пригубляли, им становилось веселее, они хохотали, подшучивали над женщинами. Настроение всей

толпы передавалось и школьникам, и нам тоже хотелось смеяться и радоваться. И мы всегда с удовольствием ходили на эти демонстрации. Мы все ждали этого момента, когда дадут команду, и мы пойдем по Площади, нас будут приветствовать дикторы, поздравлять, а мы будем в ответ кричать: «Ура-а!» и гордо вышагивать мимо играющего духового оркестра и больших начальников.

А сегодня я уже буду на демонстрации среди рабочих. Часов в 9 маленький двор нашего ПМК был уже полон людей. Открыв небольшой сарайчик, маленький седой мужичок раздавал под запись флаги, флажки, транспаранты.

Ответственными от нашей бригады за получение этого были я и Чечушев Михаил. Мы должны были раздать нашей бригаде то, что нам выдадут, и снова сдать это в целости и сохранности.

– Бригада Семкина? – седой мужичок посмотрел в тетрадь. – Так, вам три маленьких флажка, три больших фла-

га, союзных республик, и три члена Политбюро. Всего девять. Берите.

Мы выносим, что нам нужно, мужик с тетрадкой пересчитывает, говорит: «У вас четыре члена. Один лишний. Отнеси Косыгина обратно».

С флагами, портретами наших вождей на шестах мы находим своих, раздаем, Михаил голосом того мужичка, в сарайчике, говорит: «Не ломать, усы не рисовать, обратно нам сдавать». Мне достался Сулов.

Семкин проверил всех по списку, не было только Женьки Черникова, который еще несколько дней назад уехал к больной матери в деревню.

– Так, спиртное не пьем, Васька, понял? – бригадир строго смотрит на Новоселова, подмигивает.

– А как же. Только после бригадира, – Васька распахивает полу курточки, а под ней бутыль со знакомой жидкостью. Все хохочут.

Семкин подходит к Ваське, смотрит по сторонам, берет бутылку, вытаскивает пробку из газетной бумаги, выпивает, протягивает обратно.

– Опять недостоявшую притащил, паразит, – и уходит в сторону, чтобы не видеть дальнейшего позора передовой бригады.

А бригада через некоторое время шутила, смеялась, радовалась, идя по улице улыбалась всем встречным, потом шагала вместе с большой колонной по Площади, весело выкрикивала в ответ приветствиям дикторов.

После демонстрации мы собирали свои флаги и портреты. Они все были в целости и сохранности.

– Удивительно, ни один флажок не потерялся, – качает головой Михаил.

Последними подошли Васька с Витькой Кармановым.

– Пойдешь? – спросил Васька, отдавая флаг Михаилу.

– Как обычно, каждый год 7 ноября...

Васька покопался в кармане, вытащил рубль, протянул Михаилу. Тут же оказалась рука Витьки, тоже с рублем.

– А вы не пойдете? – пряча деньги в карман, спросил Михаил.

– Да куда, видишь, какие мы веселые. Неудобно. Привет от нас.

– Хорошо, сделаем, – Михаил приспособил скрученные флаги на плечо, пошел. Я с портретами следом.

Благополучно сдав все атрибуты демонстрации седому мужичку, мы вышли на улицу.

Я спросил: «Михаил, а что за деньги давали Петька с Васькой?»

Он остановился, говорит: «Интересно?»

– Да так, – отвечаю.

– Пошли, посмотришь.

Он повел меня домой. Они жил недалеко от конторы, минут пятнадцать ходьбы, в пятиэтажном доме. Можно

и на автобусе, но автобусы из-за демонстрации пока не ходили сегодня, мы шли пешком. По дороге он ничего не говорил, да и я не спрашивал.

Квартира Михаила встретила нас запахом жареных пирожков, только из-под сковородки, наверное. Супруга Михаила, невысокая худенькая женщина с печальными глазами (я вспомнил, что она болеет), встретила приветливо, улыбалась и сразу пригласила за стол.

– Да лежала бы, пирожки еще вздумала стряпать, – укоризненно заметил Михаил.

– Да ничего, праздник же большой, да и ты, пойдешь, пирожков возьмешь, – отвечала супруга. – Садитесь, поешьте, замерзли, поди.

– Это мой напарник, Колька, – представил меня Михаил.

– Да я уже поняла, ты много рассказывал о нем. А меня Дарья зовут. Тамара стихи ваши на вечере читала, дочка наша. Николай, вы прекрасные стихи пишете. – Она прошла в соседнюю комнату: «Тамара, выйди, пожалуйста».

На кухне появились две чернявенькие девочки. Поздоровались.

– Тамара, вот тот молодой человек, поэт, как ты говоришь, посмотри.

Та, которая старше, застенялась, сказала смущенно: «А я думала... взрослый дядька будет... На дне учителя я прочитала ваши стихи. Всем понравилось».

– Спасибо, – говорю.

Михаил сказал: «Вот и посмотрела на поэта. Так, девочки, пока мы с Колей чай пьем, собирайтесь, пойдём».

Девочки исчезли в своей комнате.

Мы сели за стол.

Дарья спросила у мужа: «Может, по стопочке, в честь праздника?»

– Нет, потом, – ответил Михаил.

Я с удовольствием съедал пирожок за пирожком, так давно не ел домашнего, сразу дом вспомнился, мама. Но меня не покидала мысль: куда же собрался Михаил? И меня с собой взял. Я не спрашивал, и он пока не говорил.

После чаепития Михаил взял спортивную сумку, положил туда пирожков, которые, завернув в газету, подала супруга, позвал девочек и мы вышли на улицу.

Мы свернули в магазин, там Михаил купил полную сумку конфет. Девчонки бежали спереди, что-то болтая о своем, мы с Михаилом шли позади. Мы так и продолжали молчать, только я иногда брал сумку у Михаила, несли по очереди.

Я уже догадался в конце пути, куда мы шли. Через два дома мы свернули направо и очутились перед длинным одноэтажным деревянным зданием. Это был детский дом.

Во дворе детского дома играли ребяташки, на лавочке сидели две женщины. Увидев нас, дети побежали к нам, стали обниматься с дочерьми Михаила, здороваться с ним. Подошли и эти две женщины.

– Здравствуйте, Михаил Петрович.

– Зинаида Павловна, Виктория Васильевна, добрый день, с праздником вас, – Михаил положил сумку на лавочку, обнял женщин. – Но как вы тут, как год прошел?

– Да ничего, у вас как работа?

– Да все так же, без изменений, ой, изменения есть. Напарник у меня появился, Колей зовут, Николаем. Познакомьтесь.

– Очень приятно, – кивнули мне женщины.

Тем временем нас окружили ребяташки, они поглядывали на сумку. Одна из женщин обратилась к одной девочке: «Галя, сбегай в дом, зови всех, скажи, дядя Михаил пришел».

Девочка побежала в помещение. Через минуту появилось еще несколько ребяташек.

Михаил открыл свою сумку, сказал: «Галя, раздавай».

Галя, видимо, была здесь первой помощницей у персонала. И хорошо знала, что теперь нужно делать. Она шустро выстроила всех, осмотрела, что в сумке, распорядилась подходить по одному: «Из каждого кулька даю по две конфетки, если останется, подойдете еще раз. Пирожки самым маленьким».

На мое удивление, у них получалось это очень организовано: без толкучки, шума и визга. Вроде бы ребятишки, а порядок.

Каждый получал свои шесть конфет, отходил в сторону, разворачивал одну, положив в рот, улыбался и весело смотрел по сторонам.

Я невольно залюбовался этой картиной: дети едят конфеты, показывая картинки на обертках, осторожно их разворачивая, чтобы не порвать, что-то друг другу говорят, бережно проглаживают пальцами фантики и прячут...

Вроде бы радостно всё, но что-то защемило в груди, к горлу подкатил ком...

Я отошел в сторону, сел на детскую лавочку, и мне тоже вспомнились детские годы...

А Михаил тем временем о чем-то говорил с женщинами.

Я рассматривал здание детского дома, уже довольно старое, нехитрые постройки для детских игр, наблюдал за ребятишками.

Когда мы уже уходили, подбежали дочери Михаила.

– Папа, мы немножко поиграем с девчонками, хорошо?

– Поиграйте, конечно.

– Передайте маме, что скоро придем.

– Передам.

Мы с Михаилом немного прошли, он предложил сесть на лавочку. Поглядывая в сторону детского дома, начал говорить.

– Я вырос в этом доме, я говорил. Пять лет назад я решил зайти сюда. Ни раньше, ни позже, не знаю, почему. Было тоже 7 ноября. Купил конфет после демонстрации, пришел, оказалось, что кто при мне работал из персонала, никого нет. Умерли, уволились. Я угостил ребятешек, по сидел с ними, с нянями поговорил, пошел домой. Подхожу к калитке, кто-то меня за штаны тянет. Обернулся, смотрю, две девочки: одна совсем маленькая, вторая постарше. За штаны меня маленькая тянула, а старшая спрашивает: «Ты наш папа?».

Я улыбнулся, говорю: «Нет».

Честное слово, я сказал: нет. Но я отчетливо услышал своими ушами, что уста мои произнесли: «Да». Я только хотел поправиться, повторить: «нет», как обе девочки прижались к моим ногам, а старшая радостно заговорила: «Я знала! Я говорила тебе, Катенька, это наш папа. Как здорово, что ты нашел нас! Долго ты нас искал?».

Я не знал, что мне делать, что отвечать. Я наклонился к ним, прижал к себе. Потом я попросил няnek, чтобы они отпустили их ко мне хотя бы на ночь. Так они у нас и остались, Катя с Тамарой. Сейчас им 8 и 10 лет.

– Ничего себе! А я не мог даже подумать, что они вам не родные.

– Теперь родные. Только вот... Даша болеет... А приняла она их сразу. Сама предложила оставить, документы оформляла, бегала. И девчонки как-то сразу освоились, будто наши и были, только отлучились на время. Да, бывает, возьмут ребенка в семью из детдома, особенно когда уже подросток, не сложатся отношения, обратно возвращают. Или сами ребятешки сбегают, обратно в детский дом. А здесь – вот так. Сразу они стали нас мамой и папой называть, да и нам с Дарьей теперь невозможно представить без них. Только вот...

Михаил вздохнул тяжело, встал. Мы пошли. По дороге мы завернули в магазин, Михаил купил бутылку вина.

Дарья спала, когда мы пришли в квартиру.

– Пусть поспит. Походила сегодня немного, устала. Сил-то мало, – Михаил собрал на стол, разлил в стаканы вино.

– А Виктор с Василием, я не понял, почему по рублю отдавали? – спрашиваю.

– Так они же наши, детдомовские. Во второй раз я им сказал, в детдом пойду, куплю конфет. Они вместе пошли. А потом просто деньги стали давать. После демонстрации сам же видишь, они какие.

– В будущем году с меня рубль.

– Хорошо, примем. Что интересно, Васька с Витькой заранее до праздника этот рубль свой оставят, не пропивают. Говорят, это святое. Да что мы сегодня, давай за праздник выпьем.

– Давайте. С праздником!

– С праздником. Для нас это большой праздник. В этот день у нас Катя с Тамарой появились.

Мы выпили, принялись кушать.

– Михаил, а родители у девчонок были? Есть?

Я знал, что у многих детдомовских родители, хотя бы мать, есть, иногда даже приходят проведать. Отлучаются от детей родители по разным причинам, в основном, понятно по каким. Но бывает, что родителей нет, сирота.

– А я даже не знаю, где они. Да, они есть. Но мы не старались их искать. Зачем? – ответил Михаил.

Когда появились дочери Михаила, веселые и шумные, Михаил приложил палец к губам. Они сразу притихли. Тамара тихо спросила: «Спит?». Михаил кивнул головой. Девчонки стали тихо раздеваться, а я засобирался домой.

Я шел по вечернему городу. Несмотря на позднее время, на улице было полно народу. Кучками, компаниями они

с веселым шумом пробежали, обгоняя меня, или шли на встречу. В какой-то компании играла гармошка.

В общежитии жизнь бурлила. На первом этаже звучала музыка, шли танцы.

– Где ты пропадаешь? – накинулся на меня Дима. – Я уже два раза к Надьке с Вале́й ходил, они там жратвы наготовили! Собирайся, пошли. Я две бутылки взял.

Но я скинул с себя курточку, прилег на кровать: «Неохота, Дима. Да я только с гостей, накормили до отвала».

– Но сегодня же праздник!

– Да, – ответил я. – Праздник...

Глава 17.

Зима

Вроде бы недавно только, во время перекуров, мы с важным видом, по пояс голыми, ходили к проспекту попить квасу, а уже прячемся теперь от порывистого ветра с холодным дождем в вагончиках, во время работы на улице одеваем теплые курточки, прилаживаем под каски специальные утепленные шапочки с длинными ушами.

Потом пошел первый снег, а мы уже в фуфайках, под верхонками теплые варежки, а в сапогах под портянками теплые носки. Хорошо, что у меня еще со школы есть шерстяные.

Конечно, зима не сразу наступает. Появится первый снег, не очень смелый, днем начнет таять, сапоги начнут скользить, на лесах уже нужно осторожно ходить, чтобы не шлепнуться. Потом, в один день выпадет снег уже серьезно, вечером подморозит и, считай, зима наступила.

Мне в школе, когда видел рабочих на улице зимой, казались они героями. Как можно работать целый день на улице?! Тут до базара сбегать за табаком бабушке, перед каникулами, думаешь, как бы уши не отморозить. Быстрее туда и обратно. И с приближением холодных дней с тревогой ожидал, как я буду бороться с этим самым морозом, находясь целый день на улице.

Но на деле оказалось, что не так страшен чёрт, как его малюют, как говорят. Когда работаешь, двигаешься, мороза даже не замечаешь. Иногда даже и шапку приподнимешь, и верхние пуговицы фуфайки расстегнешь, чувствуя, что начинаешь потеть. Только вечером, когда окажешься в комнате, лицо начнет гореть. А днем с улыбкой наблюдаешь, как прохожие, чуть сгорбившись, шустро семят по улице. Может, тоже за табаком на базар, или уже торопятся обратно, в свои теплые квартиры и дома.

Но когда совсем погода испортится, если морозы большие или ветер сильный, мы все сидим в вагончике. Весело трещат полешки в самодельной печке из металлической бочки, все собираются вокруг стола кучками: картежники на одной стороне, шахматисты, вернее два шахматиста и болельщики – на другой. Картежники пишут на листочке, кто, сколько набрал очков, в конце игры объявляется победитель. И игра возобновляется снова. И так до бесконечности, то есть до окончания рабочего дня. А за шахматной доской Петька Олейник с Женькой Черниковым сражаются. Соперники примерно равные. Петька во время игры что-то всегда приговаривает. Подымает одну пешку: «Спокойно, бабушка, спокойно», и подержав пешку в воздухе, ставит ее на место. Женька говорит: «Взялся за фигуру, ходи».

– А я передумал, – отвечает Петька.

– Передумал он. Бери эту пешку и ходи, – настаивает Женька.

– Нет, я пойду конем, – говорит Петька и передвигает коня на доске.

– Но тогда играй сам! – Женька резко вскакивает со скамейки. – Правил не знаешь!

– Ладно, ладно, трусил, что ли, что проигрываешь? – говорит Петька, возвращает коня на место, ходит этой злочастной пешкой. – Садись, не нервничай... Спокойно, бабушка, спокойно...

Игра продолжается.

Мне не интересны и игра в карты, и спор шахматистов. Я ухожу в угол, где лежат стопками альбомы с чертежами, листаю.

Такие дни, как мне сказали, актируются. То есть, в этот день рабочие не выходят на работу, на рабочее место, но им ставят восьмерки, как будто они работали. Но и домой нельзя, нужно сидеть в вагончике. И кто это придумал?

Якобы, погода может измениться, и нужно выйти на работу. Можно подумать, что если на улице мороз сорок градусов, то к обеду термометр уйдет в плюса и снег начнет таять. Интересные люди. И приходится в такие дни сидеть в жарком вагончике, дышать табачным дымом, слушать похабные анекдоты Васьки Новоселова. Лучше бы я шел работать.

И вот в один такой день залетает в вагончик Васька Новоселов (сбежал куда-то в такой мороз!) и орет с порога: «Ребята, калым!».

Оказалось, он ходил за сигаретами, а может, и за чем-то другим, и его попросили выложить перегородку кирпичную в универмаге. Цемент у них есть, но нет кирпича. Степан Краснощекин, сегодня он за бригадира (Семкин целый день в конторе будет с бумагами разбираться), посидел, подумал, говорит Ваське: «Пойдем».

Через некоторое время они вернулись, Степан вытащил из кармана листочек, начал говорить, поглядывая в него: «Нужно одну большую комнату разделить на две, выложить перегородку толщиной в полкирпича. Я подсчитал, за вычетом проема нужно около 500 кирпичей. Цемент, песок у них есть. Нам нужно будет взять лопаты, и кирпичи натаскать. Я попросил двести рублей, они согласились. Теперь нужно ваше согласие».

Согласны были все. Сколько можно сидеть в вагончике, от безделья томиться. Да и лишние двадцать рублей никому не помешают.

И работа началась. Степан нашел в складе пустые мешки, вынес пару лопат, носилки, Михаил и сам Степан взяли свои инструменты. Сложили кирпичи в мешки и носилки и всей бригадой направились в универмаг. Мы зашли в магазин со двора, поднялись на второй этаж, и работа закипела.

Быстро замешав раствор в носилках, оставив Степана с Михаилом (они должны выкладывать перегородку), мы с пу-

стыми мешками пошли снова за кирпичами. Расстояние может и не очень большое, метров двести, но с тяжелым мешком оно ощущается. Тело работает, никакой мороз не страшен. Сделали несколько рейсов, и нужное количество кирпича было уже на месте. Перегородка уже выложена на треть. Все-таки лучшие каменщики бригады работают! А дальше кладка пошла еще быстрее. Кто-то раствор перемешивает, кто-то кирпичи подает, кто-то под нужный размер их откалывает...

Со всеми подготовительными работами на работу ушло часов пять. Еще ведь обедали.

Собрав все инструменты и мешки, мы пошли к себе, а Степан с Васькой остались. Возвратились они довольные, с полной авоськой пива. Раздав по бутылке пива, Степан начал раздавать деньги: «Получилось по пятнадцать рублей, пива еще взяли».

Хрустящие бумажки достоинством в пять рублей исчезали в карманах счастливых их обладателей. Я начал рас-

сматривать свои три купюры. Они были совсем новенькие, пахли краской и еще чем-то. Их жалко было гнуть, я осторожно положил их в карман куртки. А пиво я принес Димке, он на него падок. На вопрос: откуда, ответил: «У нас день активированный, мужики на пиво скидывались, но я тоже. А пить не стал, не люблю я его».

Я понимал, что, наверное, мы делаем неправильно, ладно, работали в другом месте, но во время активированного дня, а вот кирпичи... Хотя видел, что и кирпичи иногда вываливаются, ломаясь, поднятием кузова самосвала, и расствор в конце рабочего дня, когда его остается много, оказывается в яме, да и многое другое...

Но эта история имела продолжение. Неприятное. Хотя, как сказать.

Конечно же, про наш это калым никто не знал и не должен был знать. Имеется в виду, никто, кроме нашей бригады. И работников универмага. Но, как говорят, что знают два человека, то знает весь мир. Мы так и не узнали потом, кто был тем, «вторым», кто поведал о нашей истории куда надо. Никто из бригады не должен был разболтать, работникам универмага это тоже не надо: что, стучать на самого себя? Но ведь кто-то же сказал!

Короче, мы всей бригадой по этому поводу оказались в конторе у начальника. Из конторских был сам начальник, высокий строгий мужчина, Николай Григорьевич из отдела кадров и секретарь парткома, полноватый мужик с толстыми губами.

– Ну рассказывайте, как кирпичи воровали, – начальник окинул взглядом бригаду. – Краснощекин, говори.

– Да он там в основном битый был, мы выбирали, – начал было Степан, приподнявшись.

Но начальник не дал договорить: «Да ты понимаешь, как вы позорите, ПМК, бригаду свою. Недавно только вым-

пел вам вручили, «Бригада коммунистического труда»! А вы что творите?!»

Начальник отбросил в сторону на стол ручку, которую он держал в руках, поднялся, начал ходить около стола. Желваки на скуле его тоже так же ходили. Он еще что-то хотел сказать, но его опередил секретарь парткома: «Иван Петрович, я думаю, это безобразие нужно вынести на партком. Это хищение социалистической собственности нужно пресекать на корню. Нужно...».

Но его прервал начальник, вернее, не прервал, а продолжил говорить свою речь: «Мы им грамоты, вымпела, а они что вытворяют! Семкин, и что ты собираешься делать? Нужно разобраться с организаторами всего этого шабаша, наказать! Знаю, тебя не было в тот день в бригаде, нарядами занимался. Что скажешь, как зачинщиков будешь наказывать?».

Семкин Виктор Иванович приподнялся, лицо его было спокойно, говорить он стал так же, без тени волнения.

– Да, можно и наказывать. И на парткоме, и еще где. Меня наказывайте.

Мы всей бригадой удивленно посмотрели на него, да не только мы, все присутствующие. Семкин взял паузу, оглядел всех.

– Это я дал добро бригаде выполнить эти работы. Подошли с универмага, попросили помощь. Конечно, можно и законно. Придут, напишут бумагу, мы будем ее рассматривать, месяц пройдет. Чертежи рисовать, сметы считать будем еще месяц. А им сейчас нужно, магазин уже работает. А перегородку кто не сделал в свое время? Мы же и не сделали. Просмотрели.

Наступила полная тишина. Начальник уже сидел в своем кресле, молчал.

Семкин продолжил:

– За это кого-то наказали? Нет. Наказывают за то, что иногда нам привозят пережженные кирпичи, которые

в кладку не пойдут? А мы их в канаву вываливаем. Вы же не даете их обратно вернуть, отношения с кирзаводом чтобы не портить. А кого наказывают за то, что раствор у нас все время опаздывает? Никого. Вернее, да, наказывают. Каменщика. Он просидел до обеда, раствор прождал, а мог бы уже куб кладки выложить. Получается, его наказали на три рубля! И других виноватых нет. Но в этом случае никто из каменщиков не будет наказан. Они исполняли мою команду. Наказывайте меня...

Когда начальник оставил только Семкина, а бригаду отпустил, мы вышли на улицу. Все посмотрели на Ваську.

– Богом клянусь, заведующая сама ко мне подошла, больше она никого не просила. А Семкин тут ни при чем. Во дает! Мужик!

– Понятно, – Сказал Краснощекин. – Значит, он...

Мы еще долго возбужденно говорили, перебивая друг друга, пока не вышел Семкин. Мы кинулись ему навстречу, кто-то что-то спросил. Но он зло посмотрел на нас: «Да пошли вы!», и прошел мимо нас.

Степан порывлся в кармане, вытащил пять рублей, подал Ваське. Ничего не сказал. Да и не надо Ваське ничего говорить. Взял деньги, кивнул: «Понял!» и быстрым шагом пошел по тротуару.

Два человека. Один нас сдал, мы даже не знаем, кто. Может, кто из бригады, хотя, вряд ли, может, из магазинских кто, скорее всего, не те, кому мы сделали эту работу, а другие, много же там отделов. Точно, вероятнее всего. Увидел, что в другом отделе лучше станет. Ведь нам плохо бывает, когда другим хорошо. И он рассказал о нашем «левом» заработке. Разумеется, и про кирпичи, которые мы таскали, ничего не приврал. Он сказал правду, но мы его презираем. И второй человек. Мы его знаем. Наш бригадир Семкин Виктор Иванович. А вот он соврал. А для нас он сегодня герой...

Да, жизнь штука сложная. Иной раз трудно в ней разобраться. Васька бы сказал: «Без бутылки не разберешься». И побежал, куда надо...

Глава 18.

Димкина свадьба

Как быстро летит время. Вернее, как много событий происходит за небольшой промежуток времени. Только недавно я жил в комнате общежития один, потом появился Димка, ходили вроде бы мы с ним к соседкам просто чай пить, а сегодня он заявляет, что они с Валентиной хотят пожениться и нужно готовиться к свадьбе. Я удивленно посмотрел на него:

– Ты это серьезно? Ведь вы знаете друг друга совсем мало, месяцев...

– Четыре. Четыре месяца. Да, маловато, но мне кажется, я её давно знаю. Нравимся мы друг другу.

– Значит, любовь?

– Знаешь, не знаю. Не люблю я эти слова. Но сколько мы можем по углам шептаться. Сыграем свадьбу, узаконим все, начнем жить вместе.

– Но смотри, по статистике каждая седьмая семья распадается.

– Не бойсь, Колька. Мы будем среди тех шести семей.

– Мне-то чего бояться? Жизнь-то твоя. И когда свадьба?

– Собирались под Новый Год, в середине декабря. – Димка подумал, стал размышлять. – Честно говоря, хорошо не думали. Может, в деревне сделаем, хотя родственников-то у меня мать да брат с сестрами.

– Тогда здесь сделай, в городе.

– Будем думать, в выходные повезу Валентину домой, матери покажу. Там и порешаем.

И начались для Димки, моего соседа, суматошные дни. В свободное время от смены и в выходные он куда-то бежал, что-то искал, узнавал, где что сколько стоит, вечерами с Валентиной составляли списки того, что нужно покупать, списки тех, кого нужно пригласить, перечисляли своих родственников. Эти списки у них пополнялись, потом там что-то зачеркивалось, потом менялись на другие, они не знали, кого нужно обязательно приглашать, когда отсылать письма с открытками, где брать кольца и какие... Многого они не знали, я стараюсь помочь, а с меня толку, как с козла молока: не только свадьбы не проводил, даже не был я ни на одной свадьбе.

После поездки к Димке домой они съездили и к Валентине, в деревню. После совещаний с родственниками ре-

шили свадьбу справлять в городе. Вопрос стал по помещению, где проводить. Валентина с Димкой стали перебирать, у кого из их родственников есть большой дом в городе. Но родственников с большими домами у них не было. Они заскучали.

Примерно подсчитали, сколько денег нужно для проведения этого ме-

роприятия. Вышло около четырехсот рублей как минимум. Они совсем приуныли.

Как-то нужно было их приободрить, помочь чем-то.

В вестибюле я встретил Нину Петровну, говорю: «Димка с Валентиной хотят пожениться».

– Молодцы, – улыбается она. – Давно за ними наблюдаю, хорошая пара будет.

– К свадьбе готовятся. Только негде проводить, – говорю.

Она на меня смотрит, ждет: ясно, что я ещё что-то хочу сказать.

– Нина Петровна, а можно здесь свадьбу провести?

– Где? – не понимает она.

– В общежитии.

Улыбка моментально исчезает с ее лица: «Что?!».

– Смотрите. Зал танцевальный тут у нас большой, просторный. Они приглашают человек семьдесят. Я думаю, вполне хватит.

– Ты что, Коля?! Это общежитие! И ты хочешь здесь пьяные драки устроить?

– Но почему драки? Мы будем наблюдать за порядком. Это же не деревенская свадьба, а город все-таки.

– Но приедут-то все деревенские. Да и условия где у нас? Ни столов, ни котлов. Где варить-то? Услышит начальство, меня выгонят с работы.

– А если...

– Никаких если. Разговор окончен, – Нина Петровна резко повернулась и пошла к себе.

Да, я и не подумал. Ведь нужно готовить, варить, нужна посуда...

Но я не сдавался. На следующий день я сидел в кабинете Николая Григорьевича. Я знал, что и он будет говорить так же, как и Нина Петровна. Поэтому подготовился к этому разговору.

– Николай Григорьевич, но мы же сами на каждом собрании говорим, что наша молодежь – это наше будущее, она дружная, целеустремленная, вон, на плакатах на каждом углу видим, что к светлому будущему она идет, и в то же время вы не доверяете этой молодежи, боитесь, что они на свадьбе мебель побьют в общежитии.

– погоди, Коля. Но кто сегодня в общежитии свадьбу устраивает? Это же позор!

– Хорошо, тогда давайте объявим, что свадьбы – это позор, что создание семьи – это плохо. Что лозунги «Семья – ячейка общества», «Крепка семья-крепка держава!» – это так, для газет, а на деле все наоборот. Давайте говорить молодежи, чтобы они не женились, не создавали семьи. Не играли свадьбы...

– погоди, погоди. Никто так не говорит. Но кто разрешит, кто позволит, чтобы в общежитии свадьбы проводили? Там социалистическое имущество, это государственный объект.

– Так это же ваше общежитие, строителей, вы сами говорили. Значит вы хозяева. Что хотите там, то и делаете. Есть же конкретные хозяева этих имуществ. Вот у вас квартира, тоже государственное имущество. Но хозяин-то вы. Вы проводите там дни рождения, скажем, юбилеи, приглашаете гостей, может, танцы устраиваете, поете. Вы же не ломаете в квартире стены, не проделываете дыры кувалдой к соседям. И мы не собираемся на свадьбе стены ломать. А драки... Они и на танцах бывают. А на свадьбе...

– Ладно, не горячись, агитацию прекращай, смотрю, бойко у тебя получается. Подумаем, посоветуемся. Свадьба в общежитии? – он усмехнулся. – Такого у нас еще не было. Иди.

Дня через два сидим втроем: я, Димка с Валентиной в комнате нашей, молодые над многочисленными листочками своими колдуют, я так, со стороны наблюдаю.

Заходит Нина Петровна с дочерью. Вечерний обход, думаю.

Но заведующая с порога: «Но и где варить собираетесь?».

Димка с Валея уставились на нее, не могут понять, о чем она. А мне все понятно. Чуть не подскочил от радости.

– Да они не планировали ещё, думали, не дадут, – говорю, улыбаясь.

– О чем речь, ничего не понимаю? – спрашивает Димка.

Я говорю: «Нина Петровна, я ... мы здесь решим, поговорим, потом к вам подойдем».

Ни Димка с Валентиной, ни Нина Петровна ничего не понимают. Заведующая уходит.

Когда я всё рассказал, молодые долго хохотали. Они тоже не могли понять, как можно в общежитии свадьбы справлять, им это и в голову не пришло. Но немного порассуждав, начали размышлять, как можно организовать варку пищи, обеспечить посудой и решить прочие сопутствующие проблемы.

Я же, окрыленный успехом местного масштаба, решил еще чем-то помочь молодоженам. Когда они в очередной раз обсуждали список родственников, я спросил: «Дим, а где твой отец сейчас?».

– Он в другом районе живет. Вроде семья, дети, – ответил Димка.

И я, почему-то, тоже не говоря ему ничего, решил найти Димкиного отца. До его деревни часа три ходу на автобусе. Сказав Димке, что еду в гости к однокласснику, я в субботу отправился искать этого человека.

Нашел. Но разговор у нас продлился минут десять, не больше.

Это был человек, чем-то похожий на Димку. Вернее, Димка на него. Не очень высокий, полноватый, но еще крепкий, по виду. Спросил, чего я хочу.

– Я с Димкой живу, в общежитии, в одной комнате.

Не увидел на лице его ни радости, ни удивления.

– Но... и?

– У него свадьба восемнадцатого числа.

– Что потом?

– А вы бы не могли приехать, свадьба в городе будет, в общежитии пятиэтажном, прямо рядом с вокзалом?

– Он тебя послал?

– Нет, я сам, он даже не знает, что я к вам поехал.

– А тебе это зачем? У него денег не хватает на свадьбу?

– Нет, но... вы же его отец... вы должны...

– Слушай, пацан, кто ты такой, чтобы меня учить? Должен я что-то, не должен, какое твое дело? Ехать на свадьбу, на поминки, или не ехать, я решу как-нибудь без твоей помощи. А ты пока молоко на своих губах просуши, потом ходи, указывай взрослым, что им делать.

Он громко хлопнул калиткой, пошел к себе в дом. А разговор у нас происходил на улице, за воротами его дома. Я стоял, смотрел ему вслед. Он, даже не повернувшись, скрылся в доме.

На улице мороз, а меня как будто горячей водой облили, стою, весь горю. Потом пошел, шел медленно, дошел до тракта, поймал попутку и уехал в город. Так до города и думал об этой короткой встрече.

И свадьба все-таки состоялась!

Почему-то я с удовольствием окунулся в процесс подготовки этого мероприятия, охотно помогал Димке, даже что-то подсказывал, излагал свои соображения. Наверное, здесь проснулись мои организационные навыки в проведении школьных мероприятий. Там-то я был заводилой.

С удовольствием согласился стать «свидетелем», хотя до конца не понимал, что это такое. Но когда выяснилось, что их, этих «свидетелей» должно быть два, девушка и па-

рень, а девушкой будет Надежда, заскучал. Начал соображать, как бы отлынуть от этой обязанности. Вопрос решился быстро. Когда разговор зашел о том, что свадьбу нужно фотографировать, а у меня был фотоаппарат «Киев», сразу же я был переведен с должности «свидетель» на должность «фотограф». А вместо меня Димка должен был попросить кого-то из своей бригады.

Очень сильно помогала Нина Петровна. Она сходила в столовую, там у нее знакомая работает, договорилась, что в столовой повара еду сварят, предоставят посуду лишнюю, баки, чтобы можно было принести сваренное. Благо, до столовой «Юбилейная» недалеко, через пару домов. Потом она сводила Димку с Валентиной к поварам, они обсуждали, какие блюда готовить, какие продукты нужно доставить в столовую.

Потом собрала всех обитателей общежития во главе с Василием, нашим соседом, склонных к нарушению общежитских правил, попросила их следить за порядком на свадьбе, а старшим назначила Василия.

– Чтобы на свадьбе были как стеклышки, напьетесь, всех повыгоняю. Люди приедут из деревень, не посрамите нас. Надо будет двум у входа стоять, не запускать, кого попало, будут валить, думая, что танцы идут, котлы с едой перетаскивать будете, и еще раз говорю, не пить! Свадьба закончится, тогда да, у себя, – инструктировала она.

– Так нельзя же в комнатах пить, – съязвил Василий.

– А ты не пей, спрячь. В гости пойдешь к кому-нибудь, захватишь, – Нине Петровне палец в рот не клади.

Она дала команду своим работникам, чтобы они зал разукрасили, шары повесили, плакаты подготовили.

Подружки, родственники молодых помогали, кто чем может: везли, тащили в общежитие посуду, скатерти, разные безделушки для украшения зала; из деревни приехала

различная еда: мясо, заготовки, солонина, варенья, компоты и так далее и тому подобное.

На Димкиной работе обещали сколотить столы и скамейки, работники общежития должны были отвечать за музыкальную часть свадьбы.

Родственники, родители скинулись на свадьбу, Димка с Валентиной копили с зарплат; время от времени они пересчитывали эти деньги и настал день, когда молодые радостно сообщили, что рубеж в четыреста рублей преодолен. В этих купюрах затерялись и мои десять рублей. В общем, «с миру по нитке...».

Димка с Валентиной все бегали по магазинам, приобретали костюм, свадебное платье, кольца, многое другое. Сходили в ЗАГС, написали заявление, а вечерами всё сидели со своими списками. Возникали проблемы.

Нужна машина легковая в этот день, в ЗАГС ехать. Так принято, не пойдут же они пешком. Вариантов у молодых не было. Я сказал, что попробую попросить парня в бригаде, у его родителей есть «Жигули», может, даст.

Вы поняли, кого я имел в виду. Петьку Олейника. Даже не надеясь на положительный результат разговора, я встретился с Петькой. Каково же было мое удивление, когда он просто спросил: «Когда свадьба?». Не стал говорить, что у родителей спросит, не стал искать причины, чтобы отказать.

- Восемнадцатого, – говорю. – Восемнадцатого декабря.
- Хорошо, подъеду. Куда и во сколько?
- К общаге нашей, около вокзала, знаешь же?
- Конечно.
- Им в ЗАГС надо в двенадцать.
- Ну, значит, в одиннадцать тридцать буду. Еще сколько машин будет?

Я непонимающе смотрю на него.

– Я говорю, кроме моей машины, еще сколько машин в ЗАГС поедет?

– Н-нисколько. Только твоя, вернее, одна, наверное.

– На одной машине? Смотри, в одну машину поместятся только молодые и свидетели. Все. А родственники? Родители? Пешком пойдут? Молодые потом поедут по городу кататься, фотографироваться, родители за машиной побегут? Их-то хотя бы надо в машину посадить, но, а остальные до ЗАГСа пусть пешком идут. После ЗАГСа куда еще поедете?

– Не знаю. А куда надо? Обратно, в общагу, наверное. Свадьба там будет.

– Ты что, сдурел? Молодые по городу должны поездить, к Вечному огню там, еще куда. В общем, так. Вижу, молодым ты собираешься праздник испортить. Слушай меня внимательно. Мы подъедем с другом, я его попрошу, на двух машинах. Восемь мест, то есть поедут восемь человек. На одной, я уже сказал, сядут жених с невестой и свидетели. На второй еще четыре человека. Сами решайте, кто. Родители, братья-сестры. После ЗАГСа поедем на Площадь, к памятнику Ленина, цветы возложить надо. Потом к Вечному огню, в парке Победы. Съездим к Золотому Ключику, недалеко от города, километров тридцать, пусть молодые фотографируются, на память. И только потом в общагу. Понял? Цветы захватите, шампанское, конфеты можно. И обязательно фотографа найдите. Нашли, поди, уже?

– Нет. Ой, да, есть фотограф, есть.

– Все у меня. Горе-организаторы свадеб, – покачал головой Петька и пошел в сторону.

Я еще долго стоял на месте, не мог поверить, что это не сон. И старался тут же запомнить, о чем говорил Петька.

А вечером, с видом человека, всю жизнь занимающимся только свадьбами, говорил важно Димке с Валентиной, усадив их рядом:

– ...А на второй машине сами решайте, кого посадить, четыре места. Прихватите шампанское, цветы, поедем к памятнику Ленина, на площадь Победы, за город съездим, до Золотого Ключика...

И этот день настал. С утра и наша комната, и комната Валентины с Надеждой были полны гостей. Это были матери молодых, две сестры и брат Димки, родственники Валентины. Все суетились, одевали невесту с женихом, искали какие-то ленты, еще что-то, рассуждали, сколько взять шампанского, стаканов.

А у меня своя забота. Я заранее купил три фотопленки на «72», одну зарядил в фотоаппарат, две другие рассовал по карманам, приготовил шарф, чтобы оборачивать фотоаппарат, когда будем на улице. Но больше всего я волновался за машину, то есть за две, как обещал Петька. Приедет ли он? Ведь так легко он согласился. Уже в одиннадцать часов я стоял на первом этаже, около вахты. В танцевальном зале тоже суетились люди, был слышен голос Нины Петровны. Но я даже не заглянул в зал, я все поглядывал в окно, не подъедет ли какая машина. Я знал, что у Петьки машина красная, раза два подъезжал он на ней на работу. Но пока ни красной, никакой. Через каждые пару минут спрашиваю у вахтера время. Она тоже стала со мной волноваться.

– А точно полдвенадцатого обещали? – спрашивает.

– Да, – отвечаю, но голоса своего не слышу. Исчез от волнения. Я кашлянул:

– В одиннадцать тридцать. Красная машина.

Но уже одиннадцать тридцать пять, одиннадцать сорок, никого. Я весь вспотел. Не отрываю глаз от окна. Машин нет, только люди, выходят, заходят.

– Но, генералы свадеб, даже снег не можете в такой день почистить! – доносится чей-то голос, вроде как знакомый.

Я его видел, этого человека, когда он подходил к двери с улицы, не обратил внимания, я машины высматривал.

Передо мной стоял улыбающийся высокий красивый парень в дубленке, норковой шапке. Петька! Я, было, обрадовался, но сердце упало: пришел без машины...

А он, продолжая улыбаться, протягивает руку: «Говорю, снег-то уж можно было почистить, чтобы машины к крыльцу могли подъехать? За углом стали».

– Приехали? На двух машинах? – выдохнул я.

– Договорились же. Зови своих, я в машину, – сказал Петька и пошел на улицу.

Ни до, ни после так быстро я не преодолевал лестничные марши до четвертого этажа. Залетел в комнату, закричал: «Машины приехали, выходите!». Наверное, эту фразу можно было заменить на «Пожар, выбегайте!», точнее соответствовала бы ситуации.

А я уже мчался вниз, на улицу, чтобы убедиться, правда ли стоят машины, и чтобы не уехали, не дай бог.

Действительно, до крыльца ведет только тропинка, как мы не догадались почистить, ясно, что машина не проедет.

Свернув за угол, я увидел красивейшую картину: рядом друг за другом стояли чистенькие две машины, одна красная, другая белая. Они были украшены какими-то ленточками, цветочками и еще чем-то. Мне захотелось заплакать. Но я собрался, сделал серьезный вид, начал командовать приближающейся толпой: «Так, молодые со свидетелями в красную...».

Со мной в другую машину сели матери молодых и брат Димки. А водителем был щупленький парень, может быть, чуть старше меня.

– Двери хорошо закрыли? – оглянувшись назад, спросил он. – Едем.

Когда мы подъехали к ЗАГСу, нас встретило много народу. Это были родственники молодых, подружки Валентины,

парни из бригады Димки. Под веселые возгласы все стали заходить в здание ЗАГСа.

В вестибюле мы разделились и ждали некоторое время. Потом открылась дверь и под марш Мендельсона молодые и все остальные прошли в просторную красивую празднично наряженную комнату.

Моя задача – фотографировать. А когда этим занят, не очень вникаешь в само действие: что происходит, кто что говорит. Ты должен выбрать выдержку на фотоаппарате, в зависимости от того, в помещении находишься или на улице, определить примерно расстояние и выставить, выбрать место, откуда лучше фотографировать и так далее. Поэтому, я не сильно слушал, что говорила работница ЗАГСа. Да, она говорила, что создается новая семья, это стране хорошо, желала успехов и все в этом духе. Предлагала молодым кольца одеть на пальцы; молодые делали вид, что только сегодня видят эти кольца, хотя их они купили давно, еще примеряли и в магазине, и в общаге сто раз одевали. Потом они целовались, стесняясь, затем все распивали шампанское, мамы что-то говорили. А я ходил вокруг, выбирал хорошие ракурсы и снимал.

Потом снимал на улице, у памятников, у родника за городом. Было холодно, молодые быстро убегали в машину.

Когда мы подъехали к общежитию, все были уставшие и замерзшие.

Люди уже собрались в фойе, Нина Петровна командовала мероприятием. Молодых отпустили в комнату, скинуть зимнюю одежду, а когда они ушли, Нина Петровна объясняла, как нужно встречать молодых, что делать. Тут я вспомнил про Петьку и побежал на улицу. Петька со своим другом снимали со своих машин украшения. Подошел, говорю: «Вы тоже проходите, за стол».

– Да нет, Колька, – отвечает Петька. – Поедем мы. Гостей развлекайте.

– Ладно, я с Димкой поговорю тогда, денег принесу в понедельник, – говорю я.

– Да ну тебя, ничего не надо, – отвечает Петька.

Я помог освободить машины от лент, потом они попрощались, машины поехали и скрылись за поворотом.

Забегая вперед скажу, что когда я в понедельник принес Петьке шампанское, бутылку водки и конфеты (Димка собрал), он все это выложил на стол. Конфеты тут же разошлись, а бутылки Степан быстро спрятал в сейф: настанет их время. А я, по-моему, уже перестал удивляться действиям Петьки.

Когда я вернулся в общежитие, проводив Петьку с другом, все уже были в танцевальном зале, сидели за столами. Меня у дверей встретили двое мужчин в праздничной одежде: в выглаженных брюках и красивых рубашках. Это были Василий и его закадычный друг, тоже Колька! А какие важные и солидные. Я невольно залюбовался ими. Ведь могут же! Стоят, приветливо улыбаются.

Я чуть не расхохотался, но сдержался. Тоже улыбнулся, поздоровавшись с ними за руки, скорее сбегал в свою комнату, скинул одежду, проверил фотоаппарат, не запотел ли, протер и побежал вниз.

Войдя в зал, мне показалось, что оказался в другом помещении. Я вчера видел, как колотили из досок ребята из Димкиной бригады столы и скамейки, а сегодня это были красивые столы в два ряда, скамейки были покрыты разноцветными дорожками, а столы, покрытые светлой скатертью, были заставлены едой: салаты в тарелках, мясо кусками, соленые помидоры, огурцы, капуста, конфеты, компоты, спиртное: пиво, водка, коньяк кое-где, шампанское. Глаза разбегались. С потолков свисали украшенные

нитки, на стенах висели красивые плакаты, шары, цветы. Мельком окинув взглядом эту красоту, я приступил к своим прямым обязанностям, фотографированию. Уже кто-то говорил тост, я ходил между рядами, выбирал хорошие моменты, щелкал фотоаппаратом. Все сидящие были нарядные, в красивых одеждах, особенно женщины и девушки. Залюбуешься.

Нина Петровна командовала отлично, сперва перезнакомила всех присутствующих, давала слово для тостов, весело комментировала. Поздравляющие преподносили молодым подарки, говорили хорошие слова. А после первых двух тостов стало шумно, трудно было расслышать слова выступающих.

И тут неожиданно появился в дверях Николай Григорьевич. Со свертком в руке. Нина Петровна опешила вначале, но потом взяла себя в руки: «Проходите, проходите, Николай Григорьевич, за стол садитесь». А садиться-то некуда, и так, опоздавшим стол прилаживали, на котором проигрыватель стоял, к длинному столу впритык, стулья приносили. Но Николай Григорьевич сориентировался сразу, сказал: «Да не беспокойтесь, я на минутку. Я молодых только поздравлю».

Он подошел к молодым: «Я знаю, вы друзья Николая, который работает в нашем ПМК. А молодой друг его, зовут... да, Дмитрий, работает в ЖБИ. А невестка швеей работает. Конечно, в первую очередь я желаю вам крепкого здоровья. И чтобы вы так и прожили свою жизнь, вместе, рука об руку, как сейчас сидите. И на работе чтобы вас ценили. Но жизнь складывается по-разному. Кто знает, вдруг вам захочется в другом месте поработать, поближе к друзьям. Вон, Надежда-то, которая с невесткой живет, у нас уже считается передовиком, отличным штукатуром-маляром».

Николай Григорьевич стал разворачивать свой сверток. Это была строительная каска и штукатурный мастерок.

– Так вот, молодые. Кто знает, вдруг вы надумаете идти к нам работать. Ведь там ваши друзья работают, Надежда с Николаем. Тогда у вас уже будет, с чем приходить.

Николай Григорьевич под ободряющий гул, смех и аплодисменты одел на голову Димки каску, а Валентине вручил мастерок.

Нина Петровна нашла все-таки место за столом для Николая Григорьевича, но он отказался.

– Извините, ребята, но тороплюсь. Я на минуту зашел. Машина на улице ждет. А вы гуляйте, гуляйте, у вас так красиво, молодцы, Нина Петровна, все молодцы!

Николай Григорьевич пошел к выходу, мы с Ниной Петровной пошли его провожать. В вестибюле я их сфотографировал, Николай Григорьевич еще раз попрощался, пошел на улицу, я вышел следом.

– А ты чего, холодно же? – спрашивает.

– Да ничего, жарко в зале.

– Смотри, не простынь, – он вытащил из кармана перчатки, надел одну на левую руку, подал правую. – Пока, хорошо погулять, а я пройдуся, я тут недалеко живу.

И пошел по тропинке.

– А вы же сказали, что вас машина ждет, – говорю ему вслед.

Он улыбнулся: «Еще раз до свидания!», махнул рукой и, не останавливаясь, продолжал идти.

Я вдруг вспомнил, крикнул вслед: «Николай Григорьевич, спасибо, что разрешили!».

Николай Григорьевич ничего не ответил, даже не повернулся, поднял руку, помахал вроде того, что «не стоит», и молча продолжал идти, неторопливо, чуть раскачиваясь, как и ходят пожилые люди, а снег под его ногами хрустел. В конце дома он свернул за угол. А я стоял, смотрел в ту сторону. «Откуда он всё знает, – думал я. – Как зовут молодых, кто с кем живет в комнате, кто где работает...».

Потом, вспоминая Димкину свадьбу, я в первую очередь видел эту картину: зима, темно, на небе звезды, Николай Григорьевич, уходящий по зимней дорожке и хрустящий снег под его ногами...

А свадьба была в самом разгаре. Руководил свадьбой уже Василий, мой сосед, он оказался красноречивым балагуром, объявлял песню, девчонки меняли пластинку на проигрывателе, Василий приглашал всех танцевать шейк на свободное место между столами, под «Облади-облада», потом ставили песню Ободзинского «Эти глаза напротив», и Василий, пригласив красивую тетю, кружил с ней в вальсе. Я не узнавал нашего Василия, его глаза горели, он был такой веселый и счастливый. Надо же, как меняются люди.

А я только успевал щелкать фотоаппаратом. Очередная пленка закончилась, нужно идти менять. Выйдя в фойе, я увидел выходящего мужчину. Чем-то эта спина показалась знакомой. Я вспомнил спину Николая Григорьевича и улыбнулся. А на вахте тетя Вера удивленно держала коробочку и смотрела вслед выходящему мужчине, потом смешила взгляд на меня. Я подошел к тете Вере.

– Странно, в зал заходить не стал, передал коробочку, говорит, молодоженам отдайте, – ничего не понимая, говорит она. – Даже не успела спросить, кто такой. Быстро ушел. А что в коробке, Колька, посмотри.

Открыв коробку, мы увидели двое часов, мужские и женские. Они были красивые, Тетя Вера залюбовалась ими: «И от кого сказать, непонятно».

– Передайте молодым, скажите, от родственника.

Я торопился, побежал менять последнюю пленку. Поменял, присел на койку и вдруг такая усталость на меня навалилась. Я кое-как заставил себя спуститься вниз. Народ уже отплясывал «цыганочку» под гармошку. Я еще немного пофоткал и вернулся в комнату. Лег на койку и моментально

уснул! Не знаю, сколько проспал, проснулся, когда в комнате появились люди.

– Но ты даёшь! – Это был Димка. – А мы тебя потеряли. Мы пошли к родственникам Валентины, вряд ли придем сегодня, а ты сходи, хоть покушай.

Действительно, оказалось, что я с утра ничего не ел. Хотя, и утром, ел ли?

Придя в себя после короткого сна, сполоснув лицо, я спустился в зал. Народ уже разошелся, музыка не звучала, в зале за одним столом сидели друзья Василия. Рядом хлопотала Нина Петровна. Редкий случай: человек, который должен пресекать распитие спиртного в общезитии, разливает водку важно сидящим за столом самым злостным нарушителям главного пункта правил проживания в общезитии.

– Колька, ты куда делся? – зовет она меня за стол. – Садись, поешь, выпей за своего друга.

Да, не представлял оказаться в такой обстановке в такой компании. Мы дружно чокнулись стаканами, выпили. Я жадно набросился на еду.

– А где ваш командир, мой сосед? – спрашиваю.

– Васька? – улыбается Николай, его друг. – Пошел провожать Галину, уж очень красиво они танцевали. Боюсь, танцами дело не закончится.

Все засмеялись.

– А чего такого? – сказала Нина Петровна. – А вдруг – судьба? И Васька за ум возьмется, и свадьбу еще сыграем. Вы себя показали, положиться на вас можно.

Нина Петровна оглядела мужиков, они сидели довольные.

Свадьба закончилась. Я старался перекрутить заново этот день. Мы так долго готовились, было ожидание чего-то грандиозного, красивого и необычного. И вот теперь хотел это вспомнить. Но ничего такого не вспоминалось.

Оказалось, что я её толком-то и не видел, эту свадьбу. Пока машину ждал, волновался, пока высматривал, как лучше сфо-

тографировать, пока менял пленки. Даже не запомнил выступающих. Хотя их было много. И с ЖБИ был какой-то чиновник, и со швейной фабрики. Комсомольцы выступали, родственники. Дарили подарки, мебель, посуду, белье постельное...

Потом, уже лежа в кровати, перед сном, старался вспомнить, о чем говорили выступающие. Толком-то ничего не запомнилось. Только врезалось в память, что много говорили, что это день особенный, самый счастливый и радостный. И его молодожены будут вспоминать всю жизнь.

Погодите, что получается? Мне казалось, что именно после свадьбы жизнь молодых должна быть счастливее и лучше. А получается, что у них больше таких счастливых дней и событий не будет. Только эта свадьба. Странно...

Но тут я вспомнил лица Димки с Валентиной, когда они меня будили после свадьбы. Они были счастливы, на их лицах была такая радость, они были такими веселыми. А ведь на их-то плечи свалилось в последнее время проблем и забот побольше моего. И мне тоже стало радостно.

Тут я вспомнил мужчину, который передал коробочку тете Вере. Уже там, на вахте я понял, кто это. Уж очень хорошо я запомнил его спину. Три недели назад, в той деревне. Где хлопнув дверью, он уходил, не повернулся.

Но всё-таки он пришел...

Глава 19.

«...в баню тянется народ»

Зимние дни скоротечны. На работу идёшь – темно, вечером возвращаешься – снова темно. Пока помылся, поел, сходил вниз, новости посмотрел, уже день прошел. Поболтать вечером не с кем.

В комнате ведь я снова остался один. Димка после свадьбы стал сразу квартиру искать. И нашел быстро. У родственников Валентины была старая бабушка, она умерла летом, а избушка пустовала. Её и предложили молодым. Димка все бегал ремонтировал. Потом они с Валентиной переехали туда жить.

Вскоре я сходил к ним в гости. Димка пригласил меня в выходной день. Оказывается, эта избушка находится в том же районе, за стадионом «Динамо», где Васька Новоселов живет. Нашел я её быстро.

Это был небольшой домик. Старый, даже чуть покосившийся, рядом небольшая сараюшка, баня, тоже старенькая, огород, кустарники, деревья, несколько штук.

Валентина хлопотала около печки, встретила весело: «Проходи, Коля, проходи. Не стесняйся. Это наши хоромы. Смотри, головой балку не задень, снимай шапку, раздевайся».

Я выкладываю на стол гостинцы (в гости же к ним пришел в первый раз!): бутылку вина, хлеб, молоко, пряники. Раздеваюсь, осматриваюсь.

«Хоромы» представляли собой жилище из двух небольших комнат с низеньким потолком, неоштукатуренными бревенчатыми стенами, скрипящим полом.

– Хоромы, не хоромы, зато мы здесь хозяева, – ворчал Димка. – Надоело мне в общаге жить. Здесь наши правила. А там: не приводи кого чужого, не приходи поздно, не пустим. А куда мне после второй смены, на улице спать? В первые дни кое-как в общагу проходил, не пускают на вахте: не живешь ты здесь!

Димка присел около печки на чурочку, приоткрыл печную дверь, подкинул поленьев, посмотрел на огонь, прикрыл печку.

– Я человек деревенский, свободный, не могу по ихним правилам жить. Вот, даже печь затопить как приятно, люб-

лю, когда в доме огонь в печке играет. И тепло, и на душе хорошо.

– Печка не дымит? – спрашиваю.

– Да я её подремонтировал малёхо. В сарае глину нашёл, трубу отстучал, там снег был, в первый раз затопил, полдня дымила. Потом оттаяло, ничего. Только вот плита треснутая, менять надо.

– Вижу, баня во дворе, будешь париться приглашать.

– Нет, Колька, не буду. Пока не буду. Я её в первую очередь осмотрел. В ней уже не мылись, думаю, давным-давно. Печка из простой бочки совсем проржавела, пол тоже весь провалился, видать, и лаги и столбики сгнили. Стены вроде бы ничего, но тоже смотреть надо, в каком состоянии нижние венцы. Но все летом. А пока в городскую баню ходи.

– Ладно, городская баня тоже ничего, но настоящая, деревенская, другое дело. Летом отремонтируешь, буду бегать к тебе. На стадион, на пробежку, и к тебе сразу, в баньку. Дом-то тёплый?

– Холодный, Колька, холодный. Дует, то ли из щелей в стенах, то ли с пола. Надежда обещала щели промазать изнутри, – жалуется Валентина.

– Конопатить надо, летом. Я уже прикинул, что нужно на ремонт. Доски в баню, мох, дров побольше. Дров много надо, топим-то постоянно, дом холодный. В сарае дрова уже кончаются. – Димка улыбнулся, сменил тему. – А Надежда-то одна осталась в комнате, в гости к ней ходишь?

А я тоже в сторону: «Димка, ты будешь меня сегодня чаем поить?»

Хозяева засуетились, забежали вокруг стола.

Мы весело чаевничали, смеялись, вспоминали, как готовились и проводили свадьбу, как вечерами собирались вчетвером в общежитии...

Я не увидел сожаления в их лицах, не услышал и в разговоре, что они жалеют, что ушли из тёплого общежития в неустроенную мерзлую, заброшенную зимнюю избушку.

Наоборот, они с восторгом рассказывали, как они будут возиться в огороде, что они посадят, какие разведут цветы, как будут ремонтировать эту избушку. И на их лицах была такая уверенность, такая смелость, что верилось, что у них всё получится. Они хотели жить своей, самостоятельной жизнью, так, как они хотят, без чьей-то указки и чужих правил. Они выбрали свободу. Да, есть сегодня у них какие-то бытовые проблемы и неудобства, но они верили, что все это они преодолют. И я был очень рад за них.

После чаепития Димка повел меня на улицу, показать свое хозяйство. Он сразу начал комментировать.

– Смотри, огород какой большой. Картошку посадим весной, грядки разобьем. Смородина растет, несколько кустов, в стороне малина, две яблони, груши чуть подальше.

– Как ты их различаешь? – спрашиваю. – Листьев-то нет же.

– А как не различать, я же вырос среди них, помню даже, маленький был, мама оставит возле куста, а сама ягоды собирает. А я только ел. Но, а вырос, уже понимал, как за ними ухаживать. Видишь, веточки малины уже старые, их нужно отламывать и выбрасывать, деревья тоже уже без ухода стоят, видно же. Особенно яблоньки.

– По мне так, что яблоня, что груша, один черт, у нас они не растут.

– Вот придешь к нам осенью, яблоки будешь кушать, груши. Пойдем, баньку покажу.

Баня была совсем старая, покосившаяся, из тоненьких потрескавшихся бревен. Рядом с дверью было небольшое окно с разбитым стеклом, перед входом был открытый навес, немного дров в поленнице.

Димка кое-как открыл дверь, она не поддавалась.

– Примерзла, что ли. Осторожно, далеко не проходи.

В бане было темно, несмотря на то, что и окошко было, и дверь была открыта. Мы немного, чуть согнувшись, постояли, чтобы глаза привыкли к темноте. Осмотрелись. Изнутри она оказалась совсем маленькой. Я с Димкой далеко не баскетболисты, но наши головы упирались в потолок, доски под ногами скрипели. А посередине две доски были сломаны и лежали между лагами. Печка из бочки местами просвечивала: прогорела. Только полати и скамейки из двух досок имели приглядный вид. Я осторожно присел на скамейку, Димка сел рядом. Он посмотрел на меня, сказал: «Только летом и займусь здесь ремонтом». Мы немного посидели, потом он поднялся. А я продолжал сидеть. Он посмотрел на меня, видит, что я что-то надумал.

– Да нет, Колька, только летом, а сейчас ково, здесь много чево надо.

Я промолчал. Потом резко приподнялся, говорю: «Пошли!».

– Куда?

Но я уже шел к калитке. Я направлялся к дому Васьки Новосёлова. Дом его был совсем недалеко. Я вспомнил, что когда мы были у Васьки, он хвастался, что баню новую поставил, и печь заменил, хотя и старая бы еще послужила. Я помнил, что его старая печь стояла прямо у ворот. И мне хотелось скорее увидеть, на месте ли она.

Димка еле поспевал за мной, спросил, куда мы идем. Я отмахнулся: потом.

И как я был обрадован, когда под сугробом снега банная печь стояла на том же месте.

Васька был дома. Жена его хлопотала у печки, а Васька сидел перед телевизором. Он очень удивился, когда увидел нас.

– Раздевайтесь, чай будем пить.

– Нет, Вася, некогда, – говорю. – Да мы с другом, Дима зовут, баньку решили подремонтировать, помощь нужна, то есть совет. Он здесь недалеко квартиру снимает, через пару домов. Сходим, подскажешь, как.

– Хорошо, почему бы не помочь, – он стал собираться.

Димка хотел что-то сказать, но я его перебил:

– Только фонарик возьми, темно уже, там света нет. Есть фонарик?

– Конечно есть, возьму.

Жена Васьки недовольно посмотрела на нас, но ничего не сказала.

Мы вышли. На улице Димка опять что-то хотел сказать, но я его дернул за рукав. Он промолчал.

Когда мы приблизились к дому, Васька воскликнул: «Так это же дом бабки Марфы. Она померла, по весне, по-моему. Дом долго пустовал, а потом недавно гляжу, дым идет из трубы, ну, думаю, кто-то поселился... О, как вспомню, как мы пацанами к ней в огород лазили. Такие яблоки у ней были вкусные...»

Осмотрев баню, Васька присел на скамейку, закурил. Мы ждали, что он скажет. Затянулся сигаретным дымом пару раз, начал говорить.

– Ну что. Стены, потолок не трогаем. Так сойдет. Поменять печку надо, пол отремонтировать, нужны доски три-четыре. Дверь пока тоже пойдёт и так, стекло в окне разбитое нужно поменять. Но самое главное, печка. Труба вроде нормальная, еще не прогорела, а печке хана. Только выбрасывать.

Он посмотрел на нас: «Печь-то есть?».

– Нет, – говорю. – Нету печки. А эта что, совсем не пойдет?

– Нет, конечно, о чем речь. Видишь, фонариком в печку свечу, и из всех дырок свет идет. Как только они баню не подпалили.

Васька еще раз осмотрел баню, подсвечивая фонариком, спросил: «Веревка есть?». Но тут же: «А, есть». Увидел кусок тонкого шпагата на гвоздике в стене, передал мне фонарик, чтобы подсветил, а сам, сняв шпагат, начал прикладывать его к окну, связывать узелки. Мы ничего не понимали, но и не спрашивали.

Мы вышли на улицу. Васька посмотрел на яблони, усмехнулся: «Те были побольше, на которые мы лазили, эти уже другие, но тоже уже постарели».

Потом сказал: «Есть у меня печка. Банная. Старая, но еще послужит. И доски найдем. Что нужно? Кирпичей, штук десять-пятнадцать, раствору с ведро. Решим. Планируйте на ту субботу, в бане будем мыться».

Он попрощался и пошел.

Димка только успел спросить: «В какой бане?».

Васька даже не повернулся, только ответил громко: «В вашей».

Димка ничего не понимал до конца. А мне было все понятно. И радостно, что Васька отдаёт свою старую банную печь. Ведь и так было ясно, что самое главное на данном этапе – это печь. И я специально не спрашивал про неё, думал, может, он пообещал уже кому. Да и лучше, когда человек сам предлагает.

На следующий же день, на работе, Васька повел меня к стекольщику, в первый дом.

– Гриш, стекло нужно, в баню, – он вытащил из кармана вчерашнюю веревочку, на котором были три узелка, показал стекольщику. – Между этими узелками – ширина, а между этими, где расстояние длиннее – длина.

– Ясно, – сказал дядя Гриша, выбрал нужный кусок из стопки остатков стёкол, приложил пару раз веревочку, сделал два реза, отломил лишнее, подал Ваське. Васька передал мне: «Только не разбей, осторожно, и руки не по-

режь». Когда я уже уходил со стеклом, Васька крикнул: «Погоди, Колька. Гвоздей у твоего друга, думаю, тоже нет. Гриш, дай ему гвоздей».

Стекольщик взял из небольшой коробочки горсть мелких гвоздей и высыпал мне в карман. Сказал: «Прибивай стамеской, а если молотком, от стекла не отрывая, а то стекло разобьется. Видел же, как я штапики прибиваю к оконным рамам?».

Я ответил: «Да, видел, всё понятно».

– Хорошо, давай. Если что, подходи.

А с кирпичами вышло так. Васька про нашу историю с ремонтом бани рассказал Витьке Карманову, и о том, что нужны кирпичи. А у того сосед на машине работает. Коро-че, подвезла к нам на стройку через несколько дней машина кирпичи, выгрузили краном поддоны с кирпичами, Витька кричит снизу: «Мишка, отпусти Кольку на полчаса, дело, есть». Михаил Чечушев спрашивает: «А что случилось?».

– Да ничего, – отвечает Витька. – Быстро надо, потом расскажу,

Михаил пожимает плечами, кивает мне: «Сходи, может, помочь чего надо».

Я спускаюсь, иду к машине, Витька мне тихо говорит: «Садись в машину, Петька тормознет около общаги, кирпичи выгрузишь, стаскай пока в комнату, потом перетащите, куда надо».

Я спрашиваю: «Какие кирпичи, ты о чем?».

Теперь он удивился: «Но вам же кирпичи нужны были, какую-то баню ремонтируете».

Только теперь до меня дошло, это понял и Витька, открыл кабину, затолкнул меня и закрыл за мной дверь. Я гляжу на шофера, он спрашивает: «Это около вокзала общага?».

– Да.

Около общаги он тормознул, сказал: «Полезай в кузов». А сам стал выходить из кабины. Я полез в кузов, гляжу,

в углу кирпичи лежат. Стою, не знаю, что делать. Снизу шофер окрикнул: «Ты что там, уснул? Давай скорее, подавай сюда». Я, словно очнувшись, сорвался с места, скользя, чуть не падая, бегу по мерзлому металлическому полу машины, лихорадочно беру по два кирпича, подаю стоящему рядом с кузовом шоферу. Подал ему все кирпичи, спрыгиваю сам вниз. А шофер уже газанул и умчался. Я стою, не знаю, что делать с этими кирпичами. Стал оглядываться по сторонам. Казалось, ко мне уже торопится наряд милиции. Но никого, и прохожим нет дела до моих кирпичей. Но что-то надо делать. Скинув с себя фуфайку, положив на снег, начал туда складывать кирпичи. Отсчитав пять штук, взялся за полы и рукава фуфайки и подняв, потащил к общаге. Дотащив до крыльца, стал открывать дверь, но в это время мои кирпичи посыпались на пол. Один кирпич сломался. Я лихорадочно стал их собирать и затаскивать в помещение. Тетя Лена на вахте приподнялась из-за своей перегородки, посмотрела ничего непонимающим взглядом. Спросила: «Нина Петровна просила?». Но я не ответил, торопился на улицу, нужно скорее остальные перетаскать, пока милиция не подросла. Вторую партию пяти кирпичей я завернул в фуфайку уже компактнее, при входе в общежитие не растерял. Третья партия была тоже из пяти кирпичей, значит, было их всего пятнадцать. Таким же способом я их перетаскал в комнату. Тетя Лена уже ничего не спрашивала, даже принесла веник и стала подметать осколки кирпича. А я скорее торопился уже на работу. По дороге взглянул на тот знакомый плакат, на девушку в каске. Да, вряд ли она доберётся до коммунизма с такими гражданами, как я. Всё по дороге растащим.

Потом, уже в спокойной обстановке Витька рассказал, как было дело с кирпичами. Он попросил Петьку, своего друга и соседа, чтобы он при выгрузке кирпичей по не-

сколько штук скинул с поддонов в кузов, и чтобы он довез их до общаги. Заранее мне не сказал, не знал, как я себя поведу...

А с ведром раствора вообще проблем не было. Васька сказал Семкину, что заведующая общежитием попросила ведро раствора, что-то там подремонтировать. Семкин пожал плечами: бери, мол, какой вопрос. В пятницу Васька к вечеру набрал ведро раствора и помог мне дотащить до общежития. Только сказал, чтобы я воды налил и помешивал.

И в субботу работа началась. Первым делом я с утра сбежал к Димке. Нет, не так сказал, не сбежал, а тащил в мешке к нему пять кирпичей. Тяжелые, всё-таки. Потом Димка прихватил из дома еще один мешок, мы вернулись в общагу, сложили остальные кирпичи в мешки, закинули на плечи, взяли ведро раствора с двух сторон и потащили. Отдыхали и менялись местами раз пять или шесть. Потом, как и договаривались, пошли к Ваське. Тот нас уже ждал. Приготовил веревки, очистил банную печь от снега. Втроем мы перевернули печь на бок и по снегу потащили к Димкиному дому. Перед тем, как затащить печь в баню, поставили её на попа на улице, отстучали, освободили от грязи и ржавчины.

Работой командовал Василий. Выровняв место под печь, он замерил размеры печи, стал выкладывать на раствор основание из кирпичей. Кирпичей понадобилось даже меньше, двенадцать штук. «В хозяйстве сгодится», – сказал Васька, откладывая оставшиеся кирпичи в сторону.

Затащив печь в баню, мы установили её на кирпичное основание. Остатками раствора Василий закрыл образовавшиеся щели между кирпичами и печью. Начали возиться с трубой. Провозились очень долго. Приспособляли жёсть к потолку, Васька два раза сходил к себе домой:

то нужно было вырезать жезь, но не было ножниц по металлу, то нужных гвоздей, то еще чего-то.

Валентина позвала обедать, мы сходили, поели, выпили по сто грамм. И дальше продолжали работать. Когда кое-как закончили с трубой, Васька вставил стекло в окно, распорядился затопить печь. Мы с Димкой напряженно смотрели, когда огонь не хотел приниматься. Только Васька был спокоен: «Куда она денется, будет гореть, прямая же». И действительно, через некоторое время в печке загудел огонь, слышался треск горящих дров. Васька вышел на улицу, посмотрел на дым, который, выйдя из трубы, сначала поднимался прямо, а потом растворялся в небе. Мы были от счастья на седьмом небе. А Васька зашел в баню, сказал: «Сильно топить не будем, раствор потрескается, мы только проверили. Вот в этот карман вода заливается, она нагреется, когда печь будет топиться. Зимой здесь воду после бани оставлять не надо. Вода замёрзнет и лёд может делов наделать. Лопнет печка. В этот отсек, где труба, камней нужно наложить, вижу, у вас их немного, но положите, сколько есть, до лета и так сгодиться. Воду для пара старайтесь на камни брызгать, не на трубу. Больше топить не будем, вот эту дырочку, под дверцей, прикрываю кирпичом. Если нужна тяга больше, отодвигаете, если меньше, прикрываете. Понятно? Теперь займемся полом».

Но полом нам пришлось заняться только на следующий день. Вернее, мы начали. Но оказалось, что работы предстояло сделать больше, чем мы планировали. Несколько столбиков под лаги пришлось откапывать и выбрасывать, они были совсем сгнившие. Вместо одной балки был установлен брусок, который тоже сгнил и сломался. И нужно было для замены доски три-четыре метра по три. Из того, что мы нашли в сарае, в дело могла пойти только одна чурка, как столбик под лагу. Больше мы ничего подходящего

не нашли. Василий закурил, что-то прикидывал про себя, потом сказал: «Так, из инструментов нужна ножовка, та, которую вы нашли в сарае, совсем старая и тупая. Еще пилу-двуручку надо. Молоток у вас есть, топор тоже пойдет. Три доски метра по три, и бревно под лагу. У меня посмотрим. А на сегодня хорош. Отдыхайте, завтра продолжим».

Когда Василий ушел, мы еще долго сидели в бане, подбросили еще немного дров, довольные, осматривали выполненную за день работу: крепко стоящую печку, разобранный пол, окно с целым стеклом.

Потом мы попили чай и я вернулся в общагу. Помылся в душе и уснул в предвкушении хорошего завтрашнего дня.

На удивление, на следующий день работы мы закончили уже до обеда. Нередко так получается: вроде бы работа не очень сложная, но провозишься много времени, а на первый взгляд трудоёмкая работа прodelывается легко и быстро.

Васька с утра уже приготовил и бревно, и доски, и инструменты. Перетащив все это к бане, мы быстро пилой с двумя ручками отпилили кусок бревна под стойку, приспособили его на место, приладили бревно – лагу, скрепили досками. Пол был готов. Васька командовал: «Всё, можете топить». «Уже можно? – удивились мы.

– Да. Идите за водой, я пока затоплю.

Мы, прихватив ведра, побежали за водой. Колонка была рядом, пока наполнялось одно ведро, другое с водой кто-нибудь тащил в баню. Когда отсек для воды был наполнен, мы втроем присели на скамейку в бане, Василий закурил.

Огонь в печке горел весело, баня наполнялась теплом, а мы радостные и веселые, комментировали свою работу.

– Я думал, проблем будет больше с полом, – говорит Васька. – Хорошо, хоть совсем сгнила только одна лага, вышли из положения. А если бы все... Но остальные по лету тоже менять надо, тоже подгнили, просто эта самая тонкая оказалась, поэтому и переломилась. И остальные долго не выдюжат.

– Василий здорово помог, – говорю. – Без него ремонт бы мы не сделали.

– Да, – поддержал Димка. – Всё с его дома стаскали. Спасибо, Василий.

– Да чего уж там. Соседи-же. Сегодня я помог, завтра ты мне поможешь. Так, ребята. Вы топите, думаю, через час будет готово, банька-то маленькая. Через час подойду.

Василий ушел, а мы подтапливали печь, окунали руку в нагреваемую воду, удовлетворенно кивали головами: нагревается.

Сходили в дом, попили чаю, с довольным видом объявили Валентине, что сегодня пойдём в баню. Она удивилась, оделась, сходила на улицу и тоже с веселым видом вернулась.

– Точно. Но вы молодцы!

Стала собирать банные принадлежности. Мыло, тазик с ковшиком, белье Димке, мне нашла полотенце.

Димка еще раз сбежал в баню, посмотреть, готова ли. Появился, объявил:

– Всё, минут через десять идем.

Тут и Василий зашел. В руках держал тазик, в тазике полотенце, веник березовый.

– Банный день у нас вчера был. Но от баньки я никогда не откажусь. Как, готова банька?

– Все, можно идти, – поднялся Димка и стал одеваться.

– Ты в баньку с шубой? – рассмеялся Васька. – Нечего одеваться, так и идите без одежды. И я вот, сброшу фуфайку. Он скинул шапку, фуфайку, пошел на улицу первым. Мы за ним.

В бане было уже совсем жарко. Я с Димкой по-быстрому скинули одежду, забрались на полати. А Васька стал замачивать веники (их у него оказалось даже два), подливая горячей воды на веники в тазике и комментируя:

– Веники со вчерашней бани, поэтому их не надо долго замачивать. Если бы сухие, другое дело. Веники берёзовые, баньки на две-три хватает, не больше. Вот дубовые, они крепкие. Но дубы искать надо, а береза, вот она, рядом растет. Пять минут ходьбы.

Он отодвинул тазик с вениками в сторонку, полез к нам: «А ну, гвардия, пододвинься, выдержат, нет, полати троих?».

Мы сидели втроем, от печи несло жгучим жаром, мы сидел, потом начали обильно потеть. А Васька продолжал:

– Жару люблю, но чтобы постепенно. А то некоторые мужики в городской бане не успеют в парную зайти, начинают воду лить на камни, паром обдаст парную, тело покраснеет от горячего пара, а что толку. Вылетают через две минуты из парной. Тело должно привыкнуть к жаре, вот когда пойдет пот, можно и пару поддать. Так, ложитесь на животы на полати, парить вас буду.

Василий брызнул ковшиком на камни, они ответили шипением и белым клубом пара. Стало ещё жарче. Васька взял веники и стал нас охлёстывать вениками, сперва тихо, потом сильнее и сильнее, по спине, по ногам. Васька еще поддал пару, тут я не выдержал и бросился на улицу. Димка следом. С разбегу я нырнул в сугроб, но будто тысячи иголок вонзились в тело. Не поймешь: то ли холодно, то ли жарко, то ли больно. Я заорал, вскочил и побежал обратно в баню. Димка с ревом следом, тоже после сугроба.

А в бане Василий хлестался вениками. Мы попрыгали на полати.

– Хорошо? Вот, банька – дело великое. Снова ложимся, только на спину, глаза закрываем, причиндалы свои тоже руками прикройте, чтоб не лишиться потомства.

Мы ложимся, снова шипение пара, снова нас обдает жаром, снова шлёпки по телу вениками. Второй порции пара мы не выдерживаем, с криком вылетаем из бани. Также с ревом прыгаем в сугроб, от холода в снегу орем еще больше, но снова ныряем в сугроб, орем и кричим, бежим и прыгаем по снегу, не задумываясь о том, что мы совершенно голые. Но уже темно, вечер. Да и какое кому дело, мы в бане моемся...

Глава 20.

«Новый Год, Новый Год...»

Так незаметно, и год подошел к концу. Хотя, как незаметно, приближение Нового Года всегда ожидаешь, считаешь сначала месяцы, потом дни, сколько осталось до этого

праздника. Праздника, самого желаемого, самого долгожданного и самого веселого.

Вспоминая Новый Год, сразу вижу такие картинки из детства.

Я беру топор, большой и тяжелый (а мне лет пять-шесть), иду в лес за ёлкой. Кое-как срубив тупым топором небольшую ёлочку, утопая в сугробе, весь в снегу и изрядно вспотевший, притаскиваю ее. Перевернув табуретку, с мамой прилаживаем на нее нашу ёлочку, начинаем наряжать. Я акварельными красками раскрашиваю разными цветами использованные тетрадные листки, когда они подсохнут, мама нарезает из них полоски, длинные, потом короткие, мы их склеиваем, колечками, одна в одну, разными цветами и у нас получается красивая гирлянда. Вешаем ее на ёлку, что осталось, на стену. Игрушек было не очень много, они были стеклянными, бились часто. Но и битые шли в дело: мама их истолчёт, намажет клеем листок бу-

маги, насыплет эти крошки, они прилипнут, а когда все высохнет, получается волшебный рисунок. Можно на стену повесить. Чтобы восполнить недостаток игрушек, я рисую и вырезаю из кусков картона разные фигурки: зверюшек, людей, кораблики, звезды. Раскрашиваю, мама пронизывает нитку, вешает на елку. И вот они стоят рядышком: и зайчик с волком, и медведь с охотником. На самый верх звезду пятиконечную прикрепляем, тоже самодельную, из картона. Сашка научил меня звезду рисовать. Отрываем от ваты кусочки и набрасываем на ветки, получается ёлка под снегом, а на самый низ, на табуретку, постелив слой ваты, Деда Мороза ставим, тоже картонного. Он по снегу идет.

Самое веселое происходило в школе. Мы с нетерпением ждали приближение новогодних праздников, нас ожидали веселые игры возле большой ёлки, установленной в спортзале, Дед Мороз со Снегурочкой, маскарад и, конечно же, подарки. Их раздавали в конце праздника; я бережно нёс бумажный мешочек, чтобы не порвался, дома с довольным видом ставил свой подарок на стол. Быстро раздевался и с мамой начинали выкладывать содержимое мешочка: это конфеты разные: и шоколадные, и карамельки, вафли, печенье, но и в самом низу – яблоко!

К маскараду мы готовились тоже заранее. Костюмы готовили из того, что под руку попадет. Кто-нибудь шубу козью вывернет наизнанку, наденет, маску нарисует, непонятно какую, приладит на лицо, а когда комиссия по костюмам подойдет, спросит, что это за костюм, хозяин костюма довольно ответит: «Медведь!».

Однажды я решил сделать костюм Руслана. «Руслан и Людмила», помните? Меч выстругал из доски, маску сделал, шлем, штаны приготовил черные, а вот кольчугу не знаю, из чего сделать. Думал, думал, решил рубашку в кольчугу превратить. Взял акварельные краски и изри-

совал всю белую рубашку колечками. Мне казалось, что я кольчугу нарисовал. Но комиссии, видимо, так не показалось, они у меня тоже спросили, что это за костюм. Но потом мне дали приз: краски акварельные. Думаю, они решили, что у меня краски дома закончились. И я довольный нес эту коробку с красками домой. Но довольным был только до дома. Когда я разделся, мама, увидев мою «кольчугу», мои художественные начинания оценила своеобразно: отстегала ремнем. Белая рубашка-то была единственная...

Потом старшие классы, учеба в городе. И поездка домой на зимние каникулы. На весенние и осенние каникулы я домой не ездил, а вот зимние ждал с самой осени. До дома два дня добираться, замерзая в холодных автобусах и попутных машинах, но это ерунда, ведь ты потом окажешься в родной деревне, в родном доме с нехитрыми подарками, где тебя встретит мама, а 31 декабря пойдешь в клуб встречаться с друзьями.

Но сегодня я уже взрослый, работаю на стройке, и эти детские воспоминания вроде бы не должны сильно волновать, но нет, они не забываются, и, наверное, не скоро забудутся.

А на работе в эти дни только и разговоров, кто как Новый Год встретит, с кем проводить будет. Кто в деревню поедет, к родственникам, кто в гости пойдет, а кто гостей принимать собирается.

Я не хотел ехать, не планировал, но с приближением Нового Года всё больше и больше стало тянуть домой. Ведь столько лет подряд домой на новогодние праздники ездил. Еще узнал, что Димка с Валентиной уедут на праздники к родственникам. А с кем ещё Новый Год встречать, не с соседом же, с Васькой. Три дня праздничных, еще пару дней выпросил у бригадира.

И вот, 31 декабря я оказался дома! Выехал тридцатого, переночевал в дороге, а тридцать первого, после обеда, обнимал маму. Она всплакнула, ведь я не предупредил её, не звонил, что приеду, хотел сюрприз сделать.

– Что ж ты не позвонил, я бы хоть подготовилась, сготовила бы что-нибудь, – огорчается она.

– Да ну тебя, мам. Что я, барин какой? – отвечаю. – Вот, по привычке, конфет привез, шаль тебе, накинь на плечи.

Мама разворачивает красивую шаль, накидывает на плечи, подходит к зеркалу, рассматривает себя. Потом садится на скамейку, краем платка утирает слёзы.

– Разлетелись вы, Саша в армии, ты в городе, я одна. Думаю, в первый раз буду одна Новый Год встречать. Хотела к соседке идти, и вот ты приехал, обрадовал. Саша пишет, что служба идет нормально, уже сержантом стал, может, в отпуск приедет летом. У тебя-то как, тяжело работать?

– Сашка мне тоже пишет. Да и у меня тоже все нормально, уже втянулся. После праздников на сессию поеду, в Бирск. Я же еще в техникуме учусь, заочно, я писал.

– Я рада за тебя, молодец. Ты там, в Бирске осторожно, город говорят, беспокойный, тюремщиков много.

– Город как город, был я там, ничего страшного.

– Садись, чаю попей, замерз, наверное, холодно в машине было?

– Нет, нормально, тепло, – поддвигаю табуретку к столу. – А я еду, думаю, в доме ёлка на этой табуретке, стены в наших гирляндах.

– А кто за ёлкой-то пойдет, Коля? Вас нет, я одна. Хотя, на днях почему-то стала искать в сенках коробку с новогодними игрушками, вот, занесла, под койку поставила.

Мама вытащила из-под койки старенькую мятую картонную коробку, открыла, стала выкладывать на пол игрушки:

– Вот, смотри, твои зверюшки, гирлянды твои, бумажные, только мятые и порванные местами, – она посмотрела на меня. – А может, сходишь за ёлкой?

– Да ну, мам. Какая елка, что я, ребенок? Да и в клуб бежать надо скоро, поздно уже. Толик-то дома? А эти игрушки пора в печку выбросить. Что их хранить-то?

Мама ничего не ответила, осторожно сложила игрушки в коробку, отнесла на место. Подошла ко мне, погладила голову.

– Большой уже вырос, улетел из дому... Да, Толик здесь. Видела днем, тоже на праздники приехал... Думала, Коля приехал, вместе посидим, а ты даже не рассказываешь о себе ничего... Будете компаниями собираться, много водки не пей...

– А чего рассказывать-то? Ничего интересного, работяги дома строят, детей растят. Живут. У каждого своя судьба. Мужики в бригаде нормальные, а бригада вымпел имеет, «Бригада коммунистического труда». Я в подсобниках, кирпичи таскаю.

– Тяжело? Ты там сильно-то не надрывайся, маленький ещё.

– Нет, не тяжело. Я же не всё время их таскаю. Там краны, ими кирпичи и доставляют на рабочее место. А я потом каменщику подтаскиваю. Скоро сам выучусь стены выкладывать. Потом, мама, первый кирпичный дом в деревне сам построю, будешь там жить, как в хоромах.

Мама улыбается: «Ох и фантазер ты у меня. С моим-то здоровьем, дождусь ли я. А ты ведь ещё писал, что тебе квартиру в городе дадут».

– Не знаю, может, дадут. В армию схожу, видно будет. А если дадут, в город поедешь жить?

– Нет, сынок, не поеду. Я уж тут, свой век... А ты, в городе хочешь жить?

– Не знаю, после школы хотел, теперь не знаю.

– Домой тянет, в деревню?

– Нет, в другие города, большие.

Мама тяжело вздохнула, снова обняла меня: «Вот, обрадовалась, как приехал, вдвоем Новый Год встретим, но ты опять убежишь».

– А чего сидеть-то дома, как барсук в норе? В клуб-то пойдешь?

– Нет, в клуб я давно не хожу. Я носки тебе лучше довяжу, начала на днях. Заберешь с собой.

– Ладно, я побегу.

Быстро допив чай, я пошел к Толику. Толик мой родственник, учится на механизатора, в соседнем районе. Радостно обнялись, он оделся, и мы направились к клубу.

Перед клубом горел большой фонарь, из клуба доносились музыка, людской шум, дверь постоянно открывалась и закрывалась, выпуская пар, запуская свежих и выпуская разгоряченных людей.

Клуб снаружи нисколько не изменился. Сколько раз мне приходилось торопливо заходить в эти двери, будь то концерт, будь то кино «Неуловимые мстители».

И сейчас также с нетерпением мы чуть ли не забежали в клуб с Толиком. Веселье было в самом разгаре. В середине клуба стояла ёлка, под самый потолок, сама-то пышная и красивая, да ещё украшенная горящими гирляндами, она представляла грандиозное зрелище. Обычно в зале стояли деревянные кресла, рядами, а сегодня они были сложены друг на друга в конце зала. Здесь уже народ пускался в пляс, под звонкую игру гармошки. А гармонистом был, конечно же, Гаврил, кто же еще. Ни один праздник без него не обходится. Без него с гармошкой. Лихо растягивая меха своей гармошки, он, притоптывая одной ногой, поднимая голову вверх, кивками подбадривал плясунов. Ясно, не одна

стопка им уже пропущена, и это еще не финал. А плясуны не простые, здесь и лиса (по лисьему хвосту догадываемся), и разбойник со страшной маской, и зайчата, парочкой.

На другом конце зала, справа, сцена. На ней тоже толпится народ. Там рыбаки рыбачат бутылку. Коротенькая удочка, обыкновенная, рыболовная. Только на конце лески не крючок, а колечко из проволоки. А на полу бутылка. Водки, разумеется. Так вот, надо это колечко надеть на горлышко бутылки. Кажется, чего проще. Первый рыбак готовится «рыбачить». Рядом типа судья с часами в руке, он время засекает. Говорит: «Время пошло». Колечко начинает болтаться над бутылкой. «Рыбак» никак не может остановить колечко, то вверх дернет удочку, то вниз. Кое-как он добивается, чтобы кольцо коснулось верха горлышка бутылки, но через мгновение кольцо снова предательски раскачивается в воздухе. Болельщики громко комментируют, подсказывают, как и что делать. Во второй раз удается посадить колечко нижним концом на бутылку, теперь оно не срывается, замерло. «Теперь опускай удочку!», – подсказывают болельщики. Удочка опускается, колечко снова болтается в воздухе. Слышны возгласы разочарования. «Время вышло», – говорит организатор, и удачу торопится поймать следующий. Но и ему не удается закольцевать бутылку. А желающих все больше. Хоть удочка понарошку, но водка-то настоящая!

А под ёлкой стали призы раздавать, за костюмы. Выходили зайцы, бродяги, волшебники, кого только не было. Даже две Бабы Яги. Одна со ступой, другая с метлой. Им вручали призы и все хлопали. Потом хоровод начался. Народ знает, что скоро Дед Мороз со Снегурочкой появятся. Под команду организатора начинают все Деда Мороза звать. Но он не приходит. Появляется Снегурочка, вся в слезах, говорит, в гостях задержались, Деда Мороза напоили, он

в снях спит, просит помочь занести. Несколько добровольцев заносят бедолагу. А он на ногах не стоит, уселся на пол, двух слов связать не может. Считай, Новый Год провалили работники клуба. Как-то неловко всем стало, не знают, что делать. Конечно, праздник, не обязательно быть трезвым, но чтобы Дед Мороз, да еще так... Тут заиграла музыка, Дед Мороз встрепенулся, соскочил, пробежал вокруг ёлки, крикнул звонким и совершенно трезвым голосом: «С Новым Годом вас всех!» и пустился в пляс. Разыграли, гады! Тут и вся толпа стала радоваться плясать с Дедом Морозом.

Потом начались конкурсы. Кто пел, кто стихи рассказывал, кто частушки не очень детские под гармошку Гаврила выдавал. А Дед Мороз призы вручал. А потом они со Снегурочкой сели в сани и укатили, сказали, их еще где-то ждут. Провожать вышли все клубом, пожелали Деду Морозу теперь по-настоящему выпить. Народ тоже стал расходиться, скоро 12 часов, куранты. А мы уже большой компанией (тут и знакомые, и друзья, и одноклассники), которая образовалась тут же в клубе, пошли в гости к Наталье, мы с ней учились в младших классах, она недалеко живет. Человек десять в нашей компании, сразу в избе стало тесно. Пока мы с парнями делились последними новостями, девочки быстро собрали на стол, и с приближением стрелки часов к 12 мы стояли, наполнив кружки, стаканы и пиалы шампанским, включив на самую громкую мощность радио. Пробили куранты, заиграл гимн. Мы кричали, чокались разной посудой и пили шампанское. Нам казалось, что в этот момент случилось что-то необыкновенное, важное, и мы обязательно увидим это в наступившем 1977 году. Мы радовались, что-то возбужденно говорили, подливали шампанское, вино, ели пельмени, магазинские соленые огурцы и помидоры, и казалось, счастливее нас никого на свете нет...

А потом мы всей толпой снова пошли в клуб. Там шли танцы. Народу сначала было немного, но через короткое время клуб снова был полон. Люди были еще веселее, кто-то еще и с собой прихватил, угощал всех. Костюмов ни на ком уже не было, только по разукрашенным лицам можно было догадываться, что это была лиса, а рядом Баба Яга. Отплясывал рядом с бывшими обитателями лесов и гармонист Гаврил, только без гармошки и без шапки. На вопрос, где его гармошка, он отмахивался: надоела, мол.

Немного потанцевав, мы пошли уже чуть поредевшей компанией к другому приятелю, тоже Кольке. Он учился в параллельном классе, сейчас на шофера учится. У него дома родители с друзьями гуляли. Нас тоже усадили за стол, накормили, напоили. Мы делали вид, что много не пьем, не стали долго засиживаться. Выйдя из дома, пошли кататься с горочки. Она была сделана из снега, а сверху лед. Несмотря на позднее время, там было полно детей. Но и взрослые были. С криком, шумом люди скатывались с ледяной горки, переворачивались, натыкались друг на друга, орали и хохотали. Вдоволь накатавшись, мы снова пошли по улице. Горланили песни, шутили, смеялись. Нам встречались такие же компании. Кто-нибудь из компании звал к себе домой, мы шли за ним. Потом другой звал. У кого-то долго сидели, у кого-то не засиживались. С каждым разом наша компания уменьшалась. Под утро нас осталось трое: я, Толик и Васька, мой одноклассник. Пошли к Ваське. Там тоже гуляла молодежь. Вернее, отгуляла. Двое парней уже спали в одежде на кровати, а две девушки и парень сидели за столом и клевали носами. Одна из них была Света, сестра Васи. Увидев нас, сидящие за столом зашевелились, Света пригласила за стол. Мы разделись, сели, но есть и пить не было ни сил, ни желания. Сидели, вяло перекидываясь фразами.

Тут открылась дверь, и на пороге появились трое парней. Один был Димка, он на класс меня старше учился, он родственник Васьки, двое, Гришка и Славка, были его одноклассниками, они вроде на стоянке работают. А Димка сидел в тюрьме, попал, когда в восьмом классе учился, за драку. Я его давно не видел, видимо, отсидел, вернулся.

Когда они прошли к столу, я привстал, поздоровался: «Привет, Димка!», – и протянул руку. Но он никак не отреагировал, расстегнул курточку из овечьей шкуры, присел на стул. Я тоже сел. Наступила напряженная тишина.

Было видно, что эти ребята ищут приключения. Можно к кому-нибудь придрататься, можно и поколотить. Желательно приезжих. На стопроцентного приезжего я не тянул, но всё равно столько лет в городе учусь, да и теперь в городе живу. Почти чужой. Других подходящих кандидатур здесь не было.

Димка вытащил складной нож из кармана, вынул лезвие, провел по лезвию пальцем, посмотрел на всех, улыбнулся: не бойтесь, мол, и, перекинув ножичек из левой руки в правую, отрезал кусок от мяса, лежащего на столе в тарелке. Положил в рот, пережевывая, обратился ко мне: «Чо, Колька, в городе живешь?». «Живу», – отвечаю.

– А чо такой хмурый?

– Хмурый-то ты. На приветствие не отвечаешь, ножичком играешь.

– Не бойся, не порежу.

– Не боюсь, ты уже резал.

Я улыбнулся, он посидел, тоже улыбнулся. Остальные ничего не понимали.

А я и Димка, тоже, думаю, подумали об одном и том же. Это было в младших классах, в бригаде по заготовке кормов. Каждое лето мы в школьные годы работали на заго-

товке сена совхозу. Школьников было всегда много в таких бригадах. Вечерами и в свободное время мы иногда играли в ножички. Очерчивали круг, бросали ножичек, по ножичку чертили линию, дальше бросали. Приходит очередь бросать ножичек Димке, у него складной ножик. Одни стоят вокруг круга, некоторые сидят на корточках, в том числе и я. Когда Димка бросил ножик, в последний момент то ли он передумал, хотел перебросить, то ли ножик сам сорвался, но он полетел не в круг, а в сторону. И вот такая картина: что-то хрустнуло, и на моей ноге, чуть выше колена, глубоко вонзившись, болтается этот ножик...

– Да, было дело, – Димка спрятал свой ножик в карман. – Помню, ты потом никому не пожаловался.

Он встал, протянул руку: «Давай, будь здоров. Может, в городе когда буду, мало ли...». Я подал руку, Димка подал сигнал своим друзьям и они пошли из дома. А сидящие стали расспрашивать, что это было за дело. Я рассказал, как мы вместе работали в сенокосной бригаде в свое время, как я хромал после этого случая около месяца, а Димка помогал мне сесть на лошадь, подсаживал, что он был обыкновенным пацаном, тихим, не драчливым, это я отличался своими полу хулиганскими замашками. А в жизни получилось, что в тюрьме он оказался, а не я...

Дома я оказался под утро. Мама вязала носки, уже проснувшись. А может, и не спала. Я кое-как разделся и завалялся спать. Проспал весь день. А на другой день нужно ехать обратно. Отец Толика договорился с кем-то знакомым, что он увезет меня до города, он на своей машине, на «москвиче», на праздники к родственникам приезжал. Радуюсь, что за один день доеду до города.

Носки мама успела связать, только постирать не успела. Да ладно, в городе постираю. А носки шерстяные нужны. Зима.

Когда утром на улице посигналила машина, я знал, что это за мной. Мама вышла провожать. Опять всплакнула. Машина поехала, я повернулся и через заднее стекло видел, как она долго стояла, махала рукой...

Глава 21.

Делу время

Что-то я всё про праздники. То свадьба, то Новый Год. Совсем про работу забросил рассказывать. Хотя, что интересно, во время работы почему-то о работе не думается. А чего здесь думать, все монотонно, из минуты в минуту, изо дня в день, из месяца в месяц: кирпичи, раствор, леса. Потом опять леса, раствор, кирпичи... Каменщику не надо отвлекаться, нужно думать о работе: который ряд он выкладывает из облицовочного кирпича, не скоро ли перевязка, не пропустить проем для окна, не забыть пробки деревянные вставить, по отвесу выставить угловые кирпичи, правильно натянуть шнур... Ему отвлекаться некогда на другое, не то, что мне, подсобнику. Поэтому Михаил Чечушев в основном молчалив, а если что и скажет, немногословен. И я тоже молчу, думаю о чем угодно, только не о работе.

Несмотря на зиму с его снегом и ветрами, работа на нашем доме продвигается неплохо. За зимние месяцы каменщики выложили два этажа и вышли на последний, пятый этаж. Михаил говорит, что в зимнее время работа даже лучше идет, может, потому что мороз подгоняет, хотя бывают и активированные дни, о которых я говорил. Но таких дней за зиму было всего три, а так, в основном, зимы у нас теп-

лые. В самые холодные дни около двадцати градусов, минуса, разумеется. Бывает и тридцать, и под сорок, но мало. А так, до двадцати градусов мороза можно работать спокойно.

В январе уже заметно, что дни увеличиваются, с каждым днем все светлее и светлее, когда на работу идешь, и с работы.

В бригаде больших изменений нет, стоит большая задача наш дом сдать к Новому Году, а еще лучше, к 7 Ноября. Первую дату трест обозначил, а наше ПМК взяло обязательство повышенное, раньше сдать, к Великому Октябрю. Поэтому всё чаще у нас на объекте появляются комиссии, подолгу совещаются в нашем вагончике большие начальники, пригласив из бригады бригадира и заместителя.

В середине января я поехал на сессию в Бирск, на две недели. Думаю, по городу большому да незнакомому поброжу, по музеям да по магазинам. Но как еще раз убедился, не всегда получается так, как ты планируешь. Поселили меня в общежитии, места были, студенты очники как раз после сессии по домам разъехались. А общежитие находится в двух шагах от техникума. Считай, и на улице-то недолго находишься. И как нагрузили меня в плане учебной программы, как зашел я в эти общежитие и техникум, так и не выходил из них за эти недели. Оказалось, что у меня нет нескольких контрольных работ, да еще к экзаменам надо готовиться. Так что вместо дневных прогулок по городу днями сидел на консультациях, затем в библиотеке, в общежитии, колдовал над контрольными, прихватывая вечера и ночи. Только вокзал и остался в памяти, в плане знакомства с достопримечательностями города Бирска. Хотя я видел его еще в первую поездку.

И возвращался я обратно, так и не познав этот город Бирск, но у меня в кармане лежала первая в жизни зачет-

ная книжка, которую я время от времени вытаскивал, рассматривал записи и росписи, сделанные преподавателями. В книжке были заполнены графы аж по пяти предметам: зачеты по электротехнике, сварочному делу, деревообработке и оценки по двум предметам: тройка по сопротивлению материалов и четверка по строительным материалам. Не бог весть какие высокие оценки, но я был на седьмом небе от счастья, не знаю, почему.

На работе все расспрашивали, как я съездил, как сдал экзамены, особенно интересовался Петька Олейник. Появился и Николай Григорьевич, тоже подробно расспросил, пожелал в следующий раз подготовиться лучше.

В феврале уже запахло весной, снег на солнце стал подтаивать, днем становилось так тепло, что самые отчаянные скидывали шапки и фуфайки. Некоторые уже носили сапоги вместо валенок. Но иногда погода портилась, снова начинал идти снег, поднимался ветер. Февральские метели никто не отменял. Но это было ненадолго, снова появлялось солнце, снова оказывались без шапок мои каменщики.

В марте подошел ко мне Николай Григорьевич и говорит, чтобы я готовился сдать экзамены на третий разряд. Экзамены будут в два этапа: практика и теория. На практике я должен выложить кирпичную кладку, а по теории ответить на вопросы. Передал листок с вопросами, сказал, если попадутся трудные, чтобы подошел, литературу он подыщет. Экзамены принимает комиссия из нескольких человек, из треста, из ПМК. В комиссии был и наш бригадир, Семкин Виктор Иванович.

В первый день была теория. Я пришел в трест, нашел нужный кабинет. Кроме меня на экзамен пришли еще трое взрослых дядек. Вызывали нас по одному. Ответы на вопросы я нашел в своих учебниках, не пришлось обращать-

ся к Николаю Григорьевичу. Когда вызвали меня, на все вопросы я ответил, спрашивали про размеры кирпича, его марки, что добавляется в раствор зимой и другие. Уже в конце один дядька спрашивает, какое отклонение по вертикали допускается при строительстве пятиэтажного дома, от низа до верха. Тут я поплыл. Даже дело было не в том, знал я, или нет. При небольшом напряжении мозгов можно было сообразить и правильно ответить. Дело было в том, что этот вопрос застал меня врасплох, его не было среди остальных вопросов, по которым я готовился. И вместо того, чтобы соображать по существу вопроса, я стал злиться на этого дядьку, что он задал вопрос, которого не было в задании. И конечно, я не мог сосредоточиться, стоял и ничего не мог ответить. И это было для меня еще одним уроком: в жизни может произойти всё, что угодно, то, чего ты совсем не ожидаешь, но ты должен быть готов к этому, и стараться решать эту проблему, не задаваясь вопросом, по какой причине это произошло. Мне зачет, конечно, поставили, но собой я остался очень недоволен.

На другой день нас отправили на строительство пятиэтажного дома, который строила другая бригада. Там мы показывали, как мы умеем выкладывать кирпичную кладку. Строительство на этом доме шло уже на третьем этаже, мне нужно было проложить пять рядом кирпичной кладки из облицовочного кирпича до оконного проема. На этот раз всё прошло хорошо, частые перекуры в нашей бригаде не прошли для меня даром: я тренировался. Выложив ряды из кирпича, аккуратно пройдя по швам расшивкой, я сказал, что работу закончил. От комиссии по моей работе особых замечаний не было.

Через несколько дней Николай Григорьевич позвал меня в свой кабинет и торжественно (насколько торжественным может быть мероприятие, когда в нём участвуют

два человека) вручил мне свидетельство каменщика третьего разряда.

– Николай, – сказал он. – Теперь ты настоящий каменщик, не подсобный рабочий. С сегодняшнего дня ты можешь самостоятельно работать, даже сам подсобника брать. Я тебя поздравляю, Семкину скажу, чтобы давал тебе задание как каменщику. От Чечушева можешь уходить. И зарплата у тебя будет повыше.

– Да не надо, Николай Григорьевич, мне скоро в армию, повестка уже на 29 апреля, я уж с ним доработаю до конца.

– Но смотри, тоже неплохое решение. Молодец, иди, свидетельство покажи бригаде, похвастайся. Некоторые годами не могут на третий разряд сдать, а ты в семнадцать сдал.

– Мне уже восемнадцать исполнилось.

– Когда?

– Неделю назад.

– Ну да, тебе же повестку вручили. Молодец, поздравляю с совершеннолетием, взрослеешь!

Я принес свое свидетельство на работу, показал всем. Каждый рассматривал внимательно, хвалил, а Васька Новоселов сказал: «По-моему, чего-то не хватает, а, Колька?». Пришлось бежать в магазин.

А вечером, в комнате, я всё разглядывал и разглядывал свой первый документ. Документ о том, что я имею профессию, первую профессию в своей жизни. И я чувствовал свою нужность, и себе, и стране.

Но все прекрасно только в книгах бывает. У восемнадцатилетнего паренька всё шло хорошо. Учусь в техникуме, на сессию первую удачно съездил, на третий разряд сдал, каменщиком настоящим стал, на работе отмечать стали. Стал в чертежах разбираться, помогал бригадиру или его заместителю размечать, где какую кладку выкладывать.

И вот однажды, когда бригадир Семкин заболел, а его заместитель, Степан Краснощёкин отпросился в деревню, на три дня меня поставили бригадиром.

Их каких соображений именно меня, не знаю, но поставили. По сути, три дня и без бригадира можно обойтись. Каждый каменщик знает свою работу и без бригадирской подсказки. Единственно, нужно ежедневно заказывать раствор, примерно прикидывать, какие стены будут выкладываться, подсчитывать, сколько потребуется раствора на следующий день. А кирпича, плит и другого материала хватит на объекте надолго.

К вечеру обхожу каменщиков, прикидываю, какой объем раствора нужно заказать назавтра. У меня получилось два с половиной куба. А машина привозит два куба. Две машины это четыре куба, не пойдет, останется много. Одна машина – два куба, заказываю одну машину, пусть лучше не хватит, чем останется полтора куба. Теперь нужно заполнить заявку, отнести в контору. Оформив заявку в вагончике, хотел уже идти, как появился Витя Карманов: «Колька, лопату дай, сломалась моя». Ключи у меня в кармане, идем в соседний вагончик, Витька выбирает новую лопату. Потом закрываю вагончик с лопатами, иду на пятый этаж, дальше работать. Навстречу Васька Новоселов идет, говорит: «Я в контору, больничный в бухгалтерию отдам». Тут я вспомнил про заявку, говорю: «Васька, в вагончике на столе заявка на раствор, отнеси в диспетчерскую». Он отвечает: «Ладно, отнесу».

Наступает следующий день, второй день моего бригадирства.

Утром вовремя приходит машина с раствором, Санька Попов разгружает машину, отправляет краном бады с раствором на рабочие места каменщиков. Через некоторое время смотрим, подъезжает вторая машина, тоже с раство-

ром. Александр разговаривает о чем-то с шофером, потом ищет меня взглядом, машет рукой. Я быстро спускаюсь, начинаю волноваться, что же произошло. Когда подошел к Александру, во двор заезжала третья машина, тоже с раствором. Слышу, водитель говорит Саньке: «Двадцать кубов, у нас пять машин, все сюда. Еще удивляются, куда так много, Но мало ли, на фундамент может. Вторым рейсом тоже сюда привезем». Санька спрашивает у меня: «Колька, сколько раствора на сегодня заказывал?».

– Два, – говорю. – Два куба.

– Говорят, заказано двадцать. Десять машин. Куда столько?

У меня волосы на голове дыбом: «Как – двадцать?! Я всего два куба заказывал!».

Санька говорит: «Да, какая-то ошибка. Я сбегая в контору». И побежал.

А в ворота заезжала четвертая машина.

Через некоторое время на нашей строительной площадке, заполненной пятью машинами с раствором, были практически все конторские во главе с начальником ПМК Иваном Петровичем. И Николай Григорьевич, и девчонки с диспетчерской, и секретарь парткома, и главный инженер. Я сидел на рельсах крана, а вокруг меня стояли рабочие, конторские, шофера. Девчонки с диспетчерской трясли моей заявкой перед моим носом, секретарь парткома кричал, как можно доверить бригадирство молокососу, шофера возмущались, а я сидел и плакал, плакал навзрыд, никого не стыдясь, утирая слезы грязными верхонками...

Потом я эту сцену сравнивал со сценой с крановщицей, когда по её вине упал с дома Петр Никифоров.

Через несколько дней подходят ко мне Витька Карманов с Васькой Новосёловым, Витька говорит: «Колька, когда ты мне выдал лопату в тот день, я пошел в туалет. А туалет же

у нас сам знаешь, какой, сквозь щели всё видеть. Сижу, смотрю, Женька Черников в вагончик заходит, на ходу фуфайку снимает. Жарко стало. Зашел в вагончик, побыл недолго, потом вышел, почему-то посмотрел туда-сюда. А потом Васька забежал, и выбежал с бумажкой».

– Ну, заявку, ты же просил отнести в контору, я даже читать не стал, – Закончил Васька.

Я стою, молчу. Ничего не сказал, пошел в сторону. Они так и остались стоять в недоумении. Я тоже об этом думал, что могли подделать заявку. Мог это сделать Васька, но эту версию я сразу отмел. Значит, когда заявка в вагончике лежала. Большой вагончик у нас в рабочее время никогда на ключ не закрывается, постоянно туда ходят рабочие: то за сигаретами, то одежду поменять, мало ли, кому что надо.

Если и были какие-то сомнения и вопросы, но они рассеялись, когда меня позвал к себе Николай Григорьевич и сказал: «Я внимательно посмотрел ту заявку, твою. Там ноль приписан. В тот день, в суматохе мы не обратили внимания, но потом, когда присмотришься, слишком аккуратно выведен «ноль», другим почерком, да и паста другая, сразу видно. Кто-то это нарочно сделал».

– Я знаю, – говорю.

– Как? Ты знаешь, что кто-то подделал, а почему молчишь?

– Я знаю, что подделали, а кто – не знаю.

– Тогда надо найти!

– Не надо, не хочу.

Николай Григорьевич подумал, встал, подошел ко мне, прижал к себе, сказал: «Даже если бы ты ошибся, не случилось ничего трагического. Мы машины разослали по другим объектам, все нормально. Позвонили, чтобы к нам больше раствор не везли. Не бери близко к сердцу. Тем бо-

лее, что мы теперь знаем, что ты не виноват. Кто это сделал, пусть с этим и живет. Ты прав, искать его не будем. Но, не расстраивайся. В жизни может и ещё похлеще что случиться...

Как-то быстро растаял снег, под ногами хлюпала вода с грязью, в перекуры каменщики сидели возле печки и сушили портянки. Потом всё подсохло, грязи не стало, перекуры устраивались уже на улице, на солнце. Васька так же травил анекдоты, так же все хохотали, шутили, смеялись. Весна, всё-таки.

Сегодня я в последний раз пришел к своим каменщикам. Но не на работу, не в грязной робе, а в повседневной одежде. Вчера я уволился, вернее, написал заявление, что в связи с призывом в армию. Сегодня получил окончательный расчет, ходил в магазин и принес в бригаду полную авоську спиртного и еды. Все шумно стали собираться в вагончике.

Конечно же, верховодил Васька. Разлив вино по кружкам, дал слово бригадиру, Семкину. Виктор Иванович встал, начал говорить уж слишком торжественно: «Колька, то есть Николай! Не успели мы к тебе привыкнуть, ты уже уходишь от нас. Год пролетел незаметно. И эти два года службы пролетят тоже быстро. Очень хорошо, что идешь служить. Каждый парень должен отслужить. Но после службы снова приходи к нам, мы будем ждать. Хорошей тебе службы!».

Мы чокнулись разными посудами, выпили. Потом говорили Степан, Васька, Петька. Степан советовал выбирать шинель длинную, чем длиннее, тем теплее будет, Васька хотел, чтобы я в штабе устроился, грамота, якобы позволяет, а Петька Олейник советовал не курить, как бы не предлагали, вообще там остаться, дальше служить, выучиться, офицером стать.

Мне нужно было бежать, решить кое-какие дела, поэтому чтобы много не пить, я попросил слово. Всем разлили, притихли.

– Ребята, – начал я. Не знал, как обратиться. – Мужики. Мне нужно бежать, поэтому скажу. Год назад я был обыкновенным школьником, мало чего понимающим в жизни. За этот год, чуть поменьше, я стал другим, на многое стал смотреть по-другому, вы научили меня работать, вы учили меня жизни. Не скрою, сначала вы мне показались грубыми. Но потом оказалось, что это не так. Спасибо вам всем, да, после службы я обязательно вернусь в свою бригаду, к вам.

Хотел больше сказать, каждого отметить, персонально, но волновался и быстро закончил свою речь.

Все одобрительно зашумели, я выпил до дна, попрощался со всеми рукопожатиями, а Михаил меня крепко обнял, даже показалось, что прослезился.

Я вышел и медленно, стараясь запомнить надолго свой первый строительный объект, шел по территории к воро-

там. Дом был уже поднят на все пять этажей, скоро появятся плотники, начнут строить крышу. Когда вернусь из армии, тут уже будут жить люди, а я буду знать, что в этот дом вложен и мой труд. Конечно, на общем фоне очень и очень небольшая частичка, но все-таки...

У ворот я повернулся и в последний раз окинул взглядом всю строительную площадку. Дом, второй, под крышей, кран, площадка со стройматериалами. Только хотел двинуться к калитке, гляжу, кто-то из-за угла дома мне рукой машет. Присмотрелся, это был Женька Черников. Любого другого ожидал увидеть, но не его. Я стоял, смотрел на него, а он стоял и махал. Я несмело поднял руку, но потом тоже помахал рукой. И вышел за ворота. В возбужденном состоянии я медленно шел мимо нашей конторы, остановился на некоторое время, посмотрел на плакат на воротах. За эти месяцы эти парень и девушка тоже стали мне родными, каждый день они меня утром встречали, а вечером провожали. И сегодня я смотрел на эту девушку с мастерком уже без раздражения.

Я пошел дальше, окинув взглядом ещё раз, подумав, что, наверное, в последний, свои строящиеся дома, контору, ворота её с плакатом...

Глава 22.

Последняя и самая короткая

Стриженный на голо, в легкой курточке, со свертком в руках, я еду в автобусе, с такими же лысыми парнями, служить в Советской Армии. Автобус увозит меня из родных мест, и я появлюсь здесь только через два года.

А за эти два года произойдет здесь много событий. Бригадир моей бригады, Виктор Иванович Семкин, поскандалит с начальством, уволится и куда-то уедет, семьёй. Бригадиром станет Степан Краснощёкин. Карманов Виктор разведется со своей женой, оставит ей свою квартиру и уедет в деревню. Петька Олейник разобьется на своей «Яве», столкнется со встречной машиной при въезде в Мойму. Петька всегда любил быструю езду. Хоронить его будут всем селом. Михаил Чечушев проводит со своими дочерьми свою супругу в последний путь. Штанаков Николай Григорьевич заболит и через полгода скончается. Через год после начала службы мне придет телеграмма, правда, с недельным опозданием, что мама умерла...

А у Димки с Валентиной родится дочь. Жизнь будет идти своим чередом.

Но я всего этого еще не знал. Я ехал в автобусе, смотрел на остающиеся позади знакомые места и с остальными будущими солдатами Советской Армии потягивал из горла бутылки дешёвое вино...

Содержание

От автора 3

Мир. Труд. Май

Глава 1. Девушка с мастерком 7

Глава 2. Строитель коммунизма 12

Глава 3. Общежитие 18

Глава 4. Отряд рабочих пополнился 25

Глава 5. Мой город 32

Глава 6. Девушка на кране 38

Глава 7. Рубль на обед 45

Глава 8. Студент поневоле 49

Глава 9. Бригада Семкина Виктора 57

Глава 10. Техникум МОД, где о моде ни слова 66

Глава 11. Не только стройка, не только работа 72

Глава 12. День, который не вернешь 82

Глава 13. «Что нам стоит дом построить...» 87

Глава 14. Мотоцикл «Яву» через десять лет 94

Глава 15. Про девочку Машу и бег на 100 метров 103

Глава 16. «...Красный день календаря» 114

Глава 17. Зима	125
Глава 18. Димкина свадьба	133
Глава 19. «...в баню тянется народ»	150
Глава 20. «Новый Год, Новый Год...»	164
Глава 21. Делу время	176
Глава 22. Последняя и самая короткая	186

yadaganov@yandex.ru

На этот адрес можете написать свои замечания,
предложения и отзывы, задать вопросы. А также можете
запросить электронные варианты моих книг.

Литературно-художественное издание

Вячеслав Ядаганов

Осколки 4

Мир. Труд. Май

Повесть

Печатается в авторской редакции

Технический редактор

Л. А. Дерр

НОВОСИБИРСКИЙ
издательский дом

Подписано в печать _02.2024. Формат 60х90/16. Гарнитура «CharterITC».
Бумага офсетная 80 г/м². Печать офсетная. Заказ № 80-8-5. Тираж 100 экз.
640048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104. Тел.: (383) 299-29-80.
E-mail: knigosibirsk@yandex.ru. <http://книгосибирск.рф/>